ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Научный журнал

THE PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

Journal of Academic Studies

ISSN 2223-0564

2022/3(97)

Коллектив Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН).(Фото из официального сайта института).

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Шәрҡиәт проблемалары

THE PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

2022. № 3 (97)

Научный журнал
(гуманитарного, социально-экономического и политико-правового направлений)

Издается с февраля 1995 г. как «Ядкяр» («Наследие»), с сентября 2008 г. – современное название.
Выходит 1 раз в квартал

Journal of the Humanities, Socio-economic, Political and Legal Studies

First published in February 1995 as *The Yadkyar* (*The Heritage*), since September 2008 – under the present title. Published quarterly

Учредители:

Академия наук
Республики Башкортостан (Уфа)

Башкирский государственный университет (Уфа)

Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы (Уфа)

Founders:

Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Bashkir State University (Ufa)

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa)

Главный редактор:

Альфис Суфиянович Гаязов,
доктор педагогических наук, профессор,
академик АН РБ,
член-корреспондент РАО

Editor-in-Chief:

Alfis S. Gayazov, Prof. Dr.Sc. (Pedagogics), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Associate Member of the Russian Academy of Education

Ответственный секретарь:

Ирек Фаритович Амантаев,
кандидат исторических наук

Secretary-in-Chief:

Irek F. Amantaev,
Cand.Sc. (History)

© ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», 2022
© Издательство «Мир печати», 2022
© Редакция журнала «Проблемы востоковедения», 2022

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим группам специальностей: исторические науки и археология; литературоведение; языкознание; философские науки.
Полнотекстовая версия выпуска размещена в Научной электронной библиотеке (НЭБ) www.elibrary.ru
Издание зарегистрировано в Международной базе данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–44557 от 8 апреля 2011 года.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России «Подписные издания» – 33074.
Подробности на сайте: www.pvanrb.ru

Редакционный совет

М.А. Аюпов, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (председатель; Уфа)

А.И. Гоголев, доктор исторических наук, профессор, академик АН Республики Саха (Якутия), вице-президент АН РС (Якутия)

М.З. Закиев, доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ (Казань)

Е.И. Зеленев, доктор исторических наук, профессор, почетный академик АН РБ (Санкт-Петербург)

М.А. Ильгамов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик АН РБ (Уфа)

Исенбике Тоган, доктор философии, профессор, почетный член Турецкой академии наук, иностранный член АН РБ (Стамбул)

Р.Г. Искужин, председатель Евразийского центра «Самрау» (Уфа)

М.Н. Исянбаев, доктор экономических наук, профессор, академик АН РБ (Уфа)

И.Л. Кызласов, доктор исторических наук (Москва)

Ф.А. Надршина, доктор филологических наук, почетный академик АН РБ (Уфа)

В.В. Наумкин, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

Ф.М. Раянов, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Мурадгелди Соегов, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана (Ашхабад)

Редакционная коллегия

А.И. Акманов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)
Р.Г. Буканова, доктор исторических наук, профессор, (Уфа)
Г.Х. Бухарова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)
Д.Д. Васильев, кандидат исторических наук, профессор (Москва)
Г.З. Имаева, доктор филологических наук (Москва)
Р.Ф. Исламов, доктор филологических наук (Казань)
М.Дж. Киекбаев, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Editorial Council

Mansur A. Ayupov, Prof. Dr.Sc. (Political Sciences), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Chairman; Ufa)

Anatoly I. Gogolev, Prof. Dr.Sc. (History), Full Member of the Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

Mirfatykh Z. Zakiev, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Evgenij I. Zelenev, Prof. Dr.Sc. (History), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Saint Petersburg)

Marat A. Ilgamov, Prof. Dr.Sc. (Physics and Mathematics), Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Isenbike Togan, Prof. Dr., Honorary Member of the Turkish Academy of Sciences, Foreign Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Istanbul)

Rudik G. Iskuzhin, Chairman of the *Samrau* Euroasian Centre (Ufa)

Mazgar N. Isyanbaev, Prof. Dr.Sc. (Economics), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Igor L. Kyzlasov, Dr.Sc. (History) (Moscow)

Fanuza A. Nadrshina, Dr.Sc. (Philology), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Vitaliy V. Naumkin, Prof. Dr.Sc. (History), Full Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Fanis M. Rayanov, Prof. Dr.Sc. (Law Studies), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Muradgeldi Soyegov, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Turkmenis-tan (Ashgabat)

Editorial Board

Aytugan I. Akmanov, Prof. Dr.Sc. (History), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)
Roza G. Bukanova, Prof. Dr.Sc. (History) (Ufa)
Gulnur Kh. Bukharova, Prof. Dr. Sc. (Philology) (Ufa)
Dmitriy D. Vasilyev, Prof. Cand.Sc. (History) (Moscow)
Gulnara Z. Imaeva, Dr. Sci. (Philology) (Moscow)
Ramil F. Islamov, Dr. Sci. (Philology) (Kazan)
Murat Dzh. Kiekbaev, Prof. Dr. Sc. (Social Sciences), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Коити Тоекава, доктор исторических наук, профессор (Токио) — *Koichi Toekawa*, Prof. Dr. Sci. (History) (Tokyo)

М.М. Кульшарипов, доктор исторических наук, профессор, почетный академик АН РБ (Уфа) — *Marat M. Kulsharipov,* Prof. Dr.Sc. (History), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Г.С. Кунафин, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа) — *Giniyatulla S. Kunafin*, Prof. Dr.Sc. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

М.Х. Надергулов, доктор филологических наук (Уфа) — *Minlegali Kh. Nadergulov*, Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Д.Р. Орлова, доктор экономических наук, доцент (Уфа) — *Dinara R. Orlova*, Dr.Sc. (Economics), Associate Professor (Ufa)

А.В. Псянчин, доктор географических наук, профессор (Уфа) — *Aybulat V. Psyanchin*, Prof. Dr.Sc. (Geography) (Ufa)

Г.Г. Салихов, доктор философских наук, доцент (Уфа) — *Gafur G. Salikhov,* Dr.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ufa)

С.А. Салова, доктор филологических наук (Уфа) — *Svetlana A. Salova*, Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

В.К. Самигуллин, доктор юридических наук, профессор (Уфа) — *Venir K. Samigullin,* Prof. Dr.Sc. (Law Studies) (Ufa)

Л.Х. Самситова, доктор филологических наук (Уфа) — *Luiza Kh. Samsitova*, Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

А.К. Сулейманова, доктор филологических наук, профессор (Уфа) — *Almira K. Suleymanova*, Prof. Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

Ф.С. Файзуллин, доктор философских наук, профессор, академик АН РБ (Уфа) — *Fanil S. Fayzullin*, Prof. Dr.Sc. (Philosophy), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Ф.Г. Фаткуллина, доктор филологических наук, профессор (Уфа) — *Fluza G. Fatkullina*, Prof. Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

Ф.Г. Хисамитдинова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа) — *Firdaus G. Khisamitdinova,* Prof. Dr.Sc. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Г.Р. Хусаинова, доктор филологических наук (Уфа) — *Gulnur R. Khusainova,* Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Л.Н. Шаймухаметова, доктор искусствоведения, профессор (Уфа) — *Lyudmila N. Shaymukhametova*, Prof. Dr.Sc. (Arts Studies) (Ufa)

И.Ш. Юнусов, доктор филологических наук, профессор (Бирск) — *Ildar Sh. Yunusov*, Prof. Dr. Sci. (Philology) (Birsk)

Подписано в печать 15.09.2022. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «TimesNewRoman».
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,52. Тираж 70 экз. (печатное издание и его электронная форма).
Тип. заказ № 221210.

Адрес редакции и издателя: 450008, г. Уфа, ул. Кирова, 15. Тел.: (347) 276-40-77
e-mail: pvanrb@mail.ru

Отпечатано в КП РБ Издательство «Мир печати».
450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 45. Тел.: 251-72-95.
alander@list.ru
Цена свободная

Воспроизведение или распространение (полностью или частично) текстов журнала «Проблемы востоковедения» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. При цитировании ссылка на журнал «Проблемы востоковедения» обязательна. Ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также иной информации несут авторы.

Позиция редакции не всегда совпадает с мнениями авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А.Н. Дегтярев (Уфа)
Россия и многополярный мир: Евразийский контекст 8

В.С. Ешпанов (Нур-Султан)
Великая Отечественная война и состояние средних учебных заведений
(на примере Оренбургской и Челябинской областей) 19

А.Д. Васильев (Москва)
Формирование российско-кашгарских дипломатических связей в 70-х гг. XIX века:
А.Н. Куропаткин и Якуб-бек 26

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ф.Б. Юнусова (Уфа)
Развитие жанра путевых заметок в башкирской литературе (XVIII – конец XX в.) 33

З.Т. Рахматуллина (Уфа)
Ideological and thematic features of the modern Bashkir family and domestic dramas
(Идейно-тематические особенности современных башкирских семейно-бытовых драм) 40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Х.Б Мамедов (Баку)
Сравнительный анализ азербайджанских и башкирских пословиц и поговорок 45

Л.К. Ишкильдина (Уфа)
История изучения караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка 50

ФОЛЬКЛОР

Г.Р. Хөсәйенова (Уфа)
Атты һүрәтләүҙең этнопоэтик константалары (башҡорт эпосы материалында)
(Этнопоэтические константы описания коня (на материале башкирского эпоса) 58

О.Н. Гуменюк (Симферополь)
Крымскотатарская фольклорная лирика. Песни о тайне любви 66

Р.А. Даутова (Уфа)
Сравнительное изучение пословиц и поговорок башкир Пермского края (по материалам экспедиций 1963 и 2019 г.) 72

ОБЗОРЫ

Р.М. Булгаков (Уфа)
Свидетельство Зайнуллы бин Хабибуллы о прочтении «Сорока преданий» Ан-Навави 79

Ш.Г. Джураев (Бухара)
Формирование коллекции научных рукописей Бухарского музея 85

НАУЧНАЯ СМЕНА

А.А. Усманова (Уфа)
Мәүлит Ямалетдиновтың «Ҡуласа» тарихи романында башҡорт фольклоры жанрҙары сағылышы (Отражение жанров башкирского фольклора в историческом романе Маулита Ямалетдинова «Круг») 91

ЮБИЛЕИ

Почетному академику АН РБ, доктору педагогических наук, профессору Хамитову Эдуарду Шайхулловичу – 85 лет 98

Члену-корреспонденту АН РБ, доктору политических наук, профессору Аюпову Мансуру Анваровичу – 75 лет 99

CONTENTS

HISTORY

A.N. Degtyarev (Ufa)
Russia and the multipolar world: a Eurasian context 8

V.S. Yeshpanov (Nur-Sultan)
The great patriotic war and the state of secondary educational institutions (on the example of the Orenburg and Chelyabinsk regions) 19

A.D. Vasilyev (Moscow)
Formation of russian-kashgar diplomatic relations in the 70 years of XIX century: A.N. Kuropatkin and Yakub-bek 26

LITERARY STUDIES

F.B. Yunusova (Ufa)
Development of the genre travel notes in Bashkir literature (XVIII – late XX centuries) 33

Z.T. Rakhmatullina (Ufa)
Ideological and thematic features of the modern Bashkir family and domestic dramas 40

LINGUISTICS

Kh.B. Mammadov (Baku)
Comparative analysis of Azerbaijanian and Bashkir proverbs and sayings 45

L.K. Ishkildina (Ufa)
History of studying the karaideli subdialect of the north-western dialect of the Bashkir language 50

FOLKLORE

G.R. Khusainova (Ufa)
Ethnopoetic constants of the description of a horse (on the material of the Bashkir epic) 58

O.M. Gumenyuk (Simferopol)
Crimean Tatar folk lyrics. The songs about secret of love 66

R.A. Dautova (Ufa)
Comparative study of proverbs and sayings of Bashkirs of the Perm region:
(based on the materials of the 1963 and 2019 expeditions) 72

BOOK REVIEWS

R.M. Bulgakov (Ufa)
Zainullah bin Habiballah's license of perusal of the fourty traditions of al-Nawawi 79

Sh.G. Juraev (Bukhara)
Formation of the collection of scientific manuscripts of the Bukhara museum 85

YOUNGER GENERATION

A.A. Usmanova (Ufa)
Reflection of the genres of Bashkir folk creativity in the historical novel «Circle» by Maulit Yamaletdinov 91

JUBILEES

Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Honorary academician Eduard Sh. Khamitov celebrates his 85th birthday 98

Dr. Sci (Politology), Professor, Corresponding member of the Academy of science of the Republic of Bashkortostan Mansur A. Ayupov celebrates his 75th birthday 99

ИСТОРИЯ

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-8-18
УДК 930.85

А.Н. Дегтярев

РОССИЯ И МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация

Стремление «коллективного Запада» во главе с США закрепить позиции однополярного мира, насаждая повсеместно свое военное присутствие, в первую очередь, вдоль границ России, и стремясь изолировать нашу страну, разрушить ее экономику в ходе санкционной войны, вызвало мощнейший геополитический кризис, поставивший мировую цивилизацию на грань войны и мира. Миссию гаранта нового миропорядка, основанного на многополярной модели стратегического и равноправного сотрудничества, взяла на себя Россия, имеющая не только исторический опыт мироустройства по итогам Второй мировой войны, но и богатейший опыт межцивилизационного взаимодействия народов Азиатской России. В статье анализируется генезис феномена российской «философии евразийства», являющийся уникальным примером тысячелетней истории кросскультурного взаимодействия народов России, не только в рамках своего многонационального и многоконфессионального государства, но и в контуре Евразийского континента.

Ключевые слова: мировые цивилизации, глобализация, стратегия однополярного мира, дихотомия: Восток-Запад, Евразия, исторический опыт, Азиатская Россия, кросскультурное взаимодействие, концепция многополярного мира

Alexander N. Degtyarev

RUSSIA AND THE MULTIPOLAR WORLD: A EURASIAN CONTEXT

Abstract

The desire of the “collective West”, led by the United States, to consolidate the position of a unipolar world, spreading its military presence everywhere, primarily along the borders of Russia, and seeking to isolate our country, destroy its economy during the sanctions war, caused a powerful geopolitical crisis that put world civilization on edge of war and peace. The mission of the guarantor of a new world order based on a multipolar model of strategic and equal cooperation was assumed by Russia, which has not only the historical experience of the world order following the results of the Second World War, but also the richest experience of inter-civilizational interaction between the peoples of Asian Russia. The article analyzes the genesis of the phenomenon of the Russian «philosophy of Eurasianism», which is a unique example of a thousand-year history of cross-cultural interaction between the peoples of Russia, not only within the framework of their multinational and multi-confessional state, but also within the contour of the Eurasian continent.

Key words: world civilizations, globalization, strategy of a unipolar world, dichotomy: East-West, Eurasia, historical experience of Asian Russia, cross-cultural interaction, multipolar world concept

1. Цивилизационный дебют. Марафон наций

Исследования эволюции мировых общественно-экономических систем осуществляются учеными, представляющими различные области научных знаний и школ, на протяжении всей цивилизованной истории человечества и демонстрируют множество фундаментальных результатов. Известный русский философ – исследователь мировых цивилизаций Питирим Сорокин

Дегтярев Александр Николаевич, *доктор экономических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, e-mail: mail@isi-rb.ru*

Alexander N. Degtyarev, *Dr. Sci. (Economics), Professor, Vice President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, e-mail: mail@isi-rb.ru*

© Дегтярев А.Н., 2022

констатировал, что нет практически ни одной области знаний и социальных наук, в которых бы ученые не искали первопричину эволюционного развития. Историки, социологи, экономисты, философы, «естественники» – каждый находит свое ключевое звено прогресса, объясняя происходящие в обществе трансформации, обосновывает эволюцию мировых цивилизаций [6].

Термин «цивилизация», как имя существительное, со смыслом наделенного духовной культурой и просвещенного общества, отражавшем ранее глагол «civilizer» – «смягчать нравы, просвещать», был отмечен в трактате маркиза де Мирабо «Друг законов» в 1757 г. и позднее был включен в академические словари ряда европейских стран, а в XIX в. и в России – в словарь В. Даля. Все без исключения науки об обществе внесли в последующем свою лепту в определение этого термина, с тем, чтобы передать всю его многогранность и одновременно – целостность. В многочисленных научных трактатах историков, философов, экономистов, социологов, политологов, лингвистов, искусствоведов, археологов, антропологов и проч. содержится вся смысловая и многообразная палитра этого фундаментального феномена, отражающего, как своеобразие материально-предметного мира человеческого общества, так и его социальное и духовно-культурное измерение.

Компаративный анализ исторической реконструкции эволюции мировых экономик, включая предпосылки, ход событий и финальные драмы (революции, кризисы), свидетельствуют об определенных закономерностях этого процесса в ключевых причинно-следственных цепочках, при одновременном сохранении множества нюансов, являющихся следствием культурно-исторических особенностей той или иной страны. Таким образом, исследование жизненного цикла общественных институтов, определяющих макроэволюцию открытых динамических систем, имеет принципиальное значение для познания мира, а установление каузальных закономерностей и принципов коэволюции базовой триады институтов – социальных, экономических и политических, с точки зрения глобальных последствий, наиболее важно и значимо.

Впервые термин «глобализация» был введен в научный оборот в 1983 г. Т. Левиттом, который объяснял им новый экономический феномен «слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями» [9, с. 2]. В дальнейшем смысловое наполнение этого термина вышло далеко за пределы экономической науки, охватив все без исключения сферы человеческой деятельности и его духовной культуры. Вместе с тем, этот термин несет лишь виртуальную смысловую нагрузку, поскольку фактически глобальный мир требует не только идентичной институциональной (как минимум, нормативно-правовой) базы экономической деятельности хозяйствующих субъектов, но и сопоставимого уровня развития социумов общественно-экономических систем, участвующих в глобализации.

Исторически указанное явление было обусловлено экономическими, технологическими и культурными предпосылками. Начало процессу глобализации было положено в ходе интернационализации торговли в период Больших географических открытий в XVI в., но приобрело уже необратимый характер в ходе первой промышленной революции в XVII–XVIII вв. и получило дальнейшее развитие в XIX–XX вв. в процессе создания национальных рынков труда и производственных цепочек добавленной стоимости, в том числе в рамках ТНК. XXI век, отмеченный переходом мировой экономики на цифровой формат технологий, демонстрирует максимальную приближенность мирового сообщества к параметрам концепции глобализации.

Исследования цивилизационного развития глобального характера представляют большой практический интерес по ряду оснований. Этому способствуют, во-первых, противоречия современной эпохи, связанные с очевидным крахом универсалистской модели развития различных государств и формированием зон глокализации в различных регионах многополярного мира. Не менее важным вызовом для общества является поиск путей межцивилизационного взаимодействия в контексте философии культурной идентичности, осуществляемый в рамках модели «мир-экономики» Ф. Броделя, мир-системного подхода И. Валлерстайна, концепции «столкновения наций» С. Хантингтона и др. Общим выводом разнообразных цивилизационных теорий и парадигм является определение цивилизации как структурированной динамически эволюционирующей общественно-экономической системы, обладающей свойством эквифинальности.

При этом, по мнению ряда исследователей, «многие известные концепции, пытающиеся реконструировать генезис и развитие глобаль-

ной системы капитализма, как правило, уделяют недостаточное внимание глубокой внутренней дифференциации глобальной системы – обстоятельству, принципиально важному для понимания существа современного миропорядка, основанного на глубокой структурированности системы современных наций» [10, с. 8]. В этой связи О. Шпенглер справедливо отмечает: «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории… я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования и каждая из них налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [19, с. 20].

При этом обращает на себя внимание наличие серьезных противоречий в процессе редуцирования в глобальных координатах концепции т.н. «универсальной цивилизации» – западноевропейской (главным образом, англосаксонской) модели мироустройства. Вестернизация, с одной стороны, приводит к адаптации развитых форм производства, техники и технологий, а с другой – к тому, что проникающая в незападное культурное пространство западная субкультура со свойственными ей извращениями традиционных цивилизованных семейных ценностей и других «демократических свобод» вызывает закономерную реакцию отторжения. Это явление характеризуется в научной литературе как «глокализация» – глобализация «с национально-культурным лицом». Более того, столь активная экспансия Запада в мировое экономическое пространство и социум, осуществляемая на протяжении нескольких столетий, в силу своей противоречивости и потенциальной опасности, чревата новыми крупными потрясениями, вплоть до «столкновения цивилизаций», о которых пишет С. Хантингтон [17].

Этому способствуют множественные примеры утраты Европой своих традиционных, исторически сложившихся культурных и духовных ценностей. Современный облик Европы, ее дехристианизация, официально подчеркнутая исключением из конституции Евросоюза положения о христианских корнях Европы, разрушение традиционных семейных ценностей и включение в правовые нормы однополых браков свидетельствуют о деклинизации (от английского to decline – приходить в упадок), неизбежном «закате Европы». Вследствие этих факторов, демографическая ситуация в среде коренного европейского населения катастрофична и неумолимо ведет к его депопуляции. В конце концов Запад, как цивилизация, может исчезнуть – Бог сохраняет только то, что достойно сохранения. Не случайно «Англию уже называют Аль-Бионом.. пришельцы способны к усвоению западной культуры, но они численно растут слишком быстро и не успевают воспринимать западные стандарты жизни» [13, с. 102].

Вместе с тем, мощным цивилизационным потенциалом обладает и Восток, азиатский «клин» которого был в свое время частью Российской империи и СССР, а ныне группой дружественных нам государств. Здесь сосредоточен не только колоссальный людской потенциал нашей планеты в контуре древних цивилизаций Китая и Индии и других стран региона, но и сохранились, несмотря на влияние глобализирующих факторов, в устойчивой форме традиции духовного мира и культуры этих народов. Благодаря гибкости восточной философии, ставшей частью внешнеэкономической политики ряда стран региона, мы имеем великолепные примеры эффективного, даже прорывного, развития экономик «азиатских тигров», сумевших обеспечить симбиоз азиатской модели организации производства с новейшими западными технологиями и менеджментом. Однако характерной особенностью азиатской культуры, будь то культура производства, или духовные ценности, является ее стремление к сохранению автохтонности – свойство диаметрально противоположное культуре и универсалистской философии Запада.

Геополитическим мостом между Востоком и Западом является Россия, история которой свидетельствует о том, что «российская цивилизация, ее сущностные свойства формировались в пространстве пересекающихся геополитических импульсов и культурно-цивилизационных иррадиаций, исходящих от двух обращенных друг к другу исторических «зеркал» – европейского и азиатского» [1, с. 11–12].

2. Россия на марше. Азиатская защита

Древняя Русь, начиная с IX в., объединяя в своем ареале множество славянских народов, активно включилась в общецивилизационную

эволюционную динамику. В дальнейшем, монгольское нашествие и последовавшее за ним расширение границ средневекового русского государства на Восток обеспечило формирование в его пределах уникального симбиоза народов и культур Евразийского континента. Уникальность этого феномена была обусловлена тем, что колонизация обширных земель за «Урал-Камнем» осуществлялась не по западной модели выжженной земли и уничтожения аборигенного этноса, а по восточной – путем союзнических обязательств и ассимиляции населения.

Начиная с середины XVI в., при царе Иване Грозном началось активное военное освоение и массовое заселение земель за Уралом, которое сопровождалось строительством на берегах судоходных рек охранных крепостей и острогов на ключевых направлениях государственной экспансии. После разгрома Казанского ханства в 1552–1557 гг. признали вассалитет Москвы башкирские племена, чьи вожди добровольно пришли с челобитной к русскому царю и присягнули на верность в обмен на жалованные грамоты о вечном пользовании своими историческими землями на Южном Урале. Еще через четверть века в результате походов Ермака Москве покорилось Сибирское ханство. К началу XVIII в. практически вся сибирская Азия, вплоть до степей Маньчжурии, стала частью российского государства.

Мотивы зауральских походов русских первопроходцев и войск носили не только военно-политический характер, связанный с необходимостью укрепления своих восточных и юго-восточных рубежей от набегов воинственных кочевников, но и экономический, ориентированный на разведывание новых богатых источников полезных ископаемых и промыслов дорогой пушнины, дававшей серьезный доход от ее продажи за рубеж. Во времена Петра Великого начался процесс научно-экспедиционного исследования и официального картографирования территорий Сибири, Камчатки и всего Дальнего Востока, навечно вписавший в историю Российского государства имена его отважных исследователей: В. Беринга, С. Крашенинникова, Г. Миллера и др. В последствии, в XVIII–XIX вв. активный вектор миграции населения на Урал, Зауралье и в Сибирь был обусловлен как развитием горнодобывающей промышленности в крае, так и обширными плодородными землями, пригодными для земледелия и скотоводства. Залежи железа и меди в промышленных объемах были разведаны и подтверждены уже к 1630 г., через 100 лет Южный Урал стал крупнейшим металлургическим и угледобывающим регионом Российской империи, а Сибирь открыла свои природные кладовые новым поколениям россиян.

В 1708 г. была образована первая в этом удаленном от Москвы крае Сибирская губерния с центром в Тобольске, разделившаяся позже на три провинции: Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую, получивших в следующем веке статус самостоятельных губернских административных единиц. По существу, по аналогии с геополитическим значением выхода Петра Великого на берега Невы и Балтийского моря и строительством Санкт-Петербурга, ставшего «окном в Европу», Урал стал своеобразным «окном в Азию», открытие которого стало знаменательной вехой в истории Российского государства. При этом новые российские территории получили мощный импульс для эффективного социально-экономического и культурного прогресса. Однако, в отличие от «американской трагедии» коренных жителей Американского континента, ставших жертвой европейской колониальной политики уничтожения аборигенного населения, народы азиатской России, как те, что имели автохтонное происхождение, так и те, на чье культурное развитие оказали воздействие более развитые азиатские цивилизации, сохранили на протяжении веков свои доминантные параметры этнической идентичности.

Русская колонизация азиатской части континента осуществлялась с образованием местных этнических анклавов, не разрушаемых экзогенным воздействием, продвигающимся на восток русским государством. Ярким примером тому служит Башкирия, вошедшая в XVI в. в состав Русского государства. Образовавшийся многонациональный состав населения края создавал уникальную среду для интегративных этнонациональных и культурных процессов при официальной политике веротерпимости со стороны властей, поддерживавших идею свободного выбора веры. Все это обеспечило умеренный межконфессиональный фон в регионе, сохранившийся и поныне.

Показателен различный опыт хозяйственного освоения новых земель в Азиатской России и Американских колоний Британии. В первом случае практически вся земля юридически принадлежала царю (казне, государству), немногим мо-

настырям и казачьим общинам. Крестьяне начали получать от государя землю в пользование лишь с конца XIX в. До этого лишь небольшие наделы для отдельных хуторов они захватывали полуофициально, «вольно». Английский вариант колонизации новых земель основывался на передаче их в концессию (по «хартии») акционерным компаниям, имевшим обязательство каждую пятую унцию золота и серебра отчислять в королевскую казну, имея при этом все полномочия от королевской власти, включая суд и право наделения (продажи) земельных участков для ведения хозяйства. Таким образом, Американский континент изначально заселялся колонистами, получившими землю в частную невозвратную собственность, что сформировало их рыночную психологию и соответствующие институты.

Государственные институты власти и управления также сильно отличались в американском и российском «Новом свете», имея лишь одно общее свойство – слабость центральной власти в связи с большой удаленностью метрополии. Однако в случае России эта проблема была снята в связи со строительством Транссибирской магистрали, а в Америке – путем получения полной независимости от Великобритании и образования Американских Соединенных Штатов. Кроме того, Российскому государству на протяжении всей его многовековой истории, в отличие от далекой Америки, приходится оборонять свои рубежи и земли. Русский философ И. Ильин отмечал в этой связи: «История России есть история ее самообороны: потому она и провоевала две трети своей жизни» [1, с. 317]. Историки подсчитали, что Россия за период с XIV по XX вв. претерпела несколько сот вооруженных нашествий и была в состоянии войны около 350 лет!

В конце XIX в. важную роль в развитии новых территорий на восточном направлении, социально-экономическом развитии Сибири и всей азиатской части страны сыграло строительство Сибирской железной магистрали, «способствуя транспортному строительству, земледельческому и промышленному развитию Сибири, росту ее народонаселения» [15, с. 176–177]. Последовавшая вскоре в начале XX в. Столыпинская реформа, нацеленная на освоение территорий Транссибирской магистрали, впервые сопровождавшаяся системным подходом социально-экономического развития, тоже дала осязаемые результаты: население края увеличилось вдвое. В ранее безлюдном крае появились крестьянские подворья, мелкие предприятия ремесленников, гидротехнические сооружения, пекарни, школы, больницы, церкви и проч. Сибирская житница в предвоенном 1913 г. начала давать со своих полей свыше 40 млн. пудов хлеба, а масложировое производство – более 500 тыс. пудов сливочного масла, активно развивалось строительство, базировавшееся на основе собственных строительных материалов, все большее разнообразие и масштабность приобретала горнорудная промышленность. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. именно Урал и Сибирь стали новыми промышленными центрами страны, где ковалась Великая Победа. Руками миллионов советских людей там были построены крупнейшие промышленные предприятия металлургии, нефтехимии, машиностроения и авиастроения. Кроме того, символично, что именно сибирские дивизии внесли решающий вклад в битве за Москву и в наиболее опасный для нашей страны период зимы 1941 г. защитили ее от гитлеровского блицкрига.

3. Дихотомия: Восток-Запад. Евразийский гамбит

Уникальность феномена российской евразийской социально-экономической системы, отличающей ее от чисто европейских или восточных цивилизаций, фиксируется всей ее многовековой историей.

Идеи евразийства, как общественно-политический тренд и философия, сформировались в российском обществе XIX в. в среде российской интеллигенции, среди которой были такие выдающиеся представители, как князь Н. Трубецкой, философы Н. Бердяев, К. Леонтьев, историк Г.В. Вернадский, правоведы В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев и др. Активным последователем этой замечательной плеяды в XX в. был наш известный ученый – философ и литератор Л.Н. Гумилев. Тема «евразийской» самоидентичности в зарубежной научной среде впервые появилась в 20–30-х гг. XX в. и получила развитие в конце века в концепции «фронтира» (Ф. Тернер, М. Хаунер, М. Бэссин и др.), коррелирующейся с теорией конвергенции Дж.К. Гелбрейта применительно к масштабным межцивилизационным социально-экономическим взаимодействиям и предполагает сочетание самостоятельности евразийских корней формирования

российско-азиатских общностей и ее инверсивного (возвратного) влияния на институтогенез российского общества в целом. Не противоречит такой подход и современным представлениям о трансплантации и трансформации институтов социумов в результате экзогенного воздействия.

Современные авторы исследований евразийской модели общества обстоятельно анализируют возможные варианты эволюции многовековой дилеммы российского общества: «Восток-Запад», являющейся частью мирового глобального процесса. В разные исторические периоды, в силу, как объективных обстоятельств, так и причин субъективного характера, Россия реализовывала различные форматы взаимодействия с Западом: от полного неприятия и конфронтации (со свойственной этому явлению изоляцией) – до прямого копирования его институтов, реализуя тем самым своеобразную конвергентную модель общественного и хозяйственного развития. Не приемлет Россия лишь один из возможных вариантов – это формирование полной западной модели политических, социальных и экономических институтов, ибо это будет означать деградацию генетических основ российской государственности и ментальности «русского мира». Евразийская модель развития Российского государства стала для нашего государства наиболее оптимальным вектором эволюции.

Азиатская Россия дает нам адаптивно более гибкий и конструктивный вариант взаимодействия с азиатскими цивилизациями, при котором она более или менее успешно принимает в себя многообразие влияния Востока, но «переформатирует» и синтезирует их в соответствии с исходной культурно-цивилизационной доминантой. Уникальность феномена евразийской общественно-экономической системы заключается, в отличие от чисто европейских или восточных цивилизаций, цивилизационным симбиозом, способствовавшим сохранению этнокультурного разнообразия и этносоциальных идентичностей. Образовавшийся многонациональный состав населения Азиатской России создал уникальную среду для интегративных этнонациональных и культурных процессов при официальной политике веротерпимости со стороны властей, всегда поддерживавших идею свободного выбора веры и синкретических форм духовной культуры народов.

Взаимопроникновение культур, или иначе – кросскультурное взаимодействие способствовало быстрой «диффузии» производственно-технологических навыков ведения домашнего хозяйства, более эффективного использования природных и трудовых ресурсов. Объективно существовавшая ассиметричность развития регионов в условиях активной ассимиляции населения в определенной степени нивелировалась. Восточная культура, транслятором которой становились для российского государства сопредельные с востоком народы, постепенно расширила свое влияние на формирование нового культурного слоя и базовых институтов социума. По причинам эндогенной природы одновременно происходила трансформация русской культурно-исторической матрицы под влиянием новых общественных отношений в условиях новой природно-географической среды. Русские в Рязани и русские в Сибири – это во многом уже разные общности, причем последние прошли «своеобразную переформатизацию» при доминирующей основе русской самоидентичности.

Но наиболее важное значение и последствия для российского общества имело подкрепление и окончательное утверждение азиатских форм политических институтов власти, основанных на единоначалии и беспрекословном подчинении вассалам. Институт вассалитета, также имевший место в западных политических структурах вплоть до периода позднего средневековья и преодоленный в процессе буржуазных революций XVIII в., в России, пройдя большой исторический путь трансформаций, сохранился и поныне, проявляясь не только в ментальности людей, но и в модели современной системы власти. Как известно, значительную, если не сказать решающую, роль в его формировании сыграла трехсотлетняя история Средневековой Руси в контуре Золотоордынской империи чингизидов, построенной на основе фундаментального правового акта империи Чингисхана – «Великой Ясы». Этот свод законов, принятый на всенародном монгольском курултае в 1206 г. и установивший в государстве основы твердого правопорядка, регламентировал нравы кочевников и покоренных ими народов: «Джасак (Яса) предписывает терпимость в вопросах религии, почтение к храмам, к духовным лицам и к старшим, а также милосердие к нищим; он устанавливает строгий контроль над семейной и домашней жизнью монгола..» [18, с. 90].

Интересны примеры формирования золотоордынской государственности в XIV в., представляющей собой уникальный симбиоз номадической культуры и степной гардарики. Во-первых, это создание единого центра коммуникаций всех элементов властной, военной, торгово-хозяйственной и культурной архитектуры общества – первой столицы империи монголов Сарай-Бату. Оригинальным решением проблем коммуникации в контуре огромной империи, простиравшейся с Востока на Запад от Алтайских предгорий до Карпат, и с Юга на Север – от Крыма до Белого моря, стало создание «сетевой» модели равноудаленных (в пределах выносливости лошадей) постоялых дворов – «ям», служивших одновременно «почтовыми отделениями» ханской администрации. Наконец, фискально-денежная система со своим золотоордынским дирхемом, имевшим хождение в торговых лавках от Европы до Индии и Китая, закрепляла устойчивость государственных институтов монгольской империи. При этом, проходившие по Великому шелковому пути через территории покоренных монголами земель торговые караваны вполне цивилизованно облагались таможенными сборами в обмен на обеспечение безопасности товаров и людей.

В части социокультурного строительства ордынского государства, исследователи отмечают общепринятую веротерпимость как норму общественных коммуникаций в пределах многоконфессионального и многоязычного государства. Жестоко и беспощадно завоеватели расправлялись только с теми, кто открыто выступал против них, уничтожая огнем и мечом целые города, не жалея не только вооруженного противника, но и гражданское население – стариков, женщин, детей. Впрочем, эта средневековая тактика выжженной земли была характерна для всех завоевателей того времени. Со временем, как все империи, Золотая Орда прекратила свое существование в результате двадцатилетней междуусобной войны правителей-чингизидов, закончившейся разгромом их последнего оплота войсками Тимура-Тамерлана на рубеже XIV–XV вв.

В позднем Средневековье в Русском государстве сложились основы политического института власти, доминантной идеологией которого стала идея «собирания земли русской», хорошо прослеживаемая в действиях русских царей и провозглашенная в посланиях старца Филофея Псковского в первой четверти XVI в. как богоизбранная миссия «третьего Рима». Кроме того, становление сильного христианского государства на огромных просторах Евразийского континента, испытывавшего с Запада давление католических стран, а с Востока – мусульманских, просто было невозможно без «национальной идеи», ставшей основой, говоря современным языком, для эффективного формирования политических, социальных и экономических институтов будущей Российской империи. Таким образом, «за многие столетия совместного существования сложилась относительно гибкая система симбиотического взаимодействия и духовных традиций в российском обществе, что создавало необычайное социокультурное разнообразие и богатство» [1, с. 186].

Однако, Евразия – это не только Азиатская Россия, этот континент населяют десятки стран с многомиллионным населением, испытывающим на собственном опыте все «плюсы» и «минусы» глобальных процессов в социальной, экономической и политической сферах. Наука и практика глобализации отражают общемировые тенденции и закономерности и особенности мирового развития. Так, новым трендом этого процесса стала т.н. «глокализация» – введенное британским социологом Р. Роберсоном понятие, которое «фиксирует наличие устойчивой взаимосвязи между глобализацией в ее либерально-рыночном варианте и усиление в экономическом мире специфического, локального, самобытного и традиционного» [11, с. 10]. В этой связи становится очевидным, что многообразие культур и моделей развития мировых экономик, динамика их трансформаций требуют все более обстоятельного сравнительного исследования глубинных процессов, лежащих в основе этой социодинамики.

При этом новая – гибридная модель глобализации, понимаемая в классическом варианте как трансграничная архитектура мироустройства, при наличии множества формализованных институтов мирового или блокового консенсуса: G-20, ЕС, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, реализуется главным образом в форматах глобальных рынков техники и технологий. Наименее подверженными глобальному влиянию мировых трендов оказались, благодаря path dependence (с англ. – «память прошлого»), особенности культуры и национальных традиций, сохраненные этническими ареалами большинства стран мира, не смотря на агрессивную экспансию вненациональной поп-культуры Запада, хотя эрозия этнонациональной самоидентичности

и языковой культуры, безусловно, имеет опасную тенденцию. В целом этот процесс, по мнению П. Сорокина, в перспективе должен привести к новому глобальному порядку, в котором доминирующую роль займут государства – лидеры с конвергентной системой базовых институтов, которая «в своем развитии не будет вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических образцов» [14, с. 350].

Анализируя многовековую практику включенности Российского государства в глобализационной динамике, многие авторы обоснованно отмечают, что «проблема полноценного участия России в межцивилизационном и межкультурном диалоге тесно связана с проблемой ее геополитического и геокультурного самоопределения» [12, с. 164]. Как показывает практика, базовые институты, сохраняя присущее им содержание, проявляют себя в разнообразных, объективно меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и «культурным слоем» конкретных обществ, питаясь энергетикой своего «институционального кода». Эта зависимость служит обоснованием фактора устойчивости традиционных культурно-исторических ценностей и традиций, сберегаемых народами в глобальной турбулентности современной эпохи. При этом, для нашей страны, находящейся в центре евразийского пространства, исключительно важно структурировать его под своим началом, сохраняя свою идентичность, историческую роль и самобытность, становясь вместе с тем обустроенным мостом между двумя цивилизациями, ядром широкомасштабной трансконтинентальной кооперации между Востоком и Западом евразийского пространства» [3, с. 39]. Это, понятно, не нравится сторонникам универсалистской «европоцентристской» (читай – англосаксонской, американской) модели развития мирового сообщества, желающим видеть Россию своим сателлитом, скроенным по универсальной кальке.

4. Эндшпиль. Российский ключ к многополярному миру

Третье тысячелетие не стало для мирового сообщества эпохой всеобщего благоденствия и миролюбия. Новыми нарративами общественных коммуникаций стали два диаметрально противоположных тренда: четвертая технологическая революция, основанная на экономике знаний и глобальной цифровизации и предполагающая гармоничное развитие личности и общества, и махровый, человеконенавистнический национализм и деградация исторически сложившихся духовных и культурных ценностей, в частности, института семьи и брака и др. Особенно обострились отношения «мирового жандарма» – США с государствами, не входящими в систему «модерируемых» ими военно-политических и экономических блоков, но обладающих важным ресурсным потенциалом (как правило, залежами углеводородов или других ценных ископаемых) и собственной политической волей. Именно по ним прокатился в начале века каток «оранжевых революций», смоделированных под кальку ЦРУ, и усадивших в кресла правителей послушных сателлитов. Коснулось это и ряда бывших советских республик, чей националистический истэблишмент оказался наиболее благодатной почвой для формирования восточноевропейского крыла Евросоюза и НАТО. Единственной страной, которая выдержала испытание временем после развала СССР и не поступилась своим суверенитетом ради западного «благоденствия», оказалась Россия, поднявшаяся с колен и последовательно отстаивающая на основе международного права и Конституции свою всеобъемлющую государственную независимость. Во многом это оказалось возможным благодаря дальновидной государственной политике, ориентированной на развитие дружеских и добрососедских отношений с Востоком – Китайской народной республикой, Республикой Индия и другими государствами Азии, Африки и Латинской Америки, составляющими подавляющее большинство населения Земного шара.

В настоящее время, когда Россию, вставшую на путь вооруженной защиты братьев-славян в Донбассе, «коллективный Запад» стремится всячески изолировать и обескровить, уместно вспомнить слова выдающегося российского историка и философа Н.Я. Данилевского, который еще столетие назад, размышляя о судьбе России, предвидел: «Если она не может и не должна быть с Европой как член европейского семейства, в которое, по свидетельству долговременного опыта, ее и не принимают даже,

требуя невозможного отречения от ее очевиднейших прав, здравых интересов, естественных симпатий и священных обязанностей; если, с другой стороны, она не хочет стать в положение подчиненности к Европе, ей ничего не остается, как войти в свою настоящую, этнографическим и историческим условиями предназначенную роль и служить противовесом не тому или иному европейскому государству, а Европе вообще, в ее целостности и общности» [5, с. 340].

Так сегодня и происходит, но в этом противостоянии миссия России видится значительно более масштабной, нежели просто защита своих западных рубежей от нацистов. По существу, речь идет о формировании нового миропорядка, построенного по модели многополярности, когда базовым трендом эволюции мировых цивилизаций будет не линейная модель универсализма англосаксонского кроя, а многосторонняя коэволюция лидеров мирового развития в различных сферах: экономике, политике, культуре. Ключ к многополярному миру сегодня в руках России, а вместе с этим и величайшая ответственность, как и восемь десятилетий назад, когда наша страна спасла мир от коричневой чумы фашизма и способствовала созидательной деятельности всех миролюбивых сил по созданию соответствующих международных институтов – ООН, МАГАТЭ, ЮНЕСКО и др.

Триггером этого процесса стали события на Украине, но они лишь сфокусировали, как линза, всю колоссальную многолетнюю деструктивную деятельность множества специальных организаций Запада по реализации многомиллиардного проекта «АнтиРоссия». Его ключевая цель – не просто удушение российской экономики и превращение нашей страны в сырьевой придаток Запада, но, главное, – предотвращение становления России как мировой державы, обладающей лидирующими позициями в глобальной геополитической игре. Ради достижения этой цели «коллективный Запад» пошел на беспрецедентные меры: в ходе объявленной России санкционной войны США и управляемый ими Евросоюз, всячески стремясь изолировать Россию от внешнего мира, «пустили под откос» основополагающие ценности западной демократии и рынка – институты частной собственности и международного права. Не останавливают инициаторов этой изоляционной стратегии даже кризисные явления в собственных странах, бесконтрольный рост цен на энергоносители и вынужденная безработица среди работников тысяч компаний, работавших в России или с российскими партнерами на мировых рынках.

Каким же должен быть ответ России? Адекватным. Не хочет иметь Европа в своих хранилищах дешевые газ и нефть по фьючерсам – будут покупать по спотовым ценам втридорога, а наши партнеры на Востоке увеличат объемы и компенсируют выпадающие прибыли российских нефтегазовых компаний. Закрыли западные интернет-провайдеры для миллионов российских пользователей популярные сайты и мессенджеры – мы сформировали собственные национальные платформы, и не только для социальных сервисов, но и для финансово-экономической сферы. Правительство России предприняло комплекс исчерпывающих мер по долговременной поддержке российского бизнеса в условиях всеобъемлющих санкций, а Государственная Дума Российской Федерации приняла ряд федеральных законов, обеспечивающих стабильность российского рынка труда и финансовой системы государства. Но самое главное, Россия в открытом противостоянии с неонацизмом и пещерной русофобией обретает все больше сторонников среди стран, находящихся вне пределов Европы – в Азии, Африке, Латинской Америке. Свидетельством укрепления международных позиций России является повышение авторитета международных организаций и союзов, инициатором или активным участником которых она является.

Таким образом, Россия становится одним из мировых лидеров формирования нового миропорядка, базирующегося на концепции многополярности. История доказала, что казавшаяся длительное время недостатком «неопределенность» выбора развития в пределах обозначенной дилеммы: Восток-Запад, как в контуре внешней политико-экономической стратегии, так и в общественном сознании (главным образом, среди интеллигенции), обернулась уникальным феноменом Евразийства, позволяющим ныне России быть одним из наиболее авторитетных геополитических центров многополярного мира. В итоге «российская культура впитала в себя элементы многих других культур и цивилизаций, приобрела важное качество «всемирности и отзывчивости», которое является чрезвычайно важным и ценным в современном мире,

раздираемом многочисленными межэтническими и межцивилизационными конфликтами» [12, с. 169]. Евразийская гетерогенность в преломлении через социокультурные ориентации и идентичности стала на практике не только жизненной философия российского общества, но и закрепилась в институтах общественного устройства и государственности.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев В.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веках. М.: Наука, 2004. 600 с.

2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Игры обмена. [в 2 т.]. М.: Прогресс, 1988.

3. *Быков А.* Исторический шанс России – Евразийская интеграция и трансконтинентальная кооперация // Российский экономический журнал. № 5–6. 2006. С. 36–47.

4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб.: Изд. СПб университета, 1995. С. 340.

6. *Дегтярев А.Н.* Конверсия институтов. Начала теории. М.: URSS, 2020. 271 с.

7. *Ерасов Б.С.* Цивилизация: слово-термин-смысл / Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2. «Россия и Восток: цивилизационные отношения». 1995. С. 3–30.

8. *Кирдина-Чендлер С.Г.* Западные и не западные институциональные модели во времени и пространстве / Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 73–88.

9. *Кузнецов В.* Что такое глобализация? // Мировая экономика и мировые отношения. 1998. № 2. С. 12–20.

10. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Россия и Евразия в контексте глобальной политической истории: проблемы идентичности и геополитики / Цивилизации. Вып. 6. М.: Наука, 2004. С. 7–31.

11. *Ли Таньци.* Глобализация мирового экономического пространства: содержание и воздействие на национально-государственные экономические системы // Экономические науки. 2017. № 9 (154). С. 7–10.

12. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Россия между Западом и Востоком: проблемы геополитического и геокультурного самоопределения / Цивилизации. Вып. 7. М., Наука, 2006. С. 164–191.

13. *Подберезский И.* (Вне)очередной закат Запада? Будущее религий, будущее цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 101–108.

14. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество // Мыслители XX века. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

15. *Тимошенко А.И.* Ретроспектива российской государственной политики: движение на Восток // ЭКО. 2008. № 6. С. 172–188.

16. *Тойнби А.Дж.* Цивилизации перед судом истории. 2-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2003.

17. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

18. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие // Арабские истории. Вып. 2. М., 1995. С. 90.

19. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.-Пг., 1923. Т. 1.С. 20.

20. Энциклопедия. История человечества. В 8 т. / Под общ. ред. А.Н.Сахарова. М: Изд. Дом МАГИСТР-ПРЕСС. 2004.

REFERENCES

1. Alekseyev, V.V. *Aziatskaya Rossiya v geo-politicheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike XVI–XX vekakh* [Asian Russia in the Geopolitical and Civilizational Dynamics of the 16th–20th Centuries]. Moscow: Nauka, 2004. 600 p. (in Russ.).

2. Brodel', F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. Igry obmena* [Material civilization, economy and capitalism of the XV-XVIII centuries. Exchange games]. In 2 vol. Moscow: Progress, 1988. (in Russ.).

3. Bykov, A. *Istoricheskiy shans Rossii – Yevraziyskaya integratsiya i transkontinental'naya kooperatsiya* [Russia's Historical Chance – Eurasian Integration and Transcontinental Cooperation]. In: Russian Economic Journal. No. 5–6. 2006, pp. 36–47. (in Russ.).

4. Vallerstayn, I. *Mirosistemnyy analiz* [World-system analysis]. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 2006. 248 p. (in Russ.).

5. Danilevskiy, N.Ya. *Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman]. 6th ed. St. Petersburg: Ed. St. Petersburg University, 1995. P. 340. (in Russ.).

6. Degtyarev, A.N. *Konversiya institutov. Nachala teorii* [Institutional conversion. Beginnings of the theory]. Moscow: URSS, 2020. 271 p. (in Russ.).

7. Yerasov, B.S. *Tsivilizatsiya: slovo-termin-smysl* [Civilization: word-term-meaning]. In: *Nauchnyy al'manakh «Tsivilizatsii i kul'tury»* [Scientific almanac «Civilizations and Cultures»]. Issue. 2. «Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnyye otnosheniya» [«Russia and the East: civilizational relations»]. 1995, pp. 3–30. (in Russ.).

8. Kirdina-Chendler, S.G. *Zapadnyye i ne zapadnyye institutsional'nyye modeli vo vremeni i prostranstve* [Western and Non-Western Institutional Models in Time and Space]. In: *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics]. 2018. No. 1. P. 73–88. (in Russ.).

9. Kuznetsov, V. *Chto takoye globalizatsiya?* [What is globalization?]. In: *Mirovaya ekonomika i mirovyye otnosheniya* [World economy and world relations]. 1998. No. 2. P. 12–20. (in Russ.).

10. Lapkin, V.V., Pantin, V.I. *Rossiya i Yevraziya v kontekste global'noy politicheskoy istorii: problemy identichnosti i geopolitiki* [Russia and Eurasia in the Context of Global Political History: Problems of Identity and Geopolitics]. In: *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Issue. 6. Moscow: Nauka, 2004, pp. 7–31. (in Russ.).

11. Li Tan'tsi. *Globalizatsiya mirovogo ekonomicheskogo prostranstva: soderzhaniye i vozdeystviye na natsional'no-gosudarstvennyye ekonomicheskiye sistemy* [Globalization of the World Economic Space: Content and Impact on National-State Economic Systems]. In: *Ekonomicheskiye nauki* [Economic Sciences]. 2017. No. 9 (154). pp. 7–10. (in Russ.).

12. Pantin, V.I., Lapkin, V.V. *Rossiya mezhdu Zapadom i Vostokom: problemy geopoliticheskogo i geokul'turnogo samoopredeleniya* [Russia between West and East: problems of geopolitical and geocultural self-determination]. In: *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Issue 7. Moscow: Nauka, 2006, pp. 164–191. (in Russ.).

13. Podberezskiy, I. *(Vne)ocherednoy zakat Zapada? Budushcheye religiy, budushcheye tsivilizatsiy* [(Out) another sunset of the West? The future of religions, the future of civilizations]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2009. No. 2. P. 101–108. (in Russ.).

14. Sorokin, P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. In: *Myslители XX veka* [Thinkers of the twentieth century]. M.: Politizdat, 1992. 542 p. (in Russ.).

15. Timoshenko, A.I. *Retrospektiva rossiyskoy gosudarstvennoy politiki: dvizheniye na Vostok* [A retrospective of Russian state policy: moving to the East]. In: ECO. 2008. No. 6, pp. 172–188. (in Russ.).

16. Toynbi, A.Dzh. *Tsivilizatsii pered sudom istorii* [Civilizations before the court of history]. 2nd ed. Moscow: Iris-Press, 2003. (in Russ.).

17. Khantington, S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2003. (in Russ.).

18. Khara-Davan, E. *Chingis-khan kak polkovodets i yego naslediye* [Genghis Khan as a commander and his legacy]. In: *Arabskiye istorii* [Arab stories]. Issue. 2. Moscow, 1995. P. 90. (in Russ.).

19. Shpengler, O. *Zakat Yevropy* [Decline of Europe]. Moscow-Petrograd. Vol. 1. P. 20. (in Russ.).

20. *Entsiklopediya. Istoriya chelovechestva* [Encyclopedia. History of mankind]. In 8 vol. Under the total. ed. A.N. Sakharov. Moscow: Ed. House MAGISTER-PRESS, 2004. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-19-25
УДК 94:58

В.С. Ешпанов

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И СОСТОНИЕ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Аннотация

В современных условиях усилился интерес ученых и широкой общественности к социальной истории. Приоткрывая тяжелую страницу прошлого, автор раскрывает особенности жизни учебных заведений на железнодорожном транспорте СССР в годы Великой Отечественной войны. Исключительный интерес представляет изучение жилищно-бытовых условий, с которыми столкнулись учащиеся в рассматриваемый период. В исследовании акцент делается на определение форм и методов решения социальных проблем в экстремальных условиях. Проанализировано распределение государственного продовольствия продуктового и промышленного ассортимента, суточной нормы выдачи, меню рациона и качества питания. Дана оценка организационным вопросам поставки питания и регулирования талонной системы. Детально прослежены санитарно-гигиенические условия и обстановка жилых помещений, в которых проживала молодежь. Раскрыта нехватка и переуплотненность жилого фонда. Молодежь проживала в ветхих общежитиях, требующих ремонта, где отсутствовала мебель и элементарные предметы быта. Особенно остро ощущался недостаток коек, тумбочек, матрасов и постельных принадлежностей. Отмечены сбои поставок керосина, дров, угля, что приводило к частому отсутствию тепла в комнатах. Дефицит гигиенических средств сказался на кожных заболеваниях. Крайне неудовлетворительно обстояло дело с медицинским обслуживанием. Приведенные факты свидетельствуют о том, что условия проживания в общежитиях были далеки от нормы. Но, следует учитывать, что обеспечить всем необходимым в условиях войны и крайнего дефицита материальных ресурсов подчас было невыполнимой задачей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, учебные заведения, общежитие, бытовые условия, снабжение, питание

Vladimir S. Yeshpanov

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE STATE OF SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ORENBURG AND CHELYABINSK REGIONS)

Abstract

In modern conditions, the interest of scientists and the general public in social history has increased. Revealing the difficult page of the past, the author reveals the peculiarities of the life of educational institutions on the railway transport of the USSR during the Great Patriotic War. Of exceptional interest is the study of living conditions faced by students during the period under review. The study focuses on determining the forms and methods of solving social problems in extreme conditions. The distribution of state food, grocery and industrial assortment, daily delivery rate, ration menu and food quality is analyzed. The organizational issues of food supply and regulation of the coupon system are assessed. The sanitary and hygienic conditions and the furnishings of the living quarters in which the youth lived are traced in detail. The lack and overcrowding of the housing stock was revealed. Dormitories were identified, which in the war years, in fact, turned into improvised hostels, which were regularly checked by a special commission in the hostels, it was confirmed. The hostels were dirty. As a result of the unsanitary state of the hostels and the lack of supervision, insects were bred. The plumbing and sewerage systems practically did not work. Fire safety requirements were not met. Living conditions were far from ideal. The youth lived in dilapidated hostels requiring renovation,

Ешпанов Владимир Сарсембаевич, *доктор исторических наук, профессор, Казахский университет технологии и бизнеса (Нур-Султан), e-mail: ws-282@mail.ru*

Vladimir S. Yeshpanov, *Dr. Sci. (History), Prof., Kazakh University of Technology and Business (Nur-Sultan), e-mail: ws-282@mail.ru*

© Ешпанов В.С., 2022

where there was no furniture and basic household items. The lack of beds, bedside tables, mattresses and bedding was especially acute. There were noted interruptions in the supply of kerosene, firewood, coal, which led to a frequent lack of heat in the rooms. Deficiency of hygiene products has affected skin diseases. Medical service was extremely unsatisfactory. The above facts indicate that living conditions in hostels were far from normal. But it should be borne in mind that providing everything necessary, in conditions of war and an extreme shortage of material resources, was sometimes an impossible task.

Key words: the Great Patriotic War, railway transport, educational institutions, dormitory, living conditions, supply, food

Война затронула все стороны жизни советских людей, вызвала большие материальные лишения, серьезные трудности в снабжении продовольствием и предметами широкого потребления. Временная потеря ряда западных районов страны, перевод многих предприятий легкой промышленности на военное производство, увеличение поставок продуктов питания и промышленных товаров для Красной Армии привели к значительному сокращению централизованных фондов продовольствия и промышленных товаров. Страна оказалась перед необходимостью их жесткой экономии. Нормирование снабжения населения стало одним из рычагов планового руководства военной экономикой, способствовало устойчивости уровня реальной заработной платы, спасало от голодной смерти.

Основным принципом снабжения явилось распределение продуктов по количеству и качеству труда, что обеспечивало преимущество тем, кто трудился в важнейших отраслях экономики. Если принять калорийность набора продуктов по государственному снабжению в среднем на одного рабочего в текстильной промышленности за 100%, то на предприятиях тяжелого машиностроения она составляла 124, на стройках – 126, в металлургии – 139, на заводах боеприпасов – 146, в угольной промышленности 160% [1].

Сохранить молодежь в условиях военных лет здоровой, бодрой, энергичной, способной к труду – было жизненно необходимой задачей. В июне 1941 г. в железнодорожных училищах Оренбургской железной дороги был установлен порядок бережливого расхода продуктов питания в столовых. Было введено групповое обслуживание учащихся по 4–10 человек. Раздавалась пища дежурным по группе. Хлеб нарезался ломтями по 50 грамм. Строжайшая ответственность за справедливое и разумное распределение государственного продовольствия была возложена на каждого работника системы. В апреле 1942 г. во всех учебных заведениях Оренбургской железной дороги были организованы подсобные хозяйства. Продукция этих хозяйств поступала в столовые для улучшения питания учащихся. Были созданы свинооткормочные фермы, развивались птицеводство и пчеловодство [2].

Система трудовых резервов испытывала значительные трудности в снабжении учащихся одеждой, обувью, бельем. В Оренбургской области в самом начале войны в июле 1941 г. обеспечение учащихся питанием, обмундированием и постельными принадлежностями проходило еще «удовлетворительно». Однако продовольственные нормы спущены были не полностью. Не хватало шинелей – 2500, рабочих гимнастерок – 4010, телогреек – 2700, полупальто – 3410 штук, ботинок – 4000 пар. В конце 1941 г., в железнодорожных училищах неудовлетворительно обстояло дело с питанием. Учащиеся не обеспечивались своевременно завтраками и обедами. Нередки были случаи нарушения установленной нормы хлеба, вместо 800 граммов выдавалось 600 грамм. Кроме того, вместо полагаемых 6 руб. в день на питание учащихся затрачивалось 4 руб. 50 коп. Значительный недорасход по питанию учащихся по железнодорожным училищам объяснялся, главным образом, снижением качества питания в сравнении с утвержденным дневным рационом и отсутствием борьбы в училищах за улучшение качества питания. Недорасход по производству спецодежды на 633,5 тыс. руб. объяснялся перерасходом на ремонт обмундирования и обуви на 166,3 тыс. руб., где из-за недостатка спецодежды учащимся приходилось работать в своей одежде и обуви, которое быстрее изнашивалось и требовало более частого ремонта. В училищах был недорасход в сумме 1639,4 тыс. руб. на санобработку и 770,7 тыс. руб. на стирку белья, или 47% от суммы в целом. Это показывает, что недостаточно внимание уделялось санитарии и гигиене [3]. В 1942 г. питание учащихся по всем школам и училищам Оренбургской области по своему содержанию «далеко» не отвечало тем требованиям, которые были определены постановлением СНК СССР. Средняя стоимость

суточного рациона за первое полугодие 1942 г. по РУ и ЖУ области составила 3 руб. 29 коп., по школам ФЗО – 3 руб. 88 коп., так же как и в Челябинской области (3 руб. 89 коп.). Особенно плохо питались учащиеся школы ФЗО № 5, РУ № 5, 10, ЖУ № 3 [4]. Продукты доставлялись несвоевременно. За первую декаду февраля совершенно не было рыбы, сельдей, сала, масла сливочного, молока, сухих фруктов. Питание было однообразным суп – лапша (на завтрак, обед и ужин). В РУ № 7 19 февраля 1942 г. обед был приготовлен из мороженой капусты, свекла и морковь были положены целиком. Заведующий столовой штрафовался неоднократно за антисанитарные условия [5].

Столовые, в которых питались учащиеся, не были обеспечены соответствующим инвентарем. Кроме того, столовые, как, например, № 1 города Оренбурга, не обеспечивались топливом, и учащиеся один раз в день одновременно обедали и ужинали. Хранение продуктов питания находилось в плохом состоянии, имелись факты порчи продуктов, например, в столовой № 1 сгнило 327 кг бараньих ножек. В виду того, что в 1942 г. ухудшилось питание учащихся, среди них увеличились случаи заболевания желудка, легких, а также малокровие. Кроме того, творились «такие безобразия: как обвешивание, закладка порченых продуктов, перебои с доставкой хлеба, антисанитарное состояние столовых. Существовало грубое отношение обслуживающего персонала с учащимися». В Оренбургской области в 1 квартале 1942 г. было зарегистрировано 25 случаев заболевания цингой среди учащихся, в 4 квартале 1941 г. таких случаев было 13. Витаминные продукты в большинстве столовых отсутствовали. На некоторых предприятиях учащихся даже переводили на однократное питание. Например, завод № 314 города Медногорска. 30 мая 1942 г. в целях предупреждения заболевания учащихся цингой и по требованию директора ЖУ № 6 выдача овощей столовой была увеличена. Но высланные сухпродукты для училища в количестве 420 кг, а также 500 кг вермишели самовольно были использованы не по назначению [6].

Обеспечение обувью учащихся школ ФЗО и училищ на протяжении трех кварталов 1942 г. проходило крайне неудовлетворительно. Получено было 13789 пар обуви вместо 41600 пар по плану, или 30% потребности. Обувь, поступающая на склад, по своему качеству и ассортименту не отвечала минимальным требованиям. Вместо рабочей обуви получали легкий брезентовый и прюнелевый туфель. Для покрытия недостатка обуви, школы и училища изготовили на деревянной подошве 2168 пар. Кроме того, получено было от торгующих организаций области летней обуви – 2418 пар и 520 пар чувяк. Учащиеся, главным образом, не были обеспечены верхней одеждой (полупальто, гимнастерки и брюки). План заказа полупальто был выполнен на 43,5% (11725 штук вместо 26900), брюк – на 61,2% (22157 вместо 36220 штук), шапок – 66,1% (21425 вместо 32405 штук) [7]. В училище № 11 станции Донгуз в ноябре 1942 г. было заведено 4 уголовных дела на кладовщицу, кастеляншу, двух комендантов за недостачу. Директором РУ Куценко было списано обмундирования, постельного белья и других видов имущества на сумму 37360 рублей. Произведенными ГУТР в 1942 – начале 1943 г. проверками было установлено, что в ряде училищ и школ ФЗО имели место факты расхищения продовольствия и промышленных товаров, выделенных РУ, ЖУ и школам ФЗО для питания и обмундирования учащимся. Выявлены были случаи незаконного отпуска продовольственных товаров, предназначенных для питания учащихся, работников училищ и школ ФЗО, выдача обедов посторонним лицам по запискам, отпуск одежды и обуви. ГУТР запретило выдачу кому бы то ни было, кроме учащихся, одежды, обуви, постельных принадлежностей со складов управления трудовых резервов. Питание должно было производиться только по специальным и разовым талонам. Виновных привлекали к уголовной ответственности и взыскивали недостаток в 5-ти кратном размере. В городе Златоусте Челябинской области в 1944 г. в РУ № 11 было раскрыто крупное хищение продуктов за счет приписывания к контингенту не существующих учащихся. В этом же училище два ученика умерли от дистрофии. В 1943 г. во всех столовых, обслуживающих учащихся, распоряжением СНК СССР о снабжении питанием учащихся по новым нормам не выполнялось, особенно плохо было организовано питание в столовой № 1 и в столовой завода № 543 Оренбургской области. В этой столовой мог получить обед «случайный народ», т.к. там не было надлежащего контроля, обедали люди, не имеющие никакого отношения к данной столовой. Мастера школ обязаны были питаться по карточкам, но они кушали за счет учащихся бесплатно. Учащиеся не доедали, что отражалось на здоровье молодых рабочих, кото-

рые стояли по 11 часов у станка и только один раз в сутки получали горячую пищу, и к тому же уменьшенную порцию. В столовой было грязно, не отапливалось, на кухне не работала плита, вся пища готовилась в котлах. Умывальников не было, «дети кушали грязными руками» [8]. Аналогичная картина была и в училищах Челябинской области. Так, в столовой РУ № 3 ученики ели пищу прямо из тарелок грязными руками из-за отсутствия ложек. Питание во многих училищах и школах было неудовлетворительным, вместо планируемого дневного рациона на 6–7 рублей, фактический расход составил 3–3,5 руб. В школе ФЗО № 1 на базе «Южуралтяжстроя» в 1943 г. все учащиеся жаловались на плохое питание. Кроме того, из-за плохой обеспеченности обувью и одеждой, свыше 50 учащихся не выходили на занятия. Девушки были обуты в летние туфли, и среди них много было простуженных. Около 60% учащихся не имели обуви. В этой школе систематически по подложным документам получали лишние пайки 80–100 человек. Эти подложные списки визировал директор школы Перышкин. В Челябинской области в 1943 г. также питание в ряде столовых РУ и школ ФЗО было неудовлетворительным, калорийность меню низкой [9]. Восьмого июня 1944 г. в столовой вагонно-ремонтного пункта № 9 станции Оренбург отравились 55 учащихся и 8 сотрудников ЖУ № 1. Из числа отравленных 20 человек в виду их тяжелого состояния были немедленно отправлены в больницу. Так, в ноябре – декабре 1943 г. одна треть учащихся школ ФЗО Оренбургской области была без одеял, 40% учащихся не имели обуви. Получаемая обувь областным управлением трудовых резервов была очень низкого качества. Вместо 8 месяцев она носилась 2–3 месяца. В Челябинской области имели место случаи, когда в отдельных школах и училищах не выходили на работу целые группы учащихся из-за отсутствия обуви и одежды. В четвертом квартале 1944 г. из 13000 пар обуви выдано было только 1100 пар, а из 13 тысяч пар в 1 квартале 1945 г. – 8600 пар. При этом выдаваемая обувь была очень низкого качества и в большинстве своем отпускалась для девочек [10]. Необходимо отметить плохое снабжение школ и училищ мылом. Так, за 1943 г. в Оренбургской области были спущены фонды на 37 т мыла, фактически было получено 24 т. Имели место случаи, когда отдельные школы месяцами не имели мыла. Жилищно-бытовые условия по большинству училищ и школ ФЗО Оренбургской и Челябинской областей были весьма неблагоприятными. Так, в Оренбургской области количество учащихся к началу 1942 г. по сравнению с 1940 г. увеличилось почти в четыре раза. Было 5050, стало 18130 учащихся, а жилая площадь расширилась незначительно, в силу чего в большинстве школ и училищ перешли на двухъярусные, а в некоторых и на трехъярусные койки, причем в отдельных местах жилая площадь была недопустимо мала. Например, в РУ № 6 города Оренбурга 0,67 квадратных метров на 1 человека [11]. В городе Оренбурге в школе ФЗО № 17, вообще, общежития не было, учащиеся проживали в вагонах. В Орске вновь отстроенное помещение школы ФЗО № 14 и три общежития РУ № 1 были заняты рабочими завода № 516 [12]. Были случаи самовольного захвата помещений училищ и школ ФЗО со стороны военных ведомств, предприятий [13]. В силу таких обстоятельств учащиеся в большинстве училищ и школ ФЗО жили скученно, не было возможности выделить комнаты для учебных классов, лабораторий. В общежитии отсутствовали раздевалки, сушилки, комнаты отдыха и т.д. Положение с отоплением в 1942 г. было крайне тяжелым, особенно в городе, горсовет не выделил училищам и школам ни дров, ни угля. Из-за отсутствия топлива бездействовали бани, прачечные и дезкамеры. Стирка белья прачечными задерживалась до двух месяцев и проводилась кустарным способом. В кладовках РУ и школ ФЗО города месяцами лежало грязное белье. Наряду с хранением чистого белья и запасного обмундирования, хранилось и грязное белье. Стирка белья была совершенно не налажена. Директора РУ и школ ФЗО организовывали стирку вручную на частных квартирах, без вываривания и без глажки. Имелись случаи выдачи чистого белья с гнидами и вшами [14]. Так, в результате проверки общежития РУ № 10, расположенного по ул. Пионерской, комиссия была потрясена «чудовищной вшивостью учащихся». После бани очень часто приходилось «одевать на чистое тело грязное, одеревеневшее от грязи и пота белье, по которому бегали вши». Так, старший комендант Малашевский выписывал мыло для мытья в бане на 500 человек, а мылось в бане 270 человек, оставшееся мыло в кладовку не возвращалось. В первых числах октября 1942г. для сотрудников РУ было получено 70 пар белья, выдано 42 пары, а оставшееся белье было разделено между директором Усачевым и комендатом.

Директор сам занимался продажей хлеба. В школе ФЗО № 14 в 1942 г. было установлено, что списано годное к носке белье в ветошь, 33 кг мыла, была незаконная выдача школьного имущества, а так же недодача кассы в сумме 432 руб. В результате обследования в 1942 г. общежитий школы ФЗО № 3 города Оренбурга по улице Пушкинской, 10 и по улице Чернореченской, 44 выяснилось, что в большинстве комнат коек не было, а наделаны были нары, на которых был настил вместо досок из листового миллиметрового железа. От этого железа матрасы и все постельное белье покрывалось сплошной ржавчиной. Умывальники стояли в коридорах совершенно не оборудованные. В общежитии ребята курили, грызли семечки, а коридор по ул. Чернореченской, 44 превратили в ночную уборную. В общежитии РУ № 5 в 1942 г. часть учащихся спали на грязном полу, на грязных матрасах, без простыни, одеял и подушек, хотя все это с избытком имелось в кладовой училища. При осмотре учащихся были обнаружены вши, белье было грязное, волосы не острижены. Общежитие РУ № 3 содержалось в антисанитарных условиях. Умывальников не было совсем. Учащиеся умывались снегом и его же употребляли для питья. Так, в Соль-Илецке в школе ФЗО № 6 в общежитии рамы не были застеклены, кровати не отремонтированы. В школе ФЗО № 17 Оренбурга основная масса учащихся жила в палатках на двухъярусных нарах [15]. Ввиду скученности и неблагоприятных жилищных условий имелись случаи эпидемических заболеваний. В Орском РУ № 1 ремонт помещений не был закончен, протекала крыша. В феврале 1943 г. в общежитии училища связи № 9 учащиеся спали одетыми, т.к. в здании было холоднее, чем на улице. За январь было получено всего 15 кубометров дров вместо требуемых 60. В общежитии РУ № 3 учащиеся сжигали в печи табуреты и доски от кроватей. В ряде общежитий ЖУ № 4, 5; РУ № 9; школы ФЗО № 1, 5, 9, 18 были неплохие условия для проживания, но это были единицы. Так в «общежитие ЖУ №4 чисто, тепло, уютно, железные кровати выстроены в ряд и покрыты белоснежным постельным бельем. На кровати матрас, простыня, одеяло с пододеяльником, мягкая пуховая подушка. На окнах шторы, на тумбочках чистые салфетки». В докладной о работе бытовых комиссий при общежитиях железнодорожного района указывались вопиющие факты безответственного отношения к молодой смене производственных кадров к учащимся училища № 1. В общежитии было много серьезных недостатков: постельные принадлежности были грязными, полотенец не было, и все учащиеся, в том числе и больные, пользовались в качестве полотенца одной простыней. Дата составления докладной записки – 16 мая 1944 г., а в докладной за 1943 г. содержатся такие сведения об этом училище: «В училище № 3 общежитие на 300 кроватей. Учащиеся обеспечены всем необходимым, обмундированием, нательным бельем». Таким образом, в 1944 г. ухудшились условия жизни учащихся общежития по сравнению с 1943 г. Во многом это было связано с безответственностью лиц, которые входили в бытовые комиссии при общежитиях и по долгу службы должны были обеспечить благоприятные условия для проживания. На паровозоремонтном заводе так же плохо действовала комиссия при общежитиях, которая ведала жилищными вопросами. В отчете Оренбургского горкома ВЛКСМ указывалось: «Выделенные для общежитий газеты не доходят до учащихся. В общежитиях много клопов, нет воды и света. Пол в мужском общежитии разломан, но комитет комсомола не принял меры, чтобы организовать живущих в общежитии наладить, хотя для этого есть все возможности (есть специалисты по этому делу), а так же материал». Не лучше обстояло дело в общежитиях депо, где проживали учащиеся ремесленных училищ: «В общежитиях ребят очень много клопов и несмотря на то, что сами ребята ставили вопрос: достать паяльную лампу для уничтожения клопов, никто этим вопросом не занимался из руководства. У большинства ребят нет полотенца. Мыло выдается редко, хотя все ребята работают в должности машинистов или помощников машинистов. В общежитии нет вещевой камеры хранения, поэтому бывают случаи, когда вернувшись из дальних поездок, не находят своих вещей» [16]. Такие же ужасные условия проживания были в общежитиях училищ и школ ФЗО Челябинской области. Так, в январе 1943 г. было проверено общежитие школы ФЗО № 54. Проверка показала, что постельное белье, матрасы и одеяла были грязными. Учащиеся ходили не стриженные с длинными волосами, имелась вшивость. 16 марта 1943 г. было обследовано общежитие ЖУ № 8 Оренбургской области. Общежитие находилось в антисанитарном состоянии, уголь хранился прямо в комнатах, пол не мылся, печи коптили, почти все комнаты приняли вид кочегарки. Койки не заправлялись,

постельное белье было грязным, учащиеся не умывались, т.к. не было ни умывальников, ни ведер для воды. Бачков для питьевой воды тоже не было, ребята вместо воды ели снег. В 1943 г. в школе ФЗО № 14 в общежитие совершенно не были созданы условия для ребят. Учащиеся жили в полуподвальных землянках, постели не менялись по 1,5 месяца, в баню их водили не регулярно. Появилась вшивость, врачей не было. Обувь у ребят была на деревянной подошве, работать в ней на улице было невозможно. В предмайском социалистическом соревновании училищ и школ ФЗО Оренбургской области в 1943 г. большое внимание было уделено вопросам улучшения жилищно-бытовых условий учащихся. За период проведения месячника по благоустройству общежитий училищ и школ ФЗО проделана была большая работа. Перегруженность общежитий вынуждало руководство школ и училищ ставить двухъярусные кровати в РУ № 12, школы ФЗО № 23, 24, а в РУ № 1, 2, 4 и ЖУ № 3 учащиеся спали по двое на одной койке. В РУ № 8 и школе ФЗО № 8 учащиеся спали на сплошных двухъярусных нарах [17]. В Челябинской области была аналогичная картина. Проверка училищ и школ ФЗО показала, что ни одно училище, ни одна школа области не решила всего комплекса вопросов по созданию более или менее нормальных бытовых условий учащихся. Так, в школе ФЗО № 37 общежития к зиме 1943–1944 гг. не были подготовлены: крыши протекали, умывальники отсутствовали. Общежития, находящиеся на балансе трудовых резервов, в большинстве своем являлись зданиями временного типа каркасно-засыпные дома и бараки. Капитальные строения имели только 14 из 70 учебных заведений Челябинской области. 8 декабря 1943 г. ГУТР отмечало тот факт, что за последнее время участились случаи жалоб учащихся РУ и школ ФЗО ряда областей, краев и республик на бездушное отношение руководителей училищ и школ к жилищно-бытовым условиям. В своих письмах к родственникам и знакомым юноши и девушки сообщали, что общежития не были подготовлены к зиме, плохо отапливались, столовые училищ и школ значительно ухудшили питание учащихся. В ряде училищ и школ имелись массовые заболевания чесоткой, гриппом, тифом, вшивостью. В Челябинской области проверка состояния подготовки РУ и школ ФЗО к зиме 1944–1945 гг. показала, что директора училищ там, где это можно было сделать, своими силами, своевременно приступили к ремонту общежитий, учебных классов, производственных мастерских и подсобных помещений [18]. Однако положение с завозом топлива по области было тревожное, не было запаса топлива в училищах и школах ФЗО даже на первую необходимость. В 1944 г. были достигнуты серьезные улучшения в жилищно-бытовом обслуживании учащихся Оренбургской области. Расширены были жилые площади и вспомогательные помещения. С 16684 квадратных метров до 25000 квадратных; устранены по большинству училищ и школ ФЗО переуплотнения и повсеместно ликвидированы сплошные нары; организованы мастерские по ремонту обуви, одежды и белья; налажено регулярное обслуживание учащихся банями, прачечными, дезокамерами [19].

К концу войны, при общем недостатке жилого фонда в учебных заведениях Южного Урала, удалось добиться частичного обеспечения учащихся РУ, ЖУ и школ ФЗО. Училища и школы трудовых резервов работали в тяжелых условиях. Не хватало учебных и жилых помещений, многие здания были изъяты для эвакуированных предприятий, учреждений военного ведомства. Положение осложнялось острым недостатком обмундирования, постельных принадлежностей. Питание учащихся не соответствовало нормам. Бытовые условия жизни учащихся училищ и школ ФЗО в годы Великой Отечественной войны были ужасными. Но нельзя все это списать на войну. Многое зависело от руководящего и обслуживающего персонала училищ и школ ФЗО, ряд которых не отличались порядочностью, честностью, чуткостью и человечностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 298. Оп. 1. Д. 15. Л. 66.

2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 391. Оп. 2. Д. 12. Л. 21.

3. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 15. 75.

4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 88. Оп. 3. Д. 5. Л. 30.

5. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 19. 48.

6. ОГАЧО. Ф. 88.Оп. 3. Д. 7. Л. 22.

7. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 24. Л. 19.

8. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.

9. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.

10. ОГАЧО. Ф. 88. Оп. 3. Д. 9. Л. 13.

11. ОГАЧО. Ф. 88. Оп. 3. Д. 9. Л. 16.
12. ЦДНИОО. Ф. 391. Оп. 3. Д. 4. Л. 11.
13. ЦДНИОО. Ф. 391. Оп. 3. Д. 4. Л. 12.
14. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.
15. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.
16. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 29. Л. 54.
17. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.
18. ГАОО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 31. Л. 35.
19. ОГАЧО. Ф. 88. Оп. 3. Д. 14. Л. 98.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 15, list 66.

2. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Orenburgskoy oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of the Orenburg Region]. Fond 391, opis 2, delo 12, list 21.

3. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 15, list 75.

4. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fond 88, opis 3, delo 5, list 30.

5. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 19, list 48.

6. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fond 88, opis 3, delo 7, list 22.

7. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 24, list 19.

8. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 24, list 26.

9. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 24, list 37.

10. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fond 88, opis 3, delo 9, list 13.

11. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fond 88, opis 3, delo 9, list 16.

12. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Orenburgskoy oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of the Orenburg Region]. Fond 391, opis 3, delo 4, list 11.

13. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Orenburgskoy oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of the Orenburg Region]. Fond 391, opis 3, delo 4, list 12.

14. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 27, list 6.

15. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 27, list 8.

16. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 29, list 54.

17. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 31, list 29.

18. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. Fond 298, opis 1, delo 31, list 35.

19. *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region]. Fond 88, opis 3, delo 14, list 98.

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-26-32
УДК 94

А.Д. Васильев

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКО-КАШГАРСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В 70-Х ГГ. XIX ВЕКА: А.Н. КУРОПАТКИН И ЯКУБ-БЕК

Аннотация

В статье рассматривается история подготовки к Международному съезду ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. и приглашение правителю Кашгара Якуб-беку принять участие в работе съезда в качестве почетного члена. Международные съезды ориенталистов стали местом для обмена сведениями о современном для ученых XIX в. Востоке. В то же время, съезды были призваны продемонстрировать достижения страны-организатора, ее престиж и влияние на Востоке. Именно эти факторы отчасти и обусловили приглашение в состав съезда Якуб-бека, сумевшего создать независимое мусульманское государство в Западном Китае. В то же время, одновременно с организацией съезда шла подготовка военно-политической и научной миссии А.Н. Куропаткина в Кашгар. Поэтому участие Якуб-бека в съезде, пусть и формальное, могло облегчить научно-исследовательские задачи этой миссии.

Ключевые слова: Международный съезд ориенталистов, Якуб-бек, Кашгар, А.Н. Куропаткин, В.В. Григорьев

Alexandr D. Vasilyev

FORMATION OF RUSSIAN-KASHGAR DIPLOMATIC RELATIONS IN THE 70 YEARS OF XIX CENTURY: A.N.KUROPATKIN AND YAKUB-BEK

Abstract

The article examines the history of the preparation of the international Congress of Orientalists in St. Petersburg in 1876 and the invitation to the ruler of Kashgar Yakoob bek to take part in the congress as an honorary member. International congresses of orientalists became a place of exchange of information about the modern East for scientists of the XIX century. At the same time, the congresses were designed to demonstrate the achievements of the host country, its prestige and influence in the East. It was these factors that partly led to the invitation of Yakoob bey, who created an independent Muslim state in Western China, to the congress. At the same time, simultaneously with the organization of the congress, the military-political and scientific mission of A.N. Kuropatkin to Kashgar was being prepared, and Yakoob-bek's participation in the congress, albeit formal, could facilitate the research tasks of this mission.

Key words: International Congress of Orientalists, Yakoob-bek, Kashgar, A.N. Kuropatkin, V.V. Grigoriev

История внешней политики государства Якуб-бека в Кашгаре ранее неоднократно рассматривалась российскими и зарубежными учеными [1–7]. Тем не менее, один из эпизодов российско-кашгарских отношений остался незамеченным специалистами. Речь идет о приглашении правителя Кашгара Якуб-бека войти в число почетных членов III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. Переписка о включении Якуб-бека в состав почетных членов съезда сохранилась в Российском государственном историческом архиве, в фонде известного востоковеда В.В. Григорьева.

Васильев Александр Дмитриевич, *кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Востока Института востоковедения Российской академии наук (Москва), e-mail: advasilyev@mail.ru*

Alexandr D. Vasilyev, *Cand. Sci. (History), Head of Oriental History Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow), e-mail: advasilyev@mail.ru*

© Васильев А.Д., 2022

Международные съезды ориенталистов в 1870-е гг. стали важной площадкой для обсуждения проблем научного изучения Азии и Северной Африки. Целью съездов было распространение знаний по картографии, истории, языку и культуре Востока среди европейских ученых. Первый съезд прошел в 1873 г. в Париже, второй – в 1874 г. в Лондоне. Третий съезд был организован в Санкт-Петербурге в 1876 г. Значение съездов состояло в том, что они стали, с одной стороны, международными площадками обмена востоковедческими знаниями и опытом; с другой стороны, съезды стали демонстрацией политических, экономических и культурных достижений европейских держав на Востоке, отражая дух конкуренции Великих держав и борьбу за международный престиж. По уставу, принятому на первом съезде, данный форум должен был проходить ежегодно. Однако ряд событий привел к тому, что съезд в Санкт-Петербурге состоялся почти через два года после лондонского. Только к началу апреля было получено финансирование для его проведения. Сразу же после этого организационный комитет съезда выбрал известного российского ориенталиста В.В. Григорьева своим председателем. План проведения съезда подразумевал, что главным объектом освещения будет Русская Азия. Предполагались следующие тематические секции:

Западная и Восточная Сибирь;

Средняя Азия;

Северный Кавказ и Крым;

Закавказье;

Восточный Туркестан, Тибет, Моноглия, Китай и Япония;

Индия, Персия, Индо-Китай;

Турция и Аравия;

Археология и нумизматика;

Религиозные и философские учения Востока [8, с. IV].

К распространению сведений приглашались все трудившиеся над изучением Востока, либо заинтересованные в ближайшем с ним знакомстве: «все моряки наши, производившие описи берегов и морей Азии; все офицеры генерального штаба, занимавшиеся съемками тех или других ее пространств; все гражданские или военные чиновники, во время службы своей в Азии собравшие этнографические, статистические, исторические и другие о ней сведения; все путешественники по этой части света; все купечество наше, торгующее с ее народами»…[8, с. V] В состав членов оргкомитета вошли бывший вице-директор Азиатского Департамента Министерства Иностранных дел барон Ф.Р. Остен-Сакен, секретарь Комитета по иностранной переписке – доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре арабской словесности барон В.Р. Розен. Впоследствии были приглашены к участию в оргкомитете академики императорской академии наук Б.А. Дорн, В.В. Вельяминов-Зернов, казначеем комитета был назначен В.Ф. Гиргас. Оргкомитет съезда предложил не ограничиваться только заседаниями, а провести также выставку и издать «обозрение» российских исследований по Азии. Целью издания «обозрения» же было ознакомление мировой общественности с достижениями России в изучении Азии [8, с. V–VII]. Это было необходимо, чтобы подчеркнуть важность российских исследований Азии и их вклад в изучение малоизвестных для европейской общественности народов и регионов. Съезд, таким образом, с самого начала должен был соответствовать укреплению международного престижа Российской империи. Говоря современными словами, это была своего рода «мягкая сила» Российской империи.

Идея устройства выставки принадлежала министру просвещения графу Д.А. Толстому. Для заведывания выставкой был назначен делопроизводитель императорской археографической комиссии П.И. Лерх. В «Правительственном вестнике» в дополнение к объявлению о съезде было объявлено о проведении выставки. К экспонированию предполагались следующие предметы: надписи на восточных языках, вырезанные на каменных плитах или металлических досках; рукописи и старинные документы на восточных языках; старинные географические карты азиатских стран; альбомы видов местностей, портретов и других рисунков о Востоке; предметы современного быта стран Азии; памятники прежнего государственного и домашнего быта азиатских народов. В рамках подготовки обозрений известные российские востоковеды В.В. Григорьев и А.В. Каульбарс взялись за подготовку обозрения работ историко-этнографических и картографических по территории Средней Азии, а Ф.Р. Остен-Сакен – по Китаю [8, с. X].

Хотя первоначально выставка при съезде считалась задачей второстепенной, Оргкомитет «увлекся» этой задачей и обратился к властям

российских азиатских «окраин» с просьбой прислать на выставку экспонаты, которые отражали бы их быт и культуру. В частности, Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману было написано следующее письмо: «На имеющем состояться в Санкт-Петербурге в августе 1876 г. международном съезде ориенталистов желательно и полезно было бы видеть между представителями восточных занятий в России и тех лиц, которые работают над приведением в известность высочайше вверенной Вам части Средней Азии. Желательно это тем более, что ученая деятельность нигде в азиатских владениях России не проявляется так успешно и плодотворно, как в Туркестанском крае, куда заботами и покровительством вашим привлечено много лучших сил изнутри империи. Уверенный во всегдашнем расположении Вашем делу науки, Оргкомитет … обращается к Вам с просьбой о командировании на Съезд, в виде депутатов от Туркестанского края, тех лиц, которых Вы изволите выбрать для сего…» [8, с. XIV–XV]. Во втором обращении к Генерал-губернатору Туркестанского края, Оргкомитет сообщал: «В последнем лондонском съезде ориенталистов участвовало значительное число туземцев Английской Индии, как из мусульман, так и из брахманистов, которые все хорошо владели английским языком. Туземцы эти, командированные на съезд по распоряжению и с пособием от местного генерал-губернатора, служили для всех присутствующих наглядным доказательством успешного влияния Великобритании на подвластное ей население Индустана. Мы, русские, владеем оседлой частью Средней Азии далеко не так давно, как англичане Индией; между тем, влияние этого владычества на туземцев успело уже выразиться усвоением многими из них русского языка. Оргкомитет полагает, что означенный факт полезно было бы засвидетельствовать на петербургском конгрессе ориенталистов таким же образом, как факт британского влияния в Индии засвидетельствован был на лондонском, то есть командированием в Санкт-Петербург для присутствия на конгрессе нескольких (трех) туземцев из русского генерал-губернаторства, знакомых более или менее с русским языком. Желательно было бы, чтобы такими представителями русеющей Азии явились бы таджик, узбек и маньчжур» [8 с. XV].

Оргкомитет также просил предоставить фотографические портреты и снимки местного населения; костюмы, предметы конской упряжи, оружия, домашней утвари; подробные планы городов и селений; образцы изделий из металла, глины, дерева, кожи, ткани, бумаги, шелка, «снарядов… для хлопчатобумажного и шелкового производства»… [8, с. XVI–XVII].

В ответном письме от 28 января 1876 г. туркестанский генерал-губернатор, в целом благосклонно отвечая на просьбы Оргкомитета, писал, что было решено просить императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете отправить на предполагаемую выставку коллекции Туркестанского отдела Политехнического Музея, а из Туркестана прислать только экспонаты из тех местностей, которые совсем не представлены в Музее, либо же представлены отрывочно и неполно. При этом Кауфман предполагал, что одним из таких малоисследованных районов был кульджинский район и пограничные с Кашгаром области. Отбором таких экспонатов, а также представителей местного населения на съезд должна была заниматься специальная комиссия при Туркестанском генерал-губернаторе. Идея оргкомитета видеть на съезде представителей различных народностей Туркестана, по которым можно было бы судить о цивилизующем влиянии русских, была сочтена К.П. фон Кауфманом «в государственном и научном плане» полезной. При этом он предлагал расширить туземную группу и добавить в ее состав киргиза и хивинского узбека [8, с. XVII–XVIII].

В состав указанной специальной комиссии вошли чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе М.И. Бродовский, чиновник по дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторе А.А. Вейнберг, Главный инспектор училищ Туркестанского края А.Л. Кун и подпоручик И.И. Добротин [8, с. CLVIII].

Еще одной задачей съезда было «озаботиться приобретением корреспондентов» как внутри империи, так и за ее пределами [8, с. XVIII]. В связи с этим, а также в связи с указанными выше обстоятельствами, руководствуясь соображениями государственного престижа, еще зимой, в январе 1876 г. у председателя Съезда В.В. Григорьева появилась идея предложить владетелям Бухары и Кашгара вступить в число почетных членов Съезда Ориенталистов. С соответствующей идеей он обратился к А.А. Вейнбергу, ко-

торый доложил об этом К.П. фон Кауфману. В связи с этой просьбой В.В. Григорьева К.П. фон Кауфман предложил А.А. Вейнбергу списаться по этому вопросу с бухарским эмиром Сеид Музаффаром и правителем Кашгара Якуб-беком. В январе-феврале 1876 г. соответствующие письма были отправлены в Бухару и Кашгар [9, л. 5]. Бухарский эмир никакого ответа не прислал, а Якуб-бек дал многословный витиеватый ответ, из которого могло следовать, что он не возражает против своего включения в состав почетных членов Съезда. В последовавшей переписке А.А. Вейнберг выражал благодарность Якуб-беку за согласие вступить в число почетных членов Съезда, говоря о том, что это будет способствовать укреплению его престижа как просвещенного государя, покровительствующего наукам, и сделает его известным в России и Европе [9, л. 5 об.]. Вейнберг также просил Якуб-бека прислать для выставки 6 или 8 древних золотых монет из Хотана, относящихся ко времени до китайского завоевания [9, л. 5–5 об.]. Кроме того, участие Якуб-бека в составе почетных членов Съезда ориенталистов, по словам Вейнберга, было бы чрезвычайно приятно Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману и укрепило бы российскую дружбу с государством Якуб-бека [9, л. 6]. В ответном письме, прибывшем к А.А. Вейнбергу 7 июня 1876 г., подтверждалось, что Якуб-бек согласен стать почетным членом Съезда, однако сообщалось, что ввиду боевых действий и разрухи после антикитайского восстания Якуб-беку будет трудно найти монеты, о которых его просил Вейнберг [9, л. 2 об.–3].

Сам Якуб-бек родился в первой четверти XIX в. в городе Пскент на территории Кокандского ханства. Его этническая принадлежность точно не установлена. Якуб-бек сделал удачную военно-политическую карьеру в Кокандском ханстве [более детальную биографию Якуб-бека см.: 3]. В результате антицинского восстания, вызванного репрессиями китайского правительства, на территории Синьцзяна возникло пять самостоятельных государственных образований: Кучарское, Хотанское и Кашгарское – в Восточном Туркестане, Урумчинское и Кульджинское – в Джунгарии [22, с. 91–92.]. Власть в Кашгаре захватил вождь местных кочевых киргизов Садык-бек. Однако местное уйгурское и дунганское население не признавало его власть, владетели городов Куча(р) и Хотан оспаривали его лидерство. В этой ситуации он попытался привлечь на свою сторону одного из членов династии восточно-туркестанских ходжей [23, pp. 266–296.], сына предводителя антикитайского восстания уйгуров Джахангира – Бузург-хана, который в это время проживал в Коканде. Послы Садык-бека в конце 1864 г. прибыли в Ташкент, где их принял мулла Алимкул, бывший регентом при малолетнем кокандском хане Султан Саиде. Алимкул направил к ним потомка династии восточно-туркестанских ходжей Бузург-хана. На Якуб-бека была возложена организация охраны Бузург-хана (его должность называлась батырбасы, т.е. «начальник охраны») и, по-видимому, защита торговых интересов кокандской политической элиты в Кашгаре. Впоследствии, после гибели Алимкула и военно-политического поражения Кокандского ханства в борьбе с Россией, Якуб-бек устранил Бузург-хана и установил собственную власть над городами Кашгар, Яркенд и Аксу [15, с. 169–170].

Интерес представляет и то, что переписка о включении Якуб-бека в состав Съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге проходила на фоне подготовки миссии А.Н. Куропаткина в Кашгар. На эту миссию возлагались как политические, так и научно-исследовательские задачи по изучению Кашгара.

Первоначально миссию А.Н. Куропаткина планировалось организовать в мае 1876 г. Главной целью А.Н. Куропаткина были переговоры о проведении новой пограничной линии между недавно созданной Ферганской областью и владениями Якуб-бека. Кроме того, задачей А.Н. Куропаткина был сбор торгово-экономических, этнографических, географических сведений о Кашгаре, а также топографическая съемка маршрута в Кашгар. Первая попытка А.Н. Куропаткина проехать в Кашгар оказалась неудачной в связи с подавлением восстания в Ферганской долине, а сам он был ранен в стычке с мятежниками в конце июля 1876 г. Это обстоятельство заставило его отказаться от поездки на время выздоровления, а его миссия в Кашгар продолжилась уже в октябре 1876 г.

[1] К моменту начала переписки о миссии в Кашгар А.Н. Куропаткин служил в должности офицера для поручений при штабе ТуркВО [14, с. 135].

Во второй половине XIX в. Кашгар в частности и Восточный Туркестан в целом оставались малоизвестными для международного сообщества востоковедов. По-видимому, первые наиболее полные сведения об этом регионе собрал Ч.Ч. Валиханов [16–19]. Впоследствии изучение края было продолжено в путевых записках П.Я. Рейнталя «Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре» и А.В. Каульбарса [14, сс. 108–109, 201–202]. Одними из первых англоязычных описаний Кашгара, по-видимому, стали описания пути миссии Белью [20] и Форсайта [21] 1873 г. В целом данные работы представляли собой отрывочные общие описания пути, ландшафта, этнической и экономической информации. Происходящее в Восточном Туркестане и этнический состав его населения были известны европейским востоковедам в общих чертах. Точных известий о его географических границах, топографии и природных ресурсах, экономике в тот момент в распоряжении русской и европейской науки не было.

Учитывая, что Кашгар оставался в тот момент сравнительно плохо изученным регионом, включение Якуб-бека в состав почетных членов съезда ориенталистов было хорошей возможностью поддержать усилия А.Н. Куропаткина и по изучению Кашгара и упростить его задачу. По всей видимости, российская администрация рассматривала возможность использовать авторитет международного съезда ориенталистов, который планировалось провести в августе 1876 г. в Санкт-Петербурге, для решения практических задач российской политики в Центральной Азии.

В ходе своего пребывания в Кашгаре А.Н. Куропаткин прямо заявил Якуб-беку, что он сам и члены его миссии будут всесторонне изучать Джетишаар, собирая максимум информации о нем. Получив разрешение Якуб-бека, А.Н. Куропаткин направил натуралиста Вилькинса и своего брата для описания и изучения озера Баграчкуль и города Карашар. Кроме того, член миссии А.Н. Куропаткина штабс-капитан А.Н. Сунаргулов под предлогом доставки срочного донесения К.П. фон Кауфману изучил и сделал топографическую съемку еще одного ранее неизвестного русским пути в бывшие владения кокандского хана из города Аксу на Каракол [10, с. 12–14].

Главным научным итогом миссии А.Н. Куропаткина стал сбор большого количества сведений о торгово-экономическом, географическом, военном положении Джетишаара. А.Н. Куропаткиным «для Ташкентского музея» был собран значительный массив мануфактурных изделий, лекарственных трав из Кашгара и статистических сведений об объемах торговли с ним [11, л. 1–3]. Результаты этих работ отражены в книге А.Н. Куропаткина «Кашгария». За подготовку этой книги А.Н. Куропаткин был удостоен золотой медали ИРГО [12, с. 22]. Важность «Кашгарии» была чрезвычайно велика для европейского востоковедения. Вскоре после ее выхода книга была переведена на английский язык [13].

Подготовка Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге и включение в его состав правителя Кашгара Якуб-бека стали важными элементами российской гуманитарной дипломатии в последней четверти XIX в. Участие Якуб-бека в съезде в качестве его почетного члена, пусть и формальное, позволило укрепить доверие в российско-кашгарских отношениях накануне важной в военно-политическом отношении миссии А.Н. Куропаткина. Переписка с Якуб-беком и уверения его в том, что участие в съезде укрепит его международный престиж и образ просвещенного правителя, покровительствующего наукам, способствовали снижению уровня недоверия кашгарского правителя к А.Н. Куропаткину и его спутникам. Укрепление, пусть и формальное, дружественных связей с Якуб-беком, в дополнение к политической целесообразности, позволило А.Н. Куропаткину провести детальную работу по изучению Кашгара.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моисеев С.В.* Взаимоотношения России и Уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 201 с.

2. Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и извлечения. Барнаул: Азбука. 2008. 235 с.

3. *Boulger D.C.* The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878. 344 p. (Булджер Д.К. Жизнь Якуб-бека: Аталик Гази и Бадаулет: амир Кашгара. Лондон, 1878. 344 с.).

4. *Веселовский Н.И.* Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 11, 1897–1898, СПб., 1899. С. 86–103.

5. *Басханов М.К.* Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном

Туркестане (60 – 70-е гг. XIX в.). Дис. на соиск. уч. степ. к. ист. н. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1991.

6. *Kim Hodong*. Holy War in China: the Muslim Rebellion and the State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, Stanford, California, 2004. 295 p. (*Ким Ходонг.* Священная война в Китае: мусульманское восстание и государство в китайской Средней Азии, 1864–1877 гг. Стэнфорд, Калифорния: Издательство Стэнфордского университета, 2004. 295 с.).

7. *Настич В.Н.* Если на клетке слона написано «бегемот»...: где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // Эпиграфика Востока. Вып. 29. М., 2011. С. 174–186.

8. Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Петербурге: 1876. Т. 1. Под ред. В.В. Григорьева. Санкт-Петербург, 1879. 606 с.

9. Российский государственный исторический архив. Ф. 853. Оп. 2. Д. 96-б. Л. 1–7.

10. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. 435 с.

11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–3.

12. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения / Колл. мон. под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2018. 370 с.

13. Kashgaria, Eastern Or Chinese Turkistan: Historical and Geographical Sketch of the Country, Its Military Strength, Industries, and Trade. By Aleksei Nikolaevich Kuropatkin. Translated by Walter Edward Gowan. Published by Thacker, Spink and Co., 1882. 274 p. (Кашгария, Восточный или Китайский Туркестан: историко-географический очерк страны, ее военной мощи, промышленности и торговли. Алексей Николаевич Куропаткин. Перевод Уолтера Эдварда Гоуэна. Опубликовано Thacker, Spink and Co., 1882 г. 274 с.).

14. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

15. *Петров В.И.* Мятежное “сердце” Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Издательство “Крафт+”, 2003.

16. *Валиханов Ч.Ч.* [Черновой материал о торговле России с Западным Китаем и Средней Азией в первой четверти XIX в.] // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 253–255.

17. *Валиханов Ч.Ч.* [О восстании в Кашгаре в 1825–1826 гг.] // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 319–322.

18. *Валиханов Ч.Ч.* [Черновой материал о восстании в Кашгаре в 1825 г.] // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 344–348.

19. *Валиханов Ч.Ч.* Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 г. // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 253–255; 319–322; 349–354.

20. *Bellew H.W.* Kashmir and Kashgar, a Narrative of the Journey of the Embassy to Kashgar in 1873-4,' London, 1875. (Беллью Х.В. Кашмир и Кашгар, рассказ о поездке посольства в Кашгар в 1873–1874 гг., Лондон, 1875 г.).

21. *Forsyth T.D.* Report of a Mission to Yarkand in 1873 under Command of Sir T.D. Forsyth, Calcutta, 1875. (Форсайт Т.Д. Отчет о миссии в Яркенд в 1873 г. под командованием сэра Т.Д. Форсайта. Калькутта, 1875 г.).

22. *Дубровская Д.В*. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце Х1Х в. М.: ИВРАН, 1998.

23. *Schwarz H.G.* The Khwajas of Eastern Turkistan // Central Asiatic Journal, vol. XX, № 3 – 4. (Шварц Х.Г. Хваджи Восточного Туркестана // Центральноазиатский журнал. Т. 1. С. XX. № 3 – 4.)

REFERENCES

1. Moiseyev, S.V. *Vzaimootnosheniya Rossii i Uygurskogo gosudarstva Yettishar (1864-1877 gg.)* [Relations between Russia and the Uighur state of Yettishar (1864-1877)]. Barnaul: Azbuka, 2006. 201 p. (in Russ.).

2. *Russko-kashgarskiye otnosheniya v 60–70-kh gg. XIX v. Dokumenty i izvlecheniya* [Russian-Kashgar relations in the 60-70s. nineteenth century Documents and extracts]. Barnaul: ABC. 2008. 235 p. (in Russ.).

3. Boulger, D.C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878. 344 p. (in English).

4. Veselovskiy, N.I. *Badaulet Yakub-bek, atalyk Kashgarskiy. Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Badaulet Yakub-bek, atalyk of Kashgar. Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. Vol. 11. 1897–1898. St. Petersburg, 1899, pp. 86–103. (in Russ.).

5. Baskhanov, M.K. *Politika Anglii i Rossii v otnoshenii gosudarstva Yakub-beka v Vostochnom Turkestane (60 – 70-ye gg. XIX v.)* [The policy of Eng-

land and Russia towards the state of Yakub-bek in East Turkestan (60-70s of the XIX century)]. PhD Thesis. Moscow.: Institute of the Far East of the Academy of Sciences of the USSR, 1991. (in Russ.).

6. Kim, Hodong. Holy War in China: the Muslim Rebellion and the State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, Stanford, California, 2004. 295 p. (in English).

7. Nastich, V.N. *Yesli na kletke slona napisano "begemot"...: gde chekanilis' monety Kokanda s "posmertnym" imenem Malla-khana?* [If "behemoth" is written on the elephant's cage...: where were the coins of Kokand with the "posthumous" name of Malla Khan minted?]. In: *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy of the East]. Issue. 29. Moscow, 2011. P. 174–186. (in Russ.).

8. *Trudy Tret'yego Mezhdunarodnogo s''yezda oriyentalistov v Peterburge: 1876* [Proceedings of the Third International Congress of Orientalists in St. Petersburg: 1876]. Vol. 1. Ed. V.V. Grigoriev. St. Petersburg, 1879. 606 p. (in Russ.).

9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fond 853, opis 2, delo 96-b., list 1–7. (in Russ.).

10. Kuropatkin, A.N. *Kashgariya. Istoriko-geograficheskiy ocherk strany, yeye voyennyye sily, promyshlennost' i torgovlya* [Kashgaria. Historical and geographical outline of the country, its military forces, industry and trade]. St. Petersburg, 1879. 435 p. (in Russ.).

11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fond 165, opis 1, delo 220, list 1–3. (in Russ.).

12. *General Kuropatkin – gosudarstvennyy i voyennyy deyatel' Rossiyskoy imperii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya* [General Kuropatkin - statesman and military leader of the Russian Empire. To the 170th anniversary of the birth]. Collective monograph under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg, 2018. 370 p. (in Russ.).

13. Kashgaria, Eastern Or Chinese Turkistan: Historical and Geographical Sketch of the Country, Its Military Strength, Industries, and Trade. By Aleksei Nikolaevich Kuropatkin. Translated by Walter Edward Gowan. Published by Thacker, Spink and Co., 1882. 274 p. (in English).

14. Baskhanov, M.K. *Russkiye voyennyye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian military orientalists before 1917. Bio-bibliographical dictionary]. Moscow: Publishing company "Eastern Literature" RAS, 2005. (in Russ.).

15. Petrov, V.I. *Myatezhnoye "serdtse" Azii. Sin'tszyan: kratkaya istoriya narodnykh dvizheniy i vospominaniya* [The rebellious "heart" of Asia. Xinjiang: A Brief History of Popular Movements and Memoirs]. Moscow: Kraft+ Publishing House, 2003. (in Russ.).

16. Valikhanov, Ch.Ch. *Chernovoy material o torgovle Rossii s Zapadnym Kitayem i Sredney Aziyey v pervoy chetverti XIX v.* [Draft material on Russian trade with Western China and Central Asia in the first quarter of the 19th century]. In: Chokan Valikhanov. Sobraniye sochineniy [Chokan Valikhanov. Collected works]. Vol. 2. Alma-Ata, 1985. P. 253–255. (in Russ.).

17. Valikhanov, Ch.Ch. *O vosstanii v Kashgare v 1825–1826 gg.* [About the uprising in Kashgar in 1825–1826]. In: *Chokan Valikhanov. Sobraniye sochineniy* [Chokan Valikhanov. Collected works]. Vol. 2. Alma-Ata, 1985. P. 319–322. (in Russ.).

18. Valikhanov, Ch.Ch. *Chernovoy material o vosstanii v Kashgare v 1825 g.* [Draft material on the uprising in Kashgar in 1825]. In: *Chokan Valikhanov. Sobraniye sochineniy* [Chokan Valikhanov. Collected works]. Vol. 2. Alma-Ata, 1985. P. 344–348. (in Russ.).

19. Valikhanov, Ch.Ch. *Svedeniya o voyne kokandtsev s Kitayem v Kashgare v 1830 g.* [Information about the war of the Kokand people with China in Kashgar in 1830.]. In: *Chokan Valikhanov. Sobraniye sochineniy* [Chokan Valikhanov. Collected works]. Vol. 2. Alma-Ata, 1985. P. 253–255; 319–322; 349–354. (in Russ.).

20. Bellew, H.W. Kashmir and Kashgar, a Narrative of the Journey of the Embassy to Kashgar in 1873-4,' London, 1875. (in English).

21. Forsyth, T.D. Report of a Mission to Yarkand in 1873 under Command of Sir T.D. Forsyth, Calcutta, 1875. (in English).

22. Dubrovskaya, D.V. *Sud'ba Sin'tszyana. Obreteniye Kitayem «Novoy granitsy» v kontse XIX v.* [The fate of Xinjiang The acquisition by China of the "New Frontier" at the end of the 19th century]. Moscow: IVRAN, 1998. (in Russ.).

23. Schwarz, H.G. The Khwajas of Eastern Turkistan. In: Central Asiatic Journal. Vol. XX. No. 3 – 4. (in English).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-33-39
УДК 82(470.57) – 92

Ф.Б. Юнусова

РАЗВИТИЕ ЖАНРА ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (XVIII – КОНЕЦ XX В.)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению истории развития башкирских путевых заметок XVIII – конца XX в., включающих в себя такие жанры как хаджнаме (*хадж* – паломничество в святые места) и саяхатнаме (*сәйәхәт* – путешествие), которые возникли в средние века в связи с путешествиями к святым местам. Они в XVIII в. печатались на старотюркском языке, а в XX в. – на башкирском. Из башкирских писателей к названным жанрам первыми обратились Т. Ялсыгул, А. Каргалы, Г. Сокорой, М. Уметбаев. Актуальность данного исследования определена малоизученностью путевых заметок указанного выше периода. *Цель статьи* заключается в прослеживании истории становления данного жанра в башкирской литературе в период с XVIII до конца XX в. на примере анализа конкретных произведений; показе документально-художественных особенностей путевых заметок современных писателей, представляющих собой повествование о времени и судьбе народов разных национальностей со своими традициями, культурами, вероисповеданием и т.д. *Материалы и методы*. В качестве материала исследования использованы произведения башкирских писателей Т. Ялсыгулова, А. Каргалы, М. Уметбаева, Г. Сокороя, М. Карима, Р. Бикбаева, Р. Хажиева и др. *Результаты*. В статье на конкретных примерах путевых заметок прослеживается эволюция жанра с XVIII до конца XX в., показывается разнообразие их форм: письмо, размышления, записи. Отмечается также, что в настоящее время интернет вносит коррективы в литературу и путевые заметки уступают место стремительно развивающейся трэвел журналистике.

Ключевые слова: башкирская литература, публицистика, жанр, путевые заметки, XVIII – конец XX века

Firdaus B. Yunusova

DEVELOPMENT OF THE GENRE TRAVEL NOTES IN BASHKIR LITERATURE (XVIII – LATE XX CENTURIES)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the history of the development of Bashkir travel notes of the 18th - late 20th centuries, including such genres as hajname (hajj – pilgrimage to holy places) and sayhatnam (suyəkhut – travel), which arose in the Middle Ages in connection with travels to holy places They were printed in the Old Turkic language in the 18th century, and in Bashkir in the 20th century. Among the Bashkir writers, the first to address these genres were T. Yalsygul, A. Kargaly, G. Sokoroi, M. Umetbaev. The relevance of this study is determined by the poorly studied travel notes of the above period. *The purpose of the article* is to trace the history of the formation of this genre in Bashkir literature from the 18th to the end of the 20th centuries on the example of the analysis of specific works; also showing the documentary and artistic features of the travel notes of modern writers, which are a story about

Юнусова Фирдаус Бариевна, *кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, e-mail: Firdaus23@bk.ru*

Firdaus B. Yunusova, *Cand.Sci. (Philology), Senior Researcher at the Department of Literature studies, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: Firdaus23@bk.ru*

© Юнусова Ф.Б., 2022

the time and fate of peoples of different nationalities with their own traditions, cultures, religions, etc. *Materials and methods.* The research material used the works of Bashkir writers T. Yalsygulov, A. Kargaly, M. Umetbaev, G. Sokoroi, M. Karim, R. Bikbaev, R. Khazhiev and others. *Results.* The article traces the evolution of the genre from the 18th to the end of the 20th centuries using specific examples of travel notes, shows the variety of their forms: writing, reflections, recordings. It is also noted that at present the Internet is making adjustments to the literature and travel notes give way to the rapidly developing travel journalism.

Key words: Bashkir literature, journalism, genre, essay, travel notes, XVIII–XX centuries

В истории башкирской литературы путевые заметки также занимают особое место и в определенной степени рассмотрены в трудах известных башкирских исследователей Г. Хусаинова [15; 16], Р. Амирова [1], Г. Кунафина [7; 8], М. Идельбаева [4], М. Надергулова [6], З. Шариповой [9] и др.

Путевые заметки, имевшие широкое распространение в XVIII–XIX вв., назывались хаджнаме (*хадж* – поломничество в святые места) и саяхатнаме (*сәйәхәт* – путешествие), где «наме» означает «вид письма, записей».

Жанр путевых записей – саяхатнаме – формировался путем взаимодействия фольклорных, документальных и художественных форм и имел прозаическую форму, редко – поэтическую. Исследователь мировых литератур Б.Л. Рифтин считает, что саяхатнаме, хаджнаме возникли в средние века в связи с путешествиями к святым местам и позже – деятельностью миссионеров» [12, с. 18]. По определению известного башкирского литературоведа, академика Г.Б. Хусаинова, «саяхатнаме (арабск. – путевые записки) – традиционная рукопись, составленная по впечатлениям от увиденного и услышанного и самого путешествия в малоизвестные страны; хаджнаме (арабск. – книга жанр восточной мусульманской литературы; путевые записки – произведения, основу которых составляют путешествия, хождения (у Афанасия Никитина – это «Хождение за три моря») по разным странам. В них описываются события, произошедшие во время путешествий» [15, с. 43–44].

Рукописные и печатные путевые заметки, встречающиеся в тюркоязычной литературе Урало-Поволжья, связаны с паломничеством в Мекку для совершения хаджа. Среди них своей историко-литературной ценностью выделяются «Путешествие Исмагила» (1751) и «Путешествие Мухаммета Амина (1783). В них реальные события переплетаются с элементами вымысла, гиперболы, хотя на первый план выводятся реалистические жизненные мотивы.

В башкирской литературе XVIII–XIX вв. привлекают внимание путевые заметки, написанные в стихах. Среди произведений, вошедших в книгу «Переводы хаджи из Сеитовского посада Абельманиха» (1845) А. Каргалы.

Абельманих Абельфаиз-улы Каргалы . Ему довелось побывать в Бухаре, Стамбуле, Каире, совершить хадж в Мекку и Медину. В Стамбул он отправился с чиновником по имени Мухаметйусуф и по его просьбе поэт свои впечатления пишет в стихах. А. Каргалы отмечает, что, например, стихотворение «Благодарение» (Тәшәккөр) в книге «Переводы хаджи Абельманиха из Сеитовского посада» он написал в подражание иранскому поэту Фирдоуси, жившему в X в. (936–1020). Глубоко философичны в нем следующие строки:

Не жалей о прошлом,
Не печалься о будущем:
Обойдя четвертую часть земли,
Повидал ты много поучительного
[14, с. 235–236].

Поэтическое саяхатнаме пронизано глубокой тоской по родному краю и чувством патриотизма:

Тоска по родине сердце гложет,
Домой хочу – нет лучше земли родной.
Любовь к родине – святое чувство,
Потому мужчины, женщины в пути [14, 236].

Г. Сокорой четырежды совершал хадж. После первого хаджа в 1872 г. он описал свои впечатления в хаджнаме «Насим ас-саба» (Ветер

[1] Габдессалямов Абельманих Абельфаиз улы (1784–1824) – довольно известный в свое время среди тюркских народов поэт, много путешествовал.

[2] Кииков Мухаметгали Габделсалихович (1826–1889) – известный башкирский писатель, поэт-просветитель XIX в., оставивший многогранное литературное наследие.

утренней зари). В хаджнаме Г. Сокороя образ ветра раскрывает основную идею произведения. По своей сути он выступает здесь носителем новых вестей. Тем более это не просто ветер, а ветер утренней зари, предвестник новой жизни. Из контекста хаджнаме видно, что ветер – это олицетворение образа самого автора.

С намерением издать свою книгу, он много лет ездил в Казань. Лишь после смерти издателя стало известно, что рукопись давно ходила по рукам в списках. «Насим ас-саба» не была утеряна и сохранилась в научной библиотеке Казанского университета в 1885 г.

Приводим отрывок хаджнаме «Насим ас-саба» из книги автора «Свет лампы», включающей стихи, исторические записки (текстологические работы выполнил доктор филологических наук М.Х. Надергулов, он же составитель, автор предисловия, комментариев): «…Огромны богатства необъятной России. Выехав из дома, сколько краев, сотен городов надо проехать до Одессы! Исправные дома, возделанные поля, бесчисленные здания и строения – тому убедительное доказательство. Размеры, красота и благоустроенность Московской крепости, его многочисленные заводы и фабрики свидетельствуют о величии могучей империи...

...Чтобы из Александрии добраться в Суэцкую крепость на чугунной арбе, мы отправились на вокзал. Там снова пришлось столкнуться с безалаберностью арабов. Такие обязательные и простые процедуры, как сдача багажа, проверка документов, получение билета и т.д., никак не организованы, везде неразбериха. Внутри вокзала суматоха, крики, ругань, толкотня. Не знаешь, куда идти, и обратиться не к кому, никто ничего не знает. В нашей России обойди любые вокзалы, начиная с Нижнего и до Одессы, но такого безобразия, как здесь, не увидишь!» [13, с. 45–46].

Как видно из приведенного отрывка, Г. Сокорой во время своего путешествия восхищается необъятными просторами и богатством российской земли, стройками, фабриками и заводами, мостами, соединяющими берега рек, и Москвой, а в итоге – «великой империей», и с гордостью утверждает, что Россия величественнее всех держав в мире. Г. Сокорой в хаджнаме не ограничивается описанием лишь увиденного и пережитого – за каждой строкой чувствуется активная гражданская позиция, прогрессивные взгляды и отношение его на те или иные явления. «...Примечательно и то, что если его стихотворным произведениям присущи чрезмерная пестрота языка, обилие арабизмов и фарсизмов, то саяхатнаме свободно от такого стиля – язык его прост и легко доступен читателю [9, с. 104].

В истории башкирской литературы период на стыке двух веков связан с творчеством М. Уметбаева . Вся творческая деятельность и поэзия М. Уметбаева направлены на пропаганду идей просвещения в доступной литературной форме, на донесение идейно-эстетических, этических, рационалистических взглядов до широкого круга читателей с помощью художественного слова.

Особое место в духовном и художественном наследии М.Уметбаева занимает энциклопедический сборник «Ядкар» («Памятки»), изданной в городе Казани в 1897 г., в который вошли стихи, басни, путевые заметки и др. Все эти материалы написаны автором не в сухом деловом стиле, присущем для энциклопедических работ, а в эмоциально-окрашенной форме.

Из путевых заметок автора известны такие, как «Мысли о Пететбурге», «Мысли о Москве», «Путешествие Наримана» и др. Среди них выделяется стихотворное саяхатнаме «Путешествие в Крым», в котором воссозданы его впечатления о поездке в благодатный край России. Кратко сообщается о прибытии в тогдашнюю столицу – Петербург, откуда берет начало поездка в составе официальной Комиссии на окраину:

По велению бога,
Оставив родную земли юмран.
Прибыли в Петербург,
Два месяца совет держали [11, с. 84].

Упоминается также о дипломатическом характере и цели путешествия:

(Быть послом министра; Во время комиссии; Мы получили возможность), однако автор не уходит от традиционной темы саяхатнаме и его основного принципа занимательного воспроизведения путешествия в дальние страны, чему служит описание увиденного в райском уголке земли. Чудесные дворцы, утопающие в тропической зелени, сказочные сады с певчими птицами и звенящими фонтанами [11, с. 85].

---

[3] Уметбаев Мухаметсалим Ишмухаметович (1841-1907) – видный ученый-краевед, историк, этнограф, лингвист, фольклорист, литературовед, переводчик, поэт, публицист и общественный деятель.

Действительно, все что открывается перед духовным взором путешественника и его спутников, прибывших, оставив позади Акъяр – Севастополь, Бахчисарай, Ялту, достойно любования и восхищения. Автор не скрывает своей радости от встречи с чудной природой и великолепными достопримечательностями Крыма и открыто признается, что в жизни не видел красивее этих мест. Он не обходит стороной и вопросы духовной и культурной, а также общественно-политической жизни города, особо подчеркивает в этом роль образования, научных знаний и средств массовой информации, как говорят и пишут современники.

Изучая жизнь и творчество М. Уметбаева, Г.С. Кунафин писал, что «в истории башкирской национальной культуры М. Уметбаев оставил глубокий след не только как ученый, но и как поэт и публицист, творчество которого определяло сущность прогрессивной башкирской литературы второй половины XIX в., развивающейся под влиянием идейного течения, направленного против пережитков средневековья, феодальных правопорядков, религиозного фанатизма [3, с. 165].

Таким образом, Т. Ялсыгул, А. Каргалы, Г. Сокорой, М. Уметбаев внесли большой вклад в развитие жанров хаджнаме, саяхатнаме и жанра путевых записок.

70–80-е гг. XX в. в башкирской литературе ознаменованы установлением дружеских связей с писателями, поэтами и литераторами из других республик. Проводимые в то время в БАССР Дни русской, украинской, казахской, каракалпакской, чувашской, якутской, алтайской литератур превращались в праздник большой дружбы. Башкирские писатели, посетившие другие республики и зарубежные страны, привозили незабываемые впечатления от этих встреч. На страницах газет и журналов периодически появлялись переводы произведений авторов из других республик и стран, издавались интересные сборники, антологии, а также воспоминания о поездках. Союз писателей Башкирии проводил большую работу, включаясь во все сферы жизни общества: писатели направлялись в длительные командировки на важные стройки в республике и поездки за рубежом. Впечатления от зарубежных поездок описаны в путевых очерках М. Карима «Вьетнам недалеко», И. Абдуллина «Сильнее дружбы нет ничего», Г. Ибрагимова «На земле друзей», Н. Наджми «Индийские страницы», К. Мэргэна «Дневник души», Р. Баимова «Дружеская неделя в Галле» и др.

М. Карим[4] много раз побывал за рубежом. Тема дружбы между народами планеты стала одной из главных тем в творчестве писателя. По итогам поездок в Республику Болгария и Демократическую Республику Вьетнам он написал путевые очерки «В стране улыбок» и «Вьетнам недалеко...».

Путевой очерк, посвященный описанию быта и культуры народа Вьетнама, в дальнейшем был издан в Уфе отдельной книгой (1956). В нем среди других героев действует и сам автор. Он пишет, что в нескольких тысячах километров от нашей страны в далеком Вьетнаме живут люди, близкие нам по своему духу. Поэт подает читателю руку, приглашая его мысленно пройтись по тем дорогам, по которым прошел сам, познакомиться с вьетнамскими людьми, с их культурой, бытом, традициями. Сорок семь дней пролетели для него как сорок семь быстро промелькнувших птиц... километров. Когда же они возвращались, окрыленные, думали о нашей Родине. Поэтому и далекие расстояния казались им близкими. Обо всем, что увидел и почувствовал на вьетнамской земле, автор рассказывает тепло, с трепетом. Он открыто делится мыслями о том, какие трудности испытывает страна, в то же время какие великие свершения творит молодежь этой страны. На то есть ратный и трудовой пример старшего поколения, как их называет автор, «героических людей».

Автор также интересно рассказывает о традициях, о древней своеобразной культуре народа, о его любви к литературе, о выставке аграрной реформы в Ханое и самое главное, о радостной встрече с вьетнамскими трудящимися, которые горячо любят нашу страну. На концерты советских артистов люди приезжали из самых дальних деревень, иногда концерты шли по два-три дня. Они устраивались чаще на открытом воздухе и продолжались, несмотря на дождь и непогоду. Об этих незабываемых встречах поэт пишет словами радости и любви тысяч глаз, направленных

[4] Каримов Мустафа Сафич (1919-2005) – народный поэт Башкортостана, писатель, драматург и публицист стал целой эпохой не только башкирской, российской, но и мировой литературы.

на него и, тепло тысяч рук, протянутых к нему через открытое окно машины. Автора поразило то, что ночью люди работают на рисовых полях.

М. Карим завершает свой путевой очерк словами: «Воды, горы, пальмовые и бамбуковые леса, деревни и города Вьетнама, его палящее солнце и народ с горячим сердцем, зеленые нивы и люди с душой остаются позади, но не далеко. Эта храбрая и прекрасная страна всегда будет близка моей стране. Вьетнам недалеко...» [7, с. 88].

В 1990-е гг. очерк постепенно перестает отражать только злободневные события современности. Некоторые очерки и путевые записи переросли в дальнейшем в документальные повести о героях труда республики. Например, повесть А. Абдуллина «Белое молоко» посвящено деятельности известного животновода Кильдебая Сулейманова. Повесть С. Поварисова «Когда учишься работать» рассказывает о жизни и деятельности председателя колхоза в Илишевском районе Тимерхана Нажмиева. В таких произведениях, построенных на реальной основе, явлениях действительности, деятельность героев изображается как в очерке: нет центральной проблемы, способствующей развитию сюжета, раскрытию характера героев, способных связать события в один композиционный узел. Такие произведения образовали литературное явление, стоящее между очерком и повестью.

Р. Бикбаев свое отношение к увиденному нередко передает через поэтические строки и крылатые выражения. Ярким примером тому являются путевые очерки об Украине, Кыргызстане, Азербайджане, Турции, Эстонии, Германии, США и Южной Корее» [5, с. 553]. В путевом очерке «Не потерянное сокровище» изложены философские размышления, переживания, мысли, волнующие автора. Во время своей недельной поездки в Турцию в 1998 г. автору довелось встретиться со многими интересными людьми, познакомиться с историческими памятниками, среди которых – самая древняя в мире, самая большая в Стамбуле мечеть Султанахмета с шестью минаретами.

Свои чувства и переживания, овладевшие им в этой мечети, он передает так: «О Худай! Какие же гениальные умы, какие золотые руки сотворили эти высочайшие своды, изливающие таинственный голубоватый луч? Из множества окон на ковры, расстеленные на полу, падает мягкий свет. Глаза ослепляют красота и великолепие внутреннего убранства мечети, украшенного разноцветным дорогим фаянсом, драгоценными камнями. Не зная, на чем из этой красоты остановиться, взгляд жадно блуждает, торопится объять все вокруг. Между разноцветьем и узорами возникает какая-то удивительная гармония, и этот мир света своей волшебной голубизной навсегда врезается в душу. Ведь поэтому здешний народ мечеть Султанахмет называет Голубая мечеть (Мави мечеть)» [2, с. 325]. Размышляя о прошлом и настоящем, Р. Бикбаев утверждает, что между шестью древними минаретами мечети Султанахмет и сегодняшним днем существует удивительная и неуловимая связь. Сравнивая христианские церкви и мусульманские мечети, автор размышляет о христианстве и исламе. Он не собирается противопоставлять эти религии или считать одну религию предпочтительнее или правильнее другой. Писатель говорит о том, что и у христианства, и у ислама высокая и святая цель – воспитание праведности, чистоты помыслов, пробуждение в человеке духовности.

Далее Р. Бикбаев размышляет о возрождающихся в последние годы духовных связях между нашими странами. Восхищаясь искренностью, дружелюбностью, гостеприимством турков, он отмечает, что в этом они схожи с башкирами. С нескрываемой горечью говорит о некоторых негативных явлениях, имеющих место в нашей республике, например, о распространении среди башкир алкоголизма, незнании родного языка, пренебрежении или равнодушии некоторых к вере.

Во время этого путешествия произошли волнительные и незабываемые для писателя события: посещение могилы А.-З. Валиди Тогана, а также встреча с его детьми – Исэнбикой и Субедеем. Р. Бикбаев искренне рад и горд тем, что научное наследие А.-З. Валиди вернулось на родину, родному народу, над его именем взошло солнце справедливости и оно с почестями и славой возвратилось на родную землю.

Таким образом, Р. Бикбаев в своих путевых заметках не ограничивается простым пересказом увиденного и пережитого, здесь большую роль

[5] Бикбаев Равиль Тухватович (1938–2018) – народный поэт Башкортостана, ученый и публицист, чье имя известно далеко за пределами его родной республики.

играют философские размышления, основательный и глубокий анализ тех или иных явлений.

В целом, путевым заметкам 1990-х гг. характерны композиционная стройность, глубина идейного содержания, философские размышления, яркие впечатления, широкое использование сравнений и других художественных средств и приемов. На примере путевых очерков можно отметить, что каждый из них представляет собой повествование о времени и судьбе народов разных национальностей со своими традициями, культурами, вероисповеданием и т.д.

К началу XXI в. увидели свет путевые заметки на страницах журналов «Агидель» и «Ватандаш» Р. Бикбаева «Дневник Америки» (2015), Ф. Кузбекова «Тебя увидел, Америка!» (2002), Р. Хажиева «Неисчезнувшие следы» (2002), К. Зиганшина «Джамбо, Африка!» (2009), С. Бадретдинова «В стране восходящего солнца» (2006) и др.

В настоящее время интернет вносит свои коррективы и в литературу. Традиционные путевые заметки уступают место стремительно развивающейся трэвел журналистике. В социальных сетях становятся популярными новые и разные записи об интересных путешествиях в различные уголки мира. Поездки, экспедиции, встречи с интересными людьми дают богатый материал для достоверного и вместе с тем художественного описания края; для рассказа об интересных людях, их быте, для размышлений о жизни.

Таким образом, башкирские путевые заметки прошли длительный исторический путь развития. С точки зрения эволюции путевые заметки представляют собой одну из наиболее древних его форм. В башкирской литературе отмечено наличие характерных признаков жанра путевых заметок уже в произведениях башкирских писателей конца XVIII – начала XX в. Т. Ялсыгулова, А. Каргалы, М. Уметбаева, Г. Сокороя. Следует отметить также, что путевые заметки печатались не только в виде прозаических произведений, но и зачастую в виде стихотворных текстов, о чем свидетельствуют, например, отрывки путевых заметок А. Каргалы. Не менее интересны при выявлении истоков жанра очерка в башкирской литературе произведения Г. Сокороя, четыре раза совершавшего хадж, и оставившего описание своих путешествий в путевых заметках «Насим ас-саба». Произведения, написанные в виде путевых заметок, характерны также и для М. Уметбаева. Они включены в его знаменитую книгу «Ядкар» (1897).

Важнейшие события, происходившие в политической, общественной жизни нашей страны в 90-е гг. XX в. оказали большое влияние на башкирскую публицистику и привнесли в нее новые веяния. Писатели активно выражали свое отношение к процессам перестройки, отличились и новыми подходами к освещаемым темам. В результате на страницах периодической печати увидели свет новые статьи, репортажи, беседы, очерки. Свои путевые заметки они наполнили новым содержанием, в том числе, фольклорным, и сумели мастерски донести до читателя свои глубокие философские размышления, наблюдения, выступая при этом не только как путешественники, но и как гости и писатели.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время, как было указано выше, место традиционного путевого очерка постепенно занимает трэвил журналистика, принимая все новые и новые формы. Каждый автор-путешественник стремится привнести в данный жанр что-то свое, новое, используя своеобразные художественные средства, присущие этому жанру, и вместе с тем предоставляя читателям информацию о разных странах, их истории, географии, культуре, искусстве, туризме, этике, философии и многом другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амиров Р.К.* На стремнине. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. 312 с.

2. *Бикбаев Р.Т.* На заре выезжаю в путь. Уфа: Китап, 2009. 448 с.

3. *Вильданов А.Х., Кунафин Г.С.* Башкирские просветители-демократы XIX века. М.: Наука, 1981. 255 с.

4. *Идельбаев М.Х.* Башкирская изустная литература (вопросы взаимосвязи с фольклором и письменной литературой, жанровой природы и поэтики). Уфа. Изд-во БГУ, 2000. 188 с.

5. История башкирской литературы. Т. 3. Литература советского периода (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.). Уфа: Китап, 2015. 696 с.

6. *Надергулов М.Х.* Стилевые особенности башкирских исторических сочинений XVI – начала XX века. Уфа: Гилем, 2004. 96 с.

7. *Каримов М.С.* Вьетнам недалеко. Уфа: Башкнигоздат, 1956. 88 с.

8. *Кунафин Г.С.* Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века. Уфа: Китап, 2006. 280 с.

9. *Кунафин Г.С.* Башкирская литература XIX – начала XX в. Нефтекамск: РИО НФ БашГУ, 2006. 230 с.

10. *Шарипова З.Я.* Башкирская литературная мысль. Уфа: Китап, 2008. 320 с.

11. *Уметбаев М.И.* Ядкар / сост., авт. вст. сл. Г.С. Кунафин. Уфа: Башкнигоздат, 1984. 288 с.

12. *Рифтин Б.Л.* Типология и взаимосвязи литератур // Типология и взаимосвязи средневековых Востока и Запада. М.: Наука, 1974. 574 с.

13. *Сокорой Г.Г.* Свет лампы / сост. авт. аст. сл. М.Х. Надергулов. Уфа: Китап, 1995. 96 с.

14. *Харисов А.И.* Литературное наследие башкирского народа. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1965. 416 с.

15. *Хусаинов Г.Б.* Литературоведческий словарь. Уфа: Китап, 2006. 241 с.

16. *Хусаинов Г.Б.* Поэтика башкирской литературы. Историческая поэтика. Поэтика национального стиха. Вторая часть. Уфа: Гилем, 2007. 352 с.

REFERENCES

1. Amirov, R.K. *Na stremnine* [On the rapids]. Ufa: Bashk. book publishing house, 1988. 312 p. (in Russ.).

2. Bikbaev, R.T. *Na zare vyezzhaju v put'* [Not a lost treasure]. Ufa: Kitap, 2009. 448 p. (in Bashkir).

3. Vildanov, A.H., Kunafin G.S. *Bashkirskiye prosvetiteli-demokraty XIX veka* [Bashkir educatores-democratae saeculi XIX]. Moscow: Nauka, 1981. 255 p. (in Russ.).

4. Idelbaev, M.Kh. *Bashkirskaya izustnaya literatura (voprosy vzaimosvyazi s folklorom i pismennoy literaturoy, zhanrovoy prirody i poetiki)* [Bashkir Oral Literature (Exitus relationis cum Folklore et Litterae Scriptae, Genre Naturae et Poeticae)]. Ufa, 2000. 188 p. (in Bashkir).

5. I*storija bashkirskoj literatury. Literatura sovetskogo perioda (konec 50-h – nachalo 90-h gg. XX v.)* [History of Bashkir literature. Literature of the Soviet period (late 50s – early 90s. XX century)]. Vol. 3. Ufa: Kitap, 2015. 696 p. (in Russ.).

6. Nadergulov, M.Kh. *Stilevye osobennosti bashkirskih istoricheskih sochinenij XVI – nachala XX veka* [Stylish features of the Bashkir historical works of the 16th – early 20th century]. Ufa: Gilem, 96 p. (in Russ.).

7. Karimov, M.S. *V'etnam nedaleko* [Vietnam is not far away]. Ufa: Bashknigozdat, 1956. 88 p. (in Bashkir).

8. Kunafin, G.S. *Kultura Bashkortostana i bashkirskaj literatura XIX – nachala XX veka* [Culture of Bashkortostan and Bashkir literature of the 19th – early 20th centuries]. Ufa: Kitap, 2006. 280 p. (in Russ.).

9. Kunafin, G.S. *Bashkirskoj literatura XIX – nachala XX veka* [Bashkir literature of the 19th - early 20th centuries]. Neftekamsk: RIO NF BashGU, 2006. 230 p.

10. Sharipova, Z.Ya. *Bashkirskaj literaturnzaj mysl* [Bashkir literary thought]. Ufa: Kitap, 2008. 320 p. (in Russ.).

11. Umetbaev, M.I. *Jadkar* [Yadkar]. Comp. by G.S. Kunafin. Ufa: Bashknigozdat, 1984. 288 p. (in Bashkir).

12. Riftin, B.L. *Tipologija i vzaimosvjazi literatur* [Typology and relationship of literatures]. In: Tipologija i vzaimosvjazi srednevekovyh Vostoka i Zapada [Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada]. Moscow: Nauka, 1974. 574 p. (in Russ.).

13. Sokoroy, G.G. *Svet lampy* [Lamp light]. Comp. by M.Kh. Nadergulov. Ufa: Kitap, 1995. 96 p. (in Bashkir).

14. Kharisov, A.I. *Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda* [Literary heritage of the Bashkir people]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1965. 416 p. (in Bashkir).

15. Khusainov, G.B. *Literaturovedcheskij slovar'* [Literary Dictionary]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1984. 304 p. (in Bashkir).

16. Khusainov, G.B. *Pojetika bashkirskoj literatury. Istoricheskaja pojetika. Pojetika nacional'nogo stiha* [Poetics of Bashkir literature, Historical poetics. The poetics of the national verse]. Part 2. Ufa: Gilem, 2007. 352 p. (in Bashkir).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-40-44
УДК 821 (470.57) –2

З.Т. Рахматуллина

IDEOLOGICAL AND THEMATIC FEATURES OF THE MODERN BASHKIR FAMILY AND DOMESTIC DRAMAS (ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ БАШКИРСКИХ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ДРАМ)[1]

Аннотация

Тематика современной башкирской драматургии очень широка: в ней воссоздаются различные стороны современной действительности, отражаются острые проблемы семейных отношений. Данная статья посвящена проблематике и тематике современных башкирских драматических произведений, которые по жанру относятся к семейно-бытовым драмам.

Основное содержание исследования составляет анализ драматических произведений «Китмәгеҙ, торналар!» («Не улетайте, журавли!») Т. Гариповой, «Өҙөлдө өмөт» («Прервалась надежда») Н. Асанбаева и «Яран гөл» («Цветок герани») Ф. Булякова. Семейно-бытовые драмы Т. Гариповой и Н. Асанбаева объединяет тема борьбы с болезнью зависимости, которая приводит к трагедии семьи и к гибели героев драмы. Рассматриваемые драмы посвящены теме отцов и детей, проблемам молодого поколения. В пьесе «Яран гөл» («Цветок герани») Ф. Булякова отражается целый мир отношений между мужем и женой, пожилыми родителями и взрослыми детьми, между родственниками. Автор показывает обыкновенную историю семьи, где царит любовь и уважение. Но затрагивает трудности взаимоотношений в родственных связях, а также показывает безразличие повзрослевших детей к своим пожилым родителям.

В результате анализа автор статьи приходит к выводам о том, что башкирские семейно-бытовые драмы отражают наиболее актуальные проблемы современных семей, показывают проблемы в воспитании подрастающего поколения, выявляют причины трудностей в отношениях отцов и детей, делается акцент на важности семейных ценностей.

Ключевые слова: современная драматургия, жанр семейно-бытовой драмы, тема семьи, проблема отцов и детей, семейные ценности

Zukhra T. Rakhmatullina

IDEOLOGICAL AND THEMATIC FEATURES OF THE MODERN BASHKIR FAMILY AND DOMESTIC DRAMAS

Abstract

The topics of modern Bashkir drama are very broad: various aspects of modern reality are recreated and acute problems of family relations are reflected in the drama. This article is devoted to the problems and topics of modern Bashkir dramas, which belong to the genre of family and domestic dramas.

The main content of the study is an analysis of dramas «Don't fly away, cranes!" by T. Garipova, «Hope is Lost» by N. Asanbayev and F. Bulyakov's «Geranium Flower». Family and domestic dramas by T. Garipova and N. Asanbaev are combined by the theme of fighting the disease of addiction, which leads to the tragedy of the family and the death of the heroes of the drama. These dramas are devoted to the theme of fathers and children, the younger generation problems. A whole world of relationships between husband and wife, elderly parents and adult children, relationships of relatives are reflected in the play «Geranium Flower» by F. Bulyakov. The author shows the ordinary story of

Рахматуллина Зухра Тимасовна, *младший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа), e-mail: saf_zuhra@mail.ru*

Zuhra T. Rahmatullina, *junior Researcher of the Department of Literature, Institute of History, language and literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Science (Ufa), e-mail: saf_zuhra@mail.ru*

© Рахматуллина З.Т., 2022

the family with their love and respect. But also F. Bulyakov presents the difficulties of relationships in kinship ties, and shows the grown children's indifference to their parents.

As a result of the analysis the author concludes that Bashkir domestic family dramas reflect the most actual problems of modern families, show the problems in the parenting, help to identify the causes of difficulties in the relationship of fathers and children, emphasize the importance of family values.

Key words: modern drama, the genre of family drama, the theme of the family, the problem of fathers and children, family values

Recently the family theme is becoming more and more relevant in society. It may be because there is more focus on family saving, parent-child relationships. This theme remains actual at all time. As noted by Dr. Sc. in Philology R.B. Akhmadiev: "Everyday drama takes on a literary form in the 1930s. and post-war decades, when private topics became socially meaningful, filled with civic pathos, correlated with the moral consciousness and family traditions of the Bashkir people, the development problems of the whole society" [2, p. 114].

Most modern Bashkir dramas raise the problems of family relations, reveal the family destruction reasons, but not all dramatic works are able to show ways out of given situation.

The modern young family breakdown problems are revealed in the family drama "Don't fly away, cranes!" ("Kitməgez, tornalar!") by Tansulpan Garipova [5].

In terms of composition, the play consists of three periods in the lives of the main characters. The first period is the carefree life of a simple family of two people: the main character Almukhamet and his mother Bibizata. The plot begins when Almukhamet meets Saria and he brings her home as his future wife. His mother Bibizata is happy for him and meets her daughter-in-law with love.

But what is going on in the mind of the heroine Saria herself? The viewer and the reader only know that she has come out from not far away place recently. Why did the young girl fall into the trap of life? Almukhamet is not interested in wife's past life. Sariya tries several times to reveal the truth to her husband, her soul, but Almukhamet does not want to listen and always stops her during the six years of marriage. Perhaps he did not want to denigrate image of a "beautiful" wife, two children's mother with the past. But the author deliberately includes a cut of the announcer from the radio at the very beginning of the first episode, and it talks about alcohol and its consequences, which initially hints at what will happen next. We find out that Saria likes to drink.

The second period in the play is the stage of complication of this problem – problem of the female alcoholism. The worsening of the situation begins with the arrival of a new hero – Islam. He is hired as a worker to Almukhamet and forces Saria to run away with him to the city. When Saria came back to family she reveals the truth that Islam was her ex-husband. Almukhamet sets fire to his own two-story unfinished new house in a rage, that house was a symbol of a happy family for him. There he dreamed of starting a new life with his beloved healthy wife, children and mother. These difficult events destroy Bibizata's health and she leaves this world, unable to find the strength to forgive her daughter-in-law.

The third period of the main character Saria's life is the bottom of life. Her life has almost no meaning. She is deprived of motherhood, she with Islam sold all the household of her husband and mother-in-law. She believes in her heart that one day her husband will come back for her and forgive her. In the climax, we learn that her ex-husband killed Almukhamet. At the end of the drama, Sariya realizes that she not only crossed out her life, but also broke the life of Almukhamet, her mother-in-law and her children. Her mistake is that she could not let go of her past, give up her first love when fate gave her a chance to make a life and she found happiness in the person of Almukhamet, she had bottomed out in chains with alcohol and her ex-husband.

Hope awakens in her soul to fix and change something when she reads her daughter Gulsibar's letter from the orphanage. But there is the question: What can be changed already? Everyone she loved has gone from her life. Perhaps it was only for the love of her children that she would be able to get back to her normal life. But the finale of the drama is left open and the reader is left to say goodbye to the characters of the play.

The drama leaves a very heavy, conflicting feelings filled with pity and love for Almukhamet, Saria and Bibizate. It should be noted that the language of the play is full of artistic metaphors, as well as

poems by Z. Altynbayeva, which relieves the heavy atmosphere of the drama.

Let's try to see the motives of the heroes in order to explain the reasons for this tragedy of this family. Islam is rather self-satisfied, a very rude, unpleasant person. He destroyed Saria's family, killed Almukhamet, to some extent took revenge on his beloved because of Saria did not wait for him from prison, married a hardworking man, bore him children, and lives happy.

Almukhamet certainly deserved the best in life, but when he married to Saria, he hoped that she would change and start a new happy life with him. But Almukhamet also made a mistake too. He never gave his wife the opportunity to speak out, because Saria several times tries to clarify her past, and tell about her ex-husband. The main character, Almukhamet, should hear his wife, try to understand and forgive.

Saria: Can I explain to you?.. Almukhamet, you have never… how I got there…

Almukhamet: Again the same thing! Why do I need to know your past? Should a person live in the past? After all, there is you, we are together, the daughter is growing ... [5, p. 161].

Saria was unable to give up the past that haunted her. She lost everything because of this. The destruction of their family reason is that they could not hear each other, try to understand, forgive, accept themselves, and also fight all problems together.

The family drama "Hope is Lost" ("Öẓöldö ömöt") by Najib Asanbayev [1] also raises the urgent problems of the family, the young generation, the topic of parents and children. It should be noted that a specific feature of the compositional structure of this play consists of two parts and ends with a climax. In the first part of the play, the reader is introduced to the main character Rafil's family. Rafil is a self-satisfied boy of 20 years old from the city. He is lazy young man who is used to his parents' provision. As he was the only child in the family, his mother Rauzila, constantly took care of him, satisfying all the wishes of her beloved son since childhood. Iskander is the father of main hero, he is a teacher at a university, a deputy. Due to work, he did not pay the necessary attention to his son. And so Rauzilya complains to her friend: "I live with my husband, but all my life I'm alone" [1, p. 88].

The son grew up with his mother, so the reason for his selfishness and unwillingness to become an adult depends on his upbringing. All successes and faults, as we know, come from childhood, from the family. Even when Rafil decides to join the army, Rauzilya finds reasons for him not to join the army. The father gives his son one week to look for a job so he can start to make a living on his own. But the situation begins to change after the coming of her friend Gatifa. Gatifa is an unmarried woman and she is 40 years old. She is very jealous of her friend Rauzili's life and wants to hurt her, maybe even take her husband away from her. Gatifa offers to introduce Rafil to Lyra, Lyra is from a very wealthy family. Lyra is also the sole daughter of Zauhat and Bylbyl. It is revealed Lyra got involved with drugs and is now ready to involve Rafil, getting him to fall in love with her. Rafil's meeting and relationship with Lyra is going very well. These episodes are riddled with sarcasm and comedic tone, they can be described as burlesque - an exaggerated comic image on stage. Further, we can easily predict the following actions. It is clear that Rafil fell into the unkind hands of Lyra, Gatif and Ramazan. Lyra instills in him her thoughts about life, parents, and everything else. She is sure that the worldview of her parents is an outdated, past stage. "Your father smells of mothballs," she laughs at Iskandar. [1, p. 94]. The girl convinces the guy that a new generation is coming. and the motto of this generation sounds: "Take everything from life at once, live and not think about anything."

Lyra: You feel the world in the old way. And today we must think in a new way, live in our own way!

Rafil: How is it?

Lyra: We must strive to ensure that the pleasures of youth last longer. The world is unlimited, so its pleasures must be unlimited. Do you understand me, baby? [1, p. 93].

The guy goes to self-destruction, along the border of life and death because of Lyra. Rafil believes the girl, falls in love, and does everything that the beloved asks. Lyra owes a very big money to Ramazan. Ramazan is a drug dealer who wants to get a good income from Rafil and Lyra. But when Rafil begins to understand that he is in trouble, Ramazan proves him otherwise.

Ramazan: Swamp! On the contrary, I'm trying to pull you out of the swamp life. We were lied to all the time that we would have a beautiful life ahead of us. But he is not there ... This is a beautiful life! [1, p. 99].

By the end of the play, Rafil turns into a person who cannot be recognized, he needs only money and nothing all. Rauzilya is desperate, she cannot fight this alone. She constantly asks her husband to talk to his son like a man to a man, but Iskandar always has one answer: "I'm in a hurry, later!" And then it was already too late. One day, Iskandar tries to talk to his son, but he understands that his son has already grown up, and dad is no longer an authority for him. Iskandar blames his wife for everything that she raised such a son.

Iskander: I am at work day and night! It's your fault that he's like this! Where did you look? He grew up in front of you in a kindergarten. You raised him at home.

Rausilya: Only the upbringing of his mother is not enough for a boy!.. After all, you didn't even see how he grew up. You return home just to sleep and rest. Did you take him anywhere by the hand? He grew up with his father without a father. And I live without a husband, even though I am married… You are just a roommate in this house… [1, p. 106].

It should be noted that, the author reveals another hot topic by the image of Rausilia: the loneliness of married women, and he shows the role of fathers in raising children, the younger generation.

Further, the action of the play is accelerated, and the end of the story is getting closer. The reader and the viewer may hope that the situation will change, that the characters will be able to save each other. After Ramadan blackmails Iskandar and Rauzilia, and takes a huge amount of money from them, the woman cries a lot.

Iskander: Don't cry, the neighbours will hear...

Rauzilya: I lived all the time and hid everything from people so that no one would notice. It has been necessary to shout for the whole world, there would be some good people, perhaps they would help with good advice ... [1, p. 107].

It should also be noted that this play reveals acute problems between fathers and children, the role of parents in the fate of their children. The play gives the idea that you can't patronize others too much problems should be solved by everyone together.

Thus, the dramas "Hope lost" by N. Asanbaev and "Do not fly away, cranes!" T. Garipova show the ways of personality degradation, in one case, in connection with drug addiction, and in the other – with alcoholism. Both plays reveal these problems, show the family tragedies where it is impossible to fight such diseases alone. A lot of things depend only on the people themselves, who are consumed by addiction.

The talented playwright Florid Bulyakov's plays have become a special phenomenon in modern Bashkir drama. The family theme, especially the theme of fathers and children, is revealed in the drama "Geranium Flower" ("Yaran gol") by F. Bulyakov [3]. The whole world of relationships between husband and wife, elderly parents and adult children, between relatives is reflected in the play. The author shows an ordinary story of a family where love and respect rule. Gali and Galiya are the parents of three sons and they live with their youngest son Bayan in love and respect for one another. The purity of feelings can be found not only in the remarks, but also in the dialogues, and in the eyes of the main characters. Gali and Galia communicate through their eyes and thoughts, and deeply understand each other in front of the children who arrive from the city. The careless relation to the elderly parents is revealed in the dialogues of the sons Zaki and Rail. For example, eldest son Zaki didn't even know that his mother couldn't walk for six months, her legs give out. They have not visited their parents for a very long time, although they live nearby. Zaki and his wife Zakia, Rail and Raila came to say goodbye to their mother. They are ready to take away that ancient geranium flower, which the children think is a hundred or two hundred years old. Zakia asks to leave the flower while she is alive, for her it is a symbol of life and hope, as well as a good force that protects their house from harm.

The children have grown up a long time ago, they live with their families, except for Bayan, and they live their own lives. They are not interested in the lives of their parents. They came to say goodbye to their mother. Also the relationship between the daughters-in-law shows that the brothers also do not communicate with each other. By this play, the playwright raises the kinship problems, relations between parents and adult children, questions of family values.

If we consider the structure of the drama, we can see that there are a beginning (the Gali and Galiya life); plot (sons arrive with daughters-in-law); development of events (death of the last goat, Ramadan arrives, who once loved Galia. Zabira takes everything from Galia's house, while it is very strange that Gali, as the owner of the house, does not try to stop her, and she behaves as the owner of the house

and everything. This is an observation makes it clear that, perhaps, there were conflicts between Gali and Zabira, and Ramazan, but all this was in the past. There is no any conflict between them in the play. The drama ends with the fact that the children all go to the river to admire the waning sun. Gali has radiculitis, he is unable to help himself. And then, Galia gets up, for the first time during the last six months as a surprise for everyone. The author at the end gives a remark: And a geranium flower was smiling on the window – this flower is a companion of all mothers and sisters, a symbol of peace and farewell [3, p. 385].

In the end, parents are left alone, and they do not feel help from their children. Also, the dramas "Love Thief" ("Mokhabbat Urlausy"), "Splinter" ("Shyrau") by Florid Bulyakov are devoted to the problems of the family and morality, loyalty, love and empathy.

In this way, Bashkir family dramas reveal the problems of relationships between spouses, identify the causes of the modern young families problems, difficulties in the relationship between fathers and children, in family ties, emphasize the importance of family values.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асанбаев Н.В.* Өҙөлдө өмөт // Ағиҙел. 1991. № 11. 86-111–се бб. (Асанбаев Н.В. Прервалась надежда // Агидель. 1991. № 11. С. 86-111).

2. *Ахмадиев Р.Б.* Конфликты, жанры, характеры. Уфа: Китап, 2009. 264 с.

3. *Бүләков Ф.М.* Пьесалар. Өфө: Китап, 2008. 448 б. (Буляков Ф.М. Пьесы. Уфа: Китап, 2008. 448 с.).

4. *Гайнуллин М.Ф.* Пути развития башкирской драматургии: Жизнь. Конфликт. Характер. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1985. 326 с.

5. *Ғарипова Т.Х.* Китмәгеҙ, торналар! // Ағиҙел. 2005. №8. 156-169-се бб. (*Гарипова Т.Х.* Не улетайте, журавли! // Агидель. 2005. № 8. С. 156-169).

6. *Карабулатова А.К., Сайфуллина З.В.* Драматическое искусство Башкортостана. Уфа: Китап, 2005. 239 с.

7. *Кильмухаметов Т.К.* Поэтика башкирской драматургии. Уфа: Китап, 2008. 485 с.

8. *Кусимова С.Г., Вербицкая Г.Я.* Театр в пьесах, спектаклях и лицах. Уфа: УГИИ, 2002. 266 с.

9. *Хализев В.Е.* Драма как род литературы. Поэтика, генезис, функционирование. М.: Издательство МГУ, 1986. 259 с.

10. *Шайхисламов Ф.З.* Жанровые особенности башкирской семейно-бытовой драмы (1970-1990) // Вестник БашГУ. 2012. №3. Т. 17. С. 1583- 1585.

REFERENCES

1. Asanbayev, N.V. *Өҙөлдө өмөт* [Hope was lost]. In: Agidel – Agidel Journal. 1991. No.11. P. 86-111 (in Bashkir).

2. Akhmadiev, R.B. *Konflikty, zhanry, kharaktery* [Conflicts, Genres, Characters]. Ufa: Kitap, 2009. 264 p. (in Russ.).

3. Bulyakov, F.M. *Pesalar* [Plays]. Ufa: Kitap, 2008. 448 p. (in Bashkir).

4. Gainullin, M.F. *Puti razvitiya bashkirskoj dramaturgii: Zhizn'. Konflikt. Harakter* [Ways of development of the Bashkir dramaturgy: Life. Conflict. Character]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1985. 326 p. (in Russ.).

5. Garipova, T.H. *Kitmageҙ, tornalar!* [Don't fly away, cranes!]. Agidel – Agidel Journal. 2005. No.8. P. 156-169 (in Bashkir).

6. Karabulatova, A.K., Saifullina, Z.V. *Dramaticheskoe iskusstvo Bashkortostana* [The dramatic art of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2005. 239 p. (in Russ.).

7. Kilmukhametov, T.K. *Poetika bashkirskoj dramaturgii* [Poetics of Bashkir dramaturgy]. Ufa: Kitap, 2008. 485 p. (in Russ.).

8. Kusimova, S.G., *Verbitskaya, G.Y. Teatr v p'esah, spektaklyah i licah* [Theater in plays, performances and faces]. Ufa: UGII, 2002. 266 p. (in Russ.).

9. Khalizev, V.E. *Drama kak rod literatury. Poetika, genezis, funkcionirovanie* [Drama is a kind of literature. Poetics, genesis, functioning]. M.: Publishing house of Moscow State University, 1986. 259 p. (in Russ.).

10. Shaikhislamov, F.Z. *Zhanrovye osobennosti bashkirskoj semejno-bytovoj dramy (1970-1990)* [Genre features of the Bashkir family drama (1970-1990)]. Vestnik BashGU – Vestnik of the BashGU Journal. 2012. No.3. T. 17. P. 1583-1585. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-45-50
УДК 811.512.141

Х.Б. Мамедов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Аннотация

В работе рассматривается сравнительный анализ азербайджанских и башкирских пословиц и поговорок. Здесь подчеркивается, что отношения Азербайджана с народами, проживающими на территории России, считающихся одними из древнейших цивилизаций, привлекающих внимание во всех сферах своим местом, положением и величием, сегодня, как всегда, успешно развиваются во всех сферах. Одним из таких народов являются древние башкиры, которые веками были нашими братьями. Пословицы и притчи играют неоценимую роль в лучшем понимании взаимоотношений между народами и тем самым в более близком знакомстве с особенностями разных категорий жизни народов, в том числе с традициями, национальной психикой, менталитетом, историей, географией и культурой. В этом смысле сопоставительное изучение паремиологических единиц показывает, насколько актуален вопрос, его научная новизна и приоритетность. Указано, что хотя законы азербайджанского и башкирского языков несколько отличаются друг от друга, сходств достаточно, и не чувствовать его на каждом шагу невозможно. Эта совместимость относится и к паремиологическим единицам. Таким образом, хотя в языке обоих братских народов есть примеры разного содержания, единиц с одинаковым содержанием больше. Это естественно, потому что оба тюркоязычных народа, относящихся к категории родственных языков, всегда были близки и дружны друг с другом, – вопрос не новый, это общеизвестно. В качестве источника использован «Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов» известного фольклориста Ф.А. Надршиной, а также азербайджанские пословицы и поговорки.

Ключевые слова: фольклор, азербайджанские пословицы и поговорки, башкирские пословицы и поговорки, сопоставительный анализ

Khankishi B. Mammadov

COMPARATIVE ANALYSIS OF AZERBAIJANIAN AND BASHKIR PROVERBS AND SAYINGS

Abstract

The article deals with a comparative analysis of Azerbaijani and Bashkir proverbs and sayings. It is noted that the relations of Azerbaijan with the peoples living on the territory of Russia, considered to be one of the most ancient civilizations, attracting attention in all spheres by their location, position and greatness, are today, as always, successfully developing in all spheres. The ancient Bashkirs, who have been our brothers for centuries, are one such nation. Proverbs and proverbs play an invaluable role in better understanding interrelations between peoples, thus making them better acquainted with their traditions, national psyche, mentality, history, geography and culture. In this sense, the comparative study of paremiological units shows how topical the issue is, its scientific novelty and priority. It has been pointed out that although the laws of the Azerbaijani and Bashkir languages are somewhat different, there are enough similarities not to be missed at every turn. This compatibility also applies to paremio-logical units. Thus,

Мамедов Ханкиши Бахтияр оглу, *кандидат технических наук, доцент Азербайджанского государственного педагогического университета, докторант кафедры История мировой литературы (Баку), e-mail: kankishimamedov_53@mail.ru*

Khankishi B. Mammadov, *Cand. Sci. (Technic), Associate Professor of the Azerbaijan State Pedagogical University, Doctoral student in the History of World Literature Department (Baku), e-mail: kankishimamedov_53@mail.ru*

© Мамедов Х.Б., 2022

although there are examples of different content in the languages of both brotherly peoples, there are more units with the same content. This is natural. Because both Turkic-speaking peoples, belonging to the category of kindred languages, have always been close and friendly with each other, the question is not new, and it is well known. The source of proverbs is «Russian-Bashkir dictionary of proverbs-equivalents» by a famous folklore specialist F.A. Nadrshina, as well as Azerbaijani proverbs and sayings.

Key words: folklore, Azerbaijan proverbs and sayings, Bashkir proverbs and sayings, comparative analysis

Неоспорима роль пословиц и притч, имеющих статус вечного жанра фольклора, по праву считающегося «зеркалом нации», в решении общих проблем этнокультурологии, краеведения, а также языковых и интеллектуальных отношений и создании языковой картины мира. Это связано с тем, что характер их семантики тесно связан с культурно-историческими традициями носителей языка, а также их практическим опытом. Поэтому происхождение пословиц и притч, напоминающих книгу вечной жизни, отличающихся своим структурно-смысловым богатством и разнообразием, не в небесах – божественных сил, как говорят некоторые западные фольклористы, а в их содержании, в философском мировоззрении людей, проще говоря, надо искать связь с реальной жизнью. Тогда становится ясно, что каждая из пословиц любого языка – это таинственная открытая книга, призывающая к национальному суверенитету, чистоте и справедливости, закодированная программа, исторический роман, целая эпоха, биография народа, реальность, а не далекая от прагматизма дидак-тика. Неслучайно, нет такой области человеческой деятельности и жизни, в которой бы не было достаточного количества пословиц и притч. Интересно, что пословицы и притчи, первым творцом которых является народ, а первой колыбелью которых считается устное народное творчество, напоминающих богатую лабораторию, в творчестве всех народов мира, независимо от национальной принадлежности, расы или языка, очень похожи между собой и это, по нашему мнению, естественно.

Известно, что пословицы и притчи играют неоценимую роль в лучшем понимании взаимоотношений между народами и тем самым в более близком знакомстве с особенностями разных категорий жизни этих народов, в том числе с традициями, национальной психикой, менталитетом, историей, географией и культурой. В этом смысле сопоставительное изучение паремиологических единиц показывает, насколько актуален вопрос, его научная новизна и приоритетность. Не следует забывать, что для того, чтобы быть успешным в современной жизни, важно не только знать несколько языков, но и увеличивать словарный запас мудрыми изречениями, пословицами и поговорками народа, которому принадлежит язык.

В качестве источника исследования использована следующая литература: «Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов» [1] известного фольклориста Ф.А. Надршиной и [2], [3], [4] и [5].

В источниках отсутствует взаимный анализ азербайджанских и башкирских пословиц и притч. Возможно, из-за того, что сходство между двумя тюркскими языками так велико, что не было необходимости анализировать вопрос и объяснять его дальше. Конечно, это тесно связано как с генетическими, так и с историко-культурными связями. Но вместе с тем уместно остановиться на некоторых моментах. Для сравнения изучены двести пятьдесят пословиц и притч. В результате оказалось, что почти девяносто девять процентов азербайджанских и башкирских пословиц полностью совпадают по семантике и лексическому строению. Конечно, мы прогнозировали тот же результат.

Прежде всего, обратим внимание на некоторые слова в азербайджанском и башкирском языках: Allah – Алла, ata – ата, ana – ана, ev – өй, yurd – йорт, bala – бала, yol – юл, arşın – аршын, ayran – айран, yağmur – ямғыр, isbat – иҫбат, borc – бурыс, ağ – аҡ, qara – ҡара и т.д. Посмотрим на некоторые цифры: bir – бер, iki – ике, üç – өс, dörd – дүрт, beş – биш, altı – алты, yeddi – ете, on – ун, iyirmi – егерме, otuz – утыҙ, qırx – ҡырҡ, əlli – илле, altmış –алтмыш, yetmiş – етмеш и т.д. Теперь обратим внимание на одну из пословиц: Yara ağrısı keçər, söz ağrısı keçməz (Боль от раны проходит, но боль, нанесённая словом, – нет) – Кул яраһы китә, тел яраһы китмәй. Как видно из примера, количество и семантика слов, входящих в лексическую единицу, совпадают: yara – кул, ağrısı – яраһы, keçər – китә, söz – тел, keçər – китмәй. Или «Açıq ağız ac qalmaz» (Открытый рот голодным не останется) – Асыҡ ауыҙ ас ҡалмаҫ. Здесь мы видим ту же картину:

açıq – асыҡ, ağız – ауыҙ, ac – ac, qalmaz – ҡалмаҫ или «Nuh zamanında» (Во времена Ноя) – Нух заманында. Очевидно, что оба языка имеют один и тот же корень, и большинство слов являются тюркскими словами с одним корнем.

На фоне правильного понимания жизни мы видим, что роль лексемы «Бог» одинакова в обоих языках. Известно, что тот, кто не верит в Аллаха (Бога) и не любит его, не может кого-то любить и признавать. В этом смысле человек должен сначала любить Аллаха, а потом уже тех, кого любит Аллах. Признание Аллаха – это вопрос совести. Людей, которые этого не делают, называют неблагодарными. Примеры имени «Аллах» в пословицах предков, в которых жив дух наших прародителей, полностью идентичны. Это связано с верой их в Аллаха (Бога). Обратим внимание на несколько пословиц по этому поводу: Allah bilər (Бог знает) – Алла белә, бер кемгә билдәһеҙ; Allah verəndə pəncərədən də verər (Бог даст – и в окно подаст) – Яҙған ризыҡ теш һындырып кереp; Allah bacadan tökməz, gərək özün çalışasan (Бог через дымоход не сыпет, самому нужно трудиться) – Аллаға ышан, үҙең ҡымшан; Allaha inanan ac qalar (Тот, кто верит в Бога, голодным останется) – Аллаға ышанған ас ҡалған.

В мире красоты вторая священная ценность после Аллаха – «слово», в паремиологических единицах обоих языков также тождественны. Хотя они и не похожи на образцы творений ценителей (или знатоков), мастеров и почитателей цветущего сада слов, мы под страхом перед Аллахом, перед «словом», перед крупными художниками слова предлагаем вашему вниманию несколько примеров «слова»: Acı söz/dil güllədən betərdi (Горькое слово/язык хуже пули) – Уҫал тел ҡоралдан хәтәр; Acı söz/dil qılıncdan itidir (Горькое слово/язык острее меча) – Уҫал тел утлы киҫәү; Düz söz dostluğu pozar (Правдивое слово разрушит дружбу) – Тура әйткән туғанына ярамаған; Kişi sözünün yiyəsi olar (Мужчина должен быть хозяином своего слова) – Әйткән һүҙеңә хужа бул. Әйткән һүҙеңдә тора бел; Sağa söz deyib, sola boylanır (Говорит вправо, а оглядывается влево) – Күҙе ялтырай, үҙе ҡалтырай.

Существует множество паремиологических единиц об отце, матери, семье, муже, жене и ребенке, имеющих одинаковую семантику в обоих языках: Anası necədirsə, balası da elədir (Какова мать, таков и ребенок) – Анаһына ҡарап балаһы. Инәне күреп, ҡыҙ үҫер, атаны күреп, ул үҫер; Atası necədirsə, oğlu da elədir (Какой отец, таков и сын) – Атаһына ҡарап, ул үҫер, инәһенә ҡарап, ҡыҙ үҫер; Atasız olan yarımyetim, anasız olan bütöv yetimdir (Без отца – полусирота, без матери – полная (круглая) сирота) – Атаһыҙ бала етем түгел, әсәһеҙ бала етем; Balanın balası baldan şirin olar (Ребенок моего ребенка слаще меда) – Балаң балаһы балдан татлы; Ərsiz arvad – yüyənsiz at (Женщина без мужа – лошадь без уздечки) – Ирһеҙ ҡатын – йүгәнһеҙ ат; Hər kəsin uşağı ona doğmadır (Всякому человеку свой ребёнок роднее) – Һәр кемдең үҙ балаһы үҙенә ҡәҙерле; Uşaqsiz ev məzar kimidir (Дом без детей как могила) – Балалы өй баҙар, балаһыҙ өй маҙар.

Хлеб, который веками был символом изобилия и процветания земли и неба и шахом всех продуктов питания, всегда считался у тюркских народов самым священным благом, перед которым преклонялись, встречали дорогого гостя всегда с хлебом и солью. Кстати, слово «соль» произошло от персидского слова «дузах», что означает «ад». Видимо, такое название ей дали потому, что слишком много соли употреблять вредно. Персидское слово «соль» также означает сжигающее, жгучее. Действительно, чрезмерное употребление соли вызывает у человека чувство жжения. Следует отметить, что впервые соль в кулинарию привнесли тюрки, а точнее, Тутак-хан, сын Тюрк-хана, один из сыновей Адама, внука пророка Ноя. Рассказывают, что во время еды шашлыка на природе, кусок мяса упал на землю, а когда он взял свою долю и съел его, то почувствовал, что кусок очень вкусный, и оказалось, что это соль. Наши предки всегда желали своим детям крепкого здоровья, считавшегося лучшим благом, халяльной пищи и праведных детей. Отмеченное невозможно не увидеть в азербайджанских и башкирских пословицах. В этом смысле рассмотрим пример, который по семантике совпадает в обоих языках: Çörək olsa diş tapılar (Если будет хлеб, зуб найдется) – Аты булһа, йүгәне табылыр. Арышы булһа, үлсәүе табылыр. В общем, примеров, связанных с едой и питьем, много: Ağlamayan uşağa süd verməzlər (Неплачущему ребёнку молока не дают) – Иламаған балаға имсәк бирмәйҙәр; Araq içənin ağlı əskilər (Пьющий водку умственно отстает) – Араҡы эскән аҡылын эскән; Aş olsa, dost da tapılar (Если будет плов, найдется и друг) – Аш-һыу булһа, дуҫ-иш табыла; Aş verənə daş atma (Кто дает плов, в того не бросайте камни) – Аш атҡанға таш атма; Az yeyən çox yaşayar (Кто меньше ест, тот дольше живет) – Әҙ ашаһаң, күп

йәшәрһең; İştah diş altrındadır//İştah yeməklə gəlir (Аппетит под зубами // Аппетит приходит во время еды) – Аш янында аш үтә; Şərab ilə ağıl yola getməz (Вину с умом не по пути // Вино с умом не дружит) – Араҡы яратҡан аҡылын таратҡан; Yeməklə doymayan, yalamaqla doymaz (Ненасытившийся едой, облизыванием сыт не будет) – Ашап туймағанды ялап туймаҫһың.

На азербайджанском и башкирском языках существует множество пословиц о друге. Это, безусловно, связано с глубоким уважением и доверием наших предков к друзьям. Друг – это, по сути, душа, живущая в двух телах, как два государства, один народ. Кстати, как и все остальное, друзей тоже Аллах дает человеку. В этом смысле друг – это и есть сам человек, потому что ты появился по воле Аллаха. В 107 аяте суры аль-Бакара (Корова) Священного Корана говорится: «Разве вы не знаете, что Богу принадлежит царство небес и земли, и что у вас нет защитника или помощника, кроме Бога?!» Слово «друг» – это перевод персидского слова «яр» на русский язык. «Яр» также означает «товарищ» («компаньон»). В персидском языке также есть выражение «yarıqar». Перевод означает «пещерный товарищ» (компаньон). Это имя дано Абу Бакру, который вместе с пророком Мухаммедом спрятался в пещере от меккан на пути из Мекки в Медину. Но старый друг лучше нового друга. В этой связи хочется привести в качестве примера азербайджанский вариант пословицы: «Лучше старый друг, чем два новых друга». Перевод указанной пословицы на башкирский язык таков: «Иҫке дуҫ яңы ике дуҫка биргеһеҙ». Рассмотрим некоторые паремиологические единицы о друге: Dostsuz ürək çovğuna bənzər (Сердце без друга похоже на бурю) – Дуҫың янында булмаһа, донъяның йәме юҡ; Dostu bir dəfə sınayarlar (Друга испытывают один раз) – Дуҫты мең тапҡыр һынамайҙар; Dostun köhnəsi, paltarın təzəsi (Старый друг, но новая одежда) – Кейемдең яңыһы, дуҫтың иҫкеһе яҡшы; Hər şeyin təzəsi, dostun köhnəsi (Все новое хорошо, кроме старого друга) – Кейемдең яңыһы, дуҫтың иҫкеһе яҡшы; Nöqsansız dost axtaran dostsuz qalar (Тот, кто ищет безупречного друга, останется без друга) – Ғәйепһеҙ аш эҙләмә ас ҡалырһың, ғәйепһеҙ дуҫ эҙләмәяңғыҙ ҡалырһың.

Довольно много пословиц и поговорок, посвященных человеческой глупости, невежественности: Axmağı soruşma, özü deyər (Не спрашивай дурака, он сам скажет) – Иҫәрҙән һорама, үҙе әйтер; Axmaqdan da ağıllı söz çıxar (Иногда и дурак скажет умное слово) – Ахмаҡтың да бер аҡыллы һүҙе була; Axmağa qanun yoxdu (Для дурака не существует закон) – Тилегә түрә юҡ; Axmağı kor adam da tanıyar (Дурака и слепой узнает) – Тоҙһоҙҙо күҙһеҙ ҙә белә; Axmaq baş ayaqlara dinclik verməz (Тупая башка не дает покоя ногам) – Башың эшләмәһә, аяғыңа ауырлыҡ; Axmaq it aya/küləyə də hürər (Глупая собака лает и на луну/ветер) – Эт яманы буранда ҡотора; Axmaq özü özünü tərifləər (Дурак сам себя хвалит) – Иҫәр үҙен маҡтар.

Также значительно число пословиц посвящено труду: İş işi öyrədər (Работа работу учит) – Эш үҙе өйрәтә; İş ustasından qorxar (Работа мастера боится) – Эш оҫтаһынан ҡурҡа; İşləməyən dişləməz (Кто не работает, тот не ест) – Эшләгән тапҡан, ауыҙына ҡапҡан. Тик тормаған туҡ торған; İşləsən yaxşı işlə (Если работаешь, то работай хорошо) – Эшләһәң, яҡшы эшлә; İşsiz yaşamaq (Жить без работы) – Эшһеҙ ғүмер утһыҙ күмер.

В обоих языках много пословиц о добре и зле: Yaxşı başlanğıc işin yarısıdır (Хорошее начало – половина дела) – Ниәт ярты ғәмәл; Yaxşı əməl pas atmaz (Добрые дела не заржавеют) – Изғелектең иртәһе-кисе юҡ; Yaxşı əməl suda da batmaz (Добрые дела в воде не тонут) – Алтын ерҙә ятмаҫ, яҡшылыҡ юлда ҡалмаҫ; Yaxşı şöhrət maldan artıqdır (Хорошая слава больше, чем богатство) – Яҡшы исем малдан артыҡ; Yaman qadın ərinin başın xarab eliyər (Плохая жена мужу голову испортит // Плохая жена мужу мозги высушит) – Яман ҡатын шайтан ҡамсыһы; İp – uzun, söz – qısa olsa yaxşıdır (Лучше веревка – длинная, а слово – короткое) – Бауҙың оҙоно, һүҙҙең ҡыҫҡаһы яҡшы; Yaxşı at qamçı yeməz (Хорошая лошадь не ест плетей // Хорошая лошадь не позволит себя хлестать) – Яҡшы атҡа ҡамсы кәрәкмәй; Yaxşı ustanın işi başqadır (Работа хорошего мастера отличается) – Оҫтаның ҡулы башҡа; Hər şeyin azı yaxşıdır (Всё хорошо в меру) – Яҡшы нәмә күп булмай; Yaxşı dost qardaşdan yaxındı (Хороший друг ближе брата) – Яҡын дуҫ йыраҡ ҡарындаштан яҡын.

Пословицы о фауне встречаются еще в Шумерских пословицах, в эпосе «Китаби деде Коркуд», в первой турецкой энциклопедии Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» и других древних литературных памятниках. В азербайджанском и башкирском фольклорах есть много примеров на

эту тему. Эти единицы настолько похожи друг на друга, что сравнивать их, как отмечалось выше, невозможно. Перечислим некоторые примеры: Ac toyuq yuxusunda darı görər (Голодная курица во сне просо видит) – Тауыҡ төшөнә тары керә; Atın dörd ayağı var, o da büdrəyir (У лошади четыре ноги, и то спотыкается) – Дүрт тояҡлы ат та (мал да) һерлегә; Canavar canavarı yeməz (Волк волка не съест) – Айыуҙы айыу ашамаҫ, бүрене бүре ашамаҫ; Davakar xoruz arıq olar (Сварливый петух худее) – Сәркәш әтәс һимерәҫ; Dəli it sahibini də tutar (Сумасшедшая собака и на хозяина нападёт) – Эт ҡотоpha, эйәһен тешләй (талай); Xoruz da öz küllüyündə kişiləşər (Даже петух в своей пепельнице становится мужчиной) –Үҙ сүплегендә әтәс тә батыр; İlan ilanın quyruğunu basmaz (Змея змее хвост не придавит) – Айыуҙы айыу ашамаҫ, бүрене бүре ашамаҫ; İt də ona yemək verəni tanıyır (И собака знает, кто ее кормит) – Яҡшылыҡтың ҡәҙерен эт тә бөлә; Meşə çaqqalsız, insan dərdsiz olmaz (Лес без шакалов, человек без боли не бывает) – Урман кейекһеҙ, әҙәм көйөкһөҙ булмай.

Пословицы о флоре тоже идентичны. Познавая мир, который находится между возможностью и реальностью, становится ясно, что большой мир возник из маленьких миров. Также становится ясным, оказывается, как сказал великий турецкий ученый и философ Абу Турхан, что на самом деле большой мир не больше маленьких миров, и в мире бесконечных возможностей мы стараемся выбрать только одну тропинку и идти по ней. К сожалению, многим не посчастливится пойти по этой тропинке. Те, кто может хорошо идти по этому пути, счастливы в этом мире, так и в ином. В другом мире быть счастливым гораздо труднее, чем в этом мире, потому что там каждый отвечает за свои поступки. В этой связи предки говорили: «В аду опахала нет» или «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Но кто же счастлив или удачлив? По этому поводу есть поговорка: «Счастлив тот, кто счастлив своими детьми». Другая пословица гласит: «Взаймы не брав, хоть гол, да прав». Абу Турхан пишет: «Человек счастлив, когда его внутренний мир находится в гармонии с миром, в котором он живет». Башкирская пословица гласит, что счастлив тот, кто считает себя счастливым – «Үҙен бәхетле һанаған бәхетле булыр». В другой пословице о счастье говорится: «Счастливые люди не смотрят на часы» – Бәхетлеләр сәғәткә ҡарамай. Существует и пословица, где подчеркивается, что счастье и несчастье всегда идут рука об руку – Ике бәхеткә – бер ҡайғы // Кайғы-шатлык берғә йөрөй. Следует отметить, что быть счастливым в этом мире еще не героизм. Отсюда можно сделать вывод, что определить единицу измерения как счастья, так и величия, – и трудно, и сложно. Вообще в любой сфере достаточно пословиц в обоих языках, совершенно одинаковых по языку и семантике. Рассмотрим некоторые из них: Bədbəxtçilik ölümdən pisdir (Несчастье хуже смерти) – Үлемдән оят кесле; Açıq qapını sındırmazlar (Открытую дверь не ломают) – Асыҡ ишекте шаҡып инмәйҙәр; Ağı ləkələmək asandır (Белое легко запятнать) – Аҡты ҡарайтыуы еңел; Barmağın beşi də bir deyil (Все пять пальцев не одинаковы) – Бармаҡтар ҙа тигеҙ түгел; Baş olsa, börk tapılar (Если будет голова, то шапка найдется) – Башы булһа, бүрке табылыр; Başqasının ruhuna girmək çətindir (Трудно войти в чужой дух) – Кешенең эсенә кереп булмай; Bilik qızıldan qiymətlidir (Знания дороже золота) – Ғилем байлыҡтан ҡәҙерлерәк; Bütün bəlaların başı puldur (Деньги – источник всех зол // Деньги – причина всех зол) – Бәлә башы бер аҡса.

Таким образом, большинство пословиц и притч в обоих языках идентичны по образу, лексическому составу и семантике. Считаем, что такие сравнительные анализы сыграют неоценимую роль в знакомстве с традициями и обычаями, национальной психологией, менталитетом, историей, географией и культурой азербайджанского и башкирского народов. И мы не должны забывать, что священный долг каждого из нас – передать оставшиеся в наследство от предков эти жемчужины грядущим поколениям, потому что это требование нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Надршина Ф.А.* Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. Уфа, 2008. 196 с.

2. *Аббасов А.К., Мамедов Х.Б., Пашаева П.И.* Азербайджанско-английский словарь паремиологических единиц. Баку, 2018. 344 с.

3. *Аббасов А.К., Мамедов Х.Б.* Азербайджанско-английско-русский словарь паремиологических единиц. Баку, 2013, 476 с.

4. *Гамидов И.* Азербайджанско-русский словарь пословиц и поговорок. Баку, 2009. 560 с.

REFERENCES

1. Nadrshina, F.A. *Russko-bashkirskiy slovar' poslovits-ekvivalentov* [Russian-Bashkir Dictionary of Proverbs-Equivalents]. Ufa, 2008. 196 p. (in Russ. and Bashkir).

2. Abbasov, A.K., Mammadov, Kh.B., *Pashayeva, P.I. Azerbaydzhansko-angliyskiy slovar' paremiologicheskikh yedinits* [Azerbaijan-English Dictionary of Paremio-logically Units]. Baku, 2018. 344 p. (in Azerbaijan and English).

3. Abbasov, A.K., Mammadov, Kh.B. *Azerbaydzhansko-angliysko-russkiy slovar' paremiologicheskikh yedinits* [Azerbaijani-English-Russian dictionary of paremiologically units]. Baku, 2019. 524 p. (in Azerbaijan, English and Russ.).

4. Hamidov, I. *Azerbaydzhansko-russkiy slovar' poslovits i pogovorok* [Azerbaijani-Russian dictionary of proverbs and sayings]. Baku, 2009. 560 p. (in Azerbaijan and Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-50-57
УДК 811.512.141’28

Л.К. Ишкильдина

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАРАИДЕЛЬСКОГО ГОВОРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В данной статье рассмотрена история изучения северо-западного диалекта башкирского языка, в частности, его караидельского говора. Первые сведения о диалектах и говорах башкирского языка и материалы по ним содержатся в работах исследователей XIX в. А.Г. Бессонова, В.В. Катаринского, Н.Ф. Катанова, М.А. Кулаева и др. В трудах А.Г. Бессонова и Н.Ф. Катанова впервые обращалось внимание на отличие языка башкир северо-западного региона от южных и восточных.

Целенаправленные экспедиционные исследования диалектов и говоров башкирского языка, в том числе языка северо-западных башкир, начались в 20–30-х годах прошлого века. Первые сведения и материалы по северо-западным говорам башкирского языка были в виде научных статей и отчетов по экспедициям.

В Научном архиве УФИЦ РАН хранятся отчеты по экспедициям в северо-западные районы Республики Башкортостан (за 1931–1937 гг., 1954 г.), составленные Т.Г. Баишевым. На основе этих экспедиционных материалов Т.Г. Баишев в своей монографии (1955) впервые обосновал наличие в башкирском языке трех диалектов. Говоры он разграничил по фонетическим показателям. Караидельский говор здесь отнесен к “наречию с” и частично к “наречию п-т”.

В дальнейшем, существование в башкирском языке третьего – северо-западного диалекта – было основательно доказано в фундаментальном труде С.Ф. Миржановой (1991). В данной монографии язык северо-западных башкир делится на следующие говоры: караидельский, таныпский, нижнебельско-ыкский, гайнинский.

Кроме вышеназванных работ, сведения по караидельскому говору содержатся в исследованиях Н.Х. Ишбулатова, Дж.Г. Киекбаева, Ф.Г. Хисамитдиновой, Р.З. Шакурова и др., архивных материалах, научных статьях, диалектологических словарях и диалектологическом атласе башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, караидельский говор, история изучения

Ишкильдина Линара Камиловна, *кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и далектологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа), e-mail: lina86_08@mail.ru*

Linara K. Ishkildina, *Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Applied Linguistics and Dialectology, Order of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: lina86_08@mail.ru*

© Ишкильдина Л.К., 2022

Linara K. Ishkildina

HISTORY OF STUDYING THE KARAIDELI SUBDIALECT OF THE NORTH-WESTERN DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE

Abstract

This article discusses the history of the study of the northwestern dialect of the Bashkir language, in particular its Karaidel subdialect. The first information about the dialects and dialects of the Bashkir language and materials on them are contained in the works of the 19th century researchers A.G. Bessonova, V.V. Katarinsky, N.F. Katanov, M.A. Kulaeva and others. In the works of A.G. Bessonov and N.F. Katanov, for the first time, attention was drawn to the difference between the language of the Bashkirs of the northwestern region from the southern and eastern ones.

Purposeful expeditionary studies of dialects and dialects of the Bashkir language, including the language of the northwestern Bashkirs, began in the 20–30s of the last century. The first information and materials on the northwestern dialects of the Bashkir language were in the form of scientific articles and reports on expeditions.

The Scientific Archive of the UFITs RAS stores reports on expeditions to the northwestern regions of the Republic of Bashkortostan (for 1931–1937, 1954), compiled by T.G. Baishev. Based on these expeditionary materials, T.G. Baishev in his monograph (1955) first substantiated the presence of three dialects in the Bashkir language. He distinguished dialects according to phonetic indicators. The Karaidel subdialect is referred here to the "adverb with" and partially to the "adverb n-t".

Later, the existence in the Bashkir language of the third – the northwestern dialect – was thoroughly proved in the fundamental work of S.F. Mirzhanova (1991). In this monograph, the language of the northwestern Bashkirs is divided into the following subdialects: Karaidel, Tanyp, Nizhnebel-Yk, Gaininsky.

In addition to the above works, information on the Karaidel subdialect is contained in the studies of N.Kh. Ishbulatova, J.G. Kiekbaeva, F.G. Khisamitdinova, R.Z. Shakurova and others, archival materials, scientific articles, dialectological dictionaries and dialectological atlas of the Bashkir language.

Key words: Bashkir language, dialect, Karaidel subdialect, study history

Изучение диалектов башкирского языка на сегодняшний день имеет вековую историю. Первичные сведения о башкирских диалектах и говорах находятся в работах исследователей XIX в. А.Г. Бессонова, В.В. Катаринского, Н.Ф. Катанова, М.А. Кулаева и др. В их общетюркологических трудах содержатся материалы, в которых отражаются отдельные диалектные данные башкирского языка. Одними из первых на северо-западные говоры башкирского языка и их отличие от южных и восточных говоров обратили внимание А.Г. Бессонов и Н.Ф. Катанов.

В работе А.Г. Бессонова (1881), посвященной описанию говоров казанско-татарского языка и ближайших к нему языков и наречий, говоры башкирского языка определяютя как наречия (наречия мензелинских, бирских, осинских (пермских), уфимских и оренбургских башкир). Он пишет, что казанско-татарский менее удалился от древнетюркского, чем наречие уфимских башкир [6, с. 235–236]. "В целом, А.Г. Бессонов правильно описывает говоры северо-западного и южного диалектных ареалов. Однако, поскольку он характеризует башкирские говоры с позиции татарского языка, допускает ошибочное толкование в отношении говоров южного диалекта, принимая некоторые особенности его (напр., афф. *-лар*, *-нар*) за татарские" [13, с. 11]. А.Г. Бессонов является так же автором «Букваря для башкир» (1907), материалом которому послужил разговорный язык северо-восточных и юго-восточных башкир. Кроме того, под его авторством вышли «Первая после букваря книжка для чтения и практические первые уроки для северо-восточных башкир» (1906) и «Первая после букваря книжка для чтения и практические первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир» (1908), что несомненно делает А.Г. Бессонова основоположником башкирской диалектологии по словам Дж.Г. Киекбаева.

Н.Ф. Катанов в 1897–1898 гг. совершил командировочные поездки в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии с целью изучения языка местного населения (башкир, мещеряков, тептярей, крещеных татар). В своих отчетах по данным поездкам Н.Ф. Катанов пишет, что в наречии башкир Уфимской губернии функционируют два говора: западный, сближающийся с наречием крещеных татар

и восточный, имеющий сходство с казахским языком [9]. Н.Ф. Катановым была составлена «Азбука для башкирского языка» (существующей в рукописном варианте) на основе кириллической графики с 33 буквами и отражающей орфоэпические нормы башкирского языка.

Начало систематического и системного изучения башкирских говоров и диалектов относится к 20–30-м гг. XX в.

С 1920 г. по заданию Башкирского обкома ВКП(б) начались исследования по определению национального состава населения Башкортостана, его этнографии, реализации родного языка в учебно-воспитательной работе и т.д. К сожалению, лингвисты того времени почти не оставили материалов по изучению диалектов башкирского языка. Некоторые следы их работы сохранились лишь в протоколах совещаний, посвященных выяснению особенностей разговорного языка [2, с. 32].

Первая фольклорно-лингвистическая экспедиция была организована в 1928 г. на средства и силы АН СССР под руководством Н.К. Дмитриева, при участии К.К. Юдахина, О. Шацкой, К.З. Ахмерова, З.Ш. Шакирова и др. Экспедициями, проводившимися в 1928–1929 гг., были охвачены юго-восточные (Тамьяно-Катайский кантон) и северо-восточные говоры. Результаты данной экспедиции были опубликованы Н.К. Дмитриевым в виде краткого отчета в «Бюллетене башкирского областного бюро краеведения» (1928, № 3).

По мере экспедиционных выездов в конце 20-х – начале 30-х гг. в печати стали появляться первые подробные данные об отдельных говорах и диалектах башкирского языка. В эти годы издаются статьи Г.Я. Давлетшина, где он выделает в башкирском языке шесть диалектов: куваканский, юрматинский, айлинский, сальютский, табынский и демский [7].

С 1928 по 1946 гг. было проведено 15 лингвистических экспедиций, из них 4 экспедиции по северо-западному диалекту. В экспедициях 1931, 1933 и 1934 гг. были обследованы следующие северо-западные районы: Аскинский, Караидельский, Янаульский, Туймазинский и другие районы, ныне относящиеся к южному и восточному диалектам: Альшеевский, Миякинский, Иглинский, Нуримановский, Учалинский и др. В первых экспедиционных выездах приняли участие Г.Г. Амантаев, Т.Г. Баишев, Г.Я. Давлетшин, К. Гирфанов, Г.И. Ишбулатов, Т. Кучуков, Р. Магазов, Г. Сиразетдинов, З.Ш. Шакиров и др. Результатом экспедиций явились научные отчеты, составленные в основном Т.Г. Баишевым: «Материалы диалектологических экспедиций в Нуримановский, Караидельский, Яланкатайский, Аргаяшский районы (1931–1934)», «Материалы диалектологических экспедиций (Язык рабочих Баймакского, Тубинского заводов и башкир Янаульского и Учалинского районов) (1933–1935 гг.)», «Язык башкир Киргиз-Миякинского, Нуримановского, Янаульского, Караидельского, Белорецкого районов (1933–1937 гг.)» [11; 12] и др. Для наших исследований являются особо ценными лингвистические данные 1934 г. по Караидельскому району [12] (в эти годы в его состав входил и Аскинский район).

В 1940 г. Башкирским научно-исследовательским институтом языка и литературы (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН) была организована II Всебашкирская лингвистическая конференция с участием проф. Н.К. Дмитриева. Там были заслушаны доклады Н.К. Дмитриева «О принципах составления научной грамматики башкирского языка», а также Т.Г. Баишева о разграничении говоров и диалектов башкирского языка. На конференции был выдвинут тезис о наличии в башкирском языке трех диалектов с входящими в них семи говорами.

В 1953 г. вопрос о наличии северо-западного диалекта был поднят снова на научном семинаре, проведенном Институтом истории, языка и литературы БФ АН СССР при участие проф. Н.К. Дмитриева. На этом семинаре было признано считать язык северо-западных башкир третьим диалектом башкирского языка и предложено начать углубленное научное исследование этого диалекта. Изучение северо-западного диалекта вошло в научно-исследовательский план Института на 1954–1955 гг.

В 1954 г. была организована экспедиция под руководством Т.Г. Баишева по исследованию говоров северо-западного региона республики. Эта экспедиция охватила Аскинский, Янаульский, Бураевский и Балтачевский районы. Данная экспедиция отличалась от экспедиций 30-х годов более углубленным изучением языка этого региона и бóльшим объемом собранного материала, особенно его лексического состава [3, с. 13]. Составленный Т.Г. Баишевым научный отчет данной экспедиции, который хранится в Научном архиве УФИЦ РАН, был издан 2008 г. Институтом истории, языка и литературы

УНЦ РАН (ныне УФИЦ РАН) под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В этом отчете подробно описаны фонетические, грамматические и лексические особенности говоров вышеперечисленных районов.

В 1955 г. Т.Г. Баишев на материале предыдущих экспедиций издает монографию «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку», где он проводит разграничение говоров по фонетическим и морфологическим показателям. Автор доказывает наличие трех диалектов в башкирском языке – восточного, южного и северо-запад-ного – с входящими в них говорами: наречие h-ç, наречие ç, наречие h, наречие ҙ-ç, наречие с, наречие ҙ, наречие п-т. Исследуемый нами караидельский говор, распространенный в Аскинском и Караидельском районах, был отнесен к "наречию с" и частично к "наречию п-т" [2, с. 43–44]. Ценность работы Т.Г. Баишева заключается также в том, что он составил первую диалектологическую карту башкирского языка.

В 1958 г. выходит объемная статья Дж.Г. Киекбаева «Башкирские диалекты и краткое введение в их историю», в которой ученый рассматривает в башкирском языке два диалекта – восточный (куваканский) и южный (юрматынский). Ученый выделяет следующие говоры в составе южного диалекта: икюшатырский (основной южный), средний, демско-караидельский, северо-западный, зиганский; в составе восточного: айско-яикский (основной восточный), сакмаро-кызылский, ханар-карабулакский. Дж.Г. Киекбаев язык башкир северо-западного региона не рассматривает как третий диалект, а включает его в виде отдельного говора в состав южного диалекта. Северо-западный говор, по его мнению, является промежуточным говором между башкирским и татарским языками [10, с. 27–81]. Караидельский говор вместе с дёмским, по классификации Дж.Г. Киекбаева, образует один говор. Ученый описывает морфологические и фонетические особенности северо-западных говоров. В особенности он отмечает в языке башкир Аскинского и Караидельского районов употребление фонетических сочетаний *-лт*, *-мт*, *-нт*, *-ңт*, *-мк*, *-нк*, *-ңк*, *-мк*, *-нк*, *-ңк*, сходных со средним говором.

При участии Т.Г. Баишева и на основе собранных материалов 30–50-х гг. прошлого века, в 1959 г. был подготовлен вопросник в целях углубленного изучения лексики башкирского языка «Башҡорт теле һөйләштәренең һүҙлек составын йыйыу өсөн һораулыҡ» (составители: Н.Х. Ишбулатов, З.К. Ишмухаметов, С.Ф. Миржанова, У.М. Яруллина). Этот вопросник способствовал сбору обширного материала по говорам и диалектам башкирского языка.

В 60-х гг. начинается систематическое изучение диалектов с помощью программы «Анкета для собирания материалов по говорам башкирского языка» (1961) (составители: Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Максютова, С.Ф. Миржанова) [1], составленной с учетом всех уровней языка (фонетики, морфологии, лексики).

В 1963–1966 гг. Институт истории, языка и литературы организует экспедиции по изучению южного диалекта. Руководителями в разные годы были Н.Х. Ишбулатов (1963), Н.Х. Максютова (1964, 1965, 1966). В маршрут экспедиции 1966 г. вошли также населенные пункты Аскинского и Караидельского районов, относящиеся по современной классификации к северо-западному диалекту.

В 1960–70-х гг. начинается также разработка диалектной лексикографии, результатом которой явилось издание словарей по трем диалектам башкирского языка: восточному (1967), южному (1970), западному (северо-западному) (1987) [4]. Над созданием этих словарей работали Н.Х. Максютова, Н.Х. Ишбулатов, С.Ф. Миржанова, М.И. Дильмухаметов, У.Ф. Надергулов, Р.Г. Азнагулов, С.Г. Гильманова. В 2002 г. на материале этого трехтомника выходит сводный «Диалектологический словарь башкирского языка». В вышеуказанных словарях фиксируется лексический материал со своими фонетическими особенностями по отдельным говорам башкирского языка, в том числе, и по караидельскому говору. Например: *абҙый*, *абҙыҡай* 'страший брат, дядя', *дигәнәк* 'лопух', *дикан* 'рогоз', *дораж/ дораш* 'шершень', *кебек* 'подобно, как', *сағҙаҡ* 'оса', *саҡау* 'косноязычный' и т.д.

В 70–80-х гг. башкирские диалектологи, наряду со сбором полевых материалов и изданием трехтомного диалектологического словаря, работают и над разработкой «Диалектологического атласа башкирского языка» (издан в 2005 г.) [8]. «Программа по сбору материалов для диалектологического атласа башкирского языка» (1973) была составлена Н.Х. Максютовой, она же была руководителем лингвогеографического изучения диалектов. По данной программе обследовано 400 населенных пунктов,

в том числе, по караидельскому говору более десяти башкирских сел и деревень.

Наряду с разработкой диалектологических словарей и атласа башкирского языка работы ведутся также по расшифровке диалектных материалов. Издается книга «Образцы башкирской разговорной речи» (1988) (составители: Н.Х. Максютова, С.Ф. Миржанова, Д.И. Дильмухаметов, У.Ф. Надергулов, С.Г. Гильманова, Г.Г. Гареева), в которой содержатся тексты и по северо-западному диалекту. К сожалению, там не зафиксированы образцы речи по караидельскому говору.

Накопленный диалектологический материал позволил сделать теоретические выводы по диалектам и их говорам башкирского языка. Эти исследования были защищены в виде кандидатских и докторских диссертаций: Н.Х. Ишбулатовым «Диалектная система башкирского языка в сравнительно-историческом освещении» (1974), Н.Х. Максютовой «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка» (1981), С.Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» (1984), Ф.Г. Хисамитдиновой «Консонантные сочетания башкирского языка типа сонорный + глухой смычный в историческом освещении» (1980). Монографические исследования по диалектам башкирского языка увидели свет ранее: Н.Х. Максютова «Восточный диалект башкирского языка» (1976), С.Ф. Миржанова «Южный диалект башкирского языка» (1979).

В кандидатской диссертации Ф.Г. Хисамитдиновой (1980) подробно рассматривается реликтовое фонетическое явление – консонантное сочетание типа «сонорный + глухой смычный» – характерное караидельскому, среднему говорам, и спорадически таныпскому, гайнинскому, среднеуральскому и другим говорам башкирского языка. Сочетание *лт*, *нт*, *рт*, *нк*, *ңк* выступает в караидельском говоре как в неразложимых (*хәрентәш* ‘младшая сестра’, *оңко* ‘ушко топора’, *ынтыр* ‘гумно’ и др.), так и в разложимых основах (*сымылтык* ‘полог’, *соңкы* ‘последний’, *бороңко* ‘древний’, *урамта* ‘на улице’, *мынта* ‘здесь’ и т.д.). Ф.Г. Хисамитдинова пишет, что сочетание “сонорный + глухой смычный”, характерное караидельскому говору, – одно из древнейших фонетических явлений башкирского языка, имеющих параллели в других тюркских языках, в древнебулгарском, в языке древних тюрков и древних уйгуров [17, с. 12].

С.Ф. Миржанова в своей монографии «Северо-западный диалект башкирского языка» (1991) на обширном диалектном материале основательно доказывает, что «язык северо-западных башкир в своей основе сохраняет единство с башкирским языком в целом и его контактирующими говорами и выступает неотъемлемой частью единого целого – башкирского народно-разговорного языка в качестве его самостоятельного северо-западного диалекта» [13, с. 287]. В данной монографии, исходя из территориально-языковых особенностей, язык северо-западных башкир делится на следующие говоры: караидельский, таныпский, нижнебельско-ыкский, гайнинский.

В своих первых работах по башкирской диалектологии Н.Х. Ишбулатов (1979, 1980) придерживается классификации Дж.Г. Киекбаева о двух диалектах башкирского языка. В составе южного диалекта выделяет: ик-сакмарский, демско-караидельский, промежуточный и средний. При этом демско-караидельский говор соответствует современному демскому говору. Язык башкир Аскинского и Караидельского районов рассматриваются вместе с другими северо-западными районами в составе промежуточного (*аралык һөйләш*) говора. После выхода в свет монографий по трем диалектам башкирского языка, Н.Х. Ишбулатов в своей работе «Башкирский язык и его диалекты» (2000) [8] приводит современную классификацию башкирских диалектов. Караидельский говор описывается в составе северо-западного диалекта башкирского языка соответственно классификации С.Ф. Миржановой (1991).

Материалы по караидельскому говору содержатся также в работах Р.З. Шакурова (2012, 2020) [18]. Новизной его работ является то, что автор в состав северо-западного диалекта кроме караидельского, таныпского, гайнинского и нижнебельско-ыкского говоров включает и среднеуральский говор, исследованный М.И. Дильмухаметовым.

Сотрудниками и магистрантами БашГУ в рамках Гранта Главы Республики Башкортостан 2020–2021 гг. было проведено фольклорно-лингвистическое исследование северо-западных районов республики. Результатом этих экспедиций явилось издание сборника материалов, в котором содержатся образцы речи и по караидельскому говору [5].

На современном этапе развития лингвистической науки можно сказать, что не одно иссле-

дование не может вестись без учета диалектных данных. Также и современные экспериментальные фонетические исследования башкирского языка базируются на изучении живой речи носителей того или иного говора. С 2010 г. Институтом истории, языка и литературы УФИЦ РАН совместно с Лабораторией экспериментальной фонетики Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) ведутся экспериментальные исследования говоров башкирского языка. Результатом сотрудничества явилось издание трех «Атласов» (2012, 2013, 2014; под авторством Н.С. Уртегешева, Ф.Г. Хисамитдиновой, Л.К. Ишкильдиной) по согласным звукам башкирского языка, третья часть которых посвящена северо-западному диалекту [14]. Указанными авторами был издан «Атлас» (2021) [15] и по гласным звукам башкирского языка, который также содержит материалы и по северо-западному диалекту. В атласах представлено детальное описание артикуляторных настроек звуков башкирского языка по соматическим данным, полученным методом МРТ (магнитно-резонансная томография).

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день проделана колосальная работа по изучению диалектной системы башкирского языка, в частности, его северо-западного диалекта. Однако современные требования реалий таковы, что необходимо точечно и досконально изучить современное состояние языка населенных пунктов с помощью современных методов и программ. По мнению Ф.Г. Хисамитдиновой, программа синхронного описания языка одного населенного пункта должна быть ориентирована на выявление максимально полного корпуса сведений о синтагматическом и парадигматическом аспектах выбранного фрагмента системы, например, фонетики, что даст возможность моделировать фонологическую или другую систему диалекта. При исследовании диалектной речи населенного пункта на всех уровнях языка необходимо отказаться от дифференциального метода, при которой обследование диалектов базируется на выявлении отличий от литературного языка. Изучение только отличий говора от литературного языка ведет к разрушению представлений о системной целостности диалекта [16, с. 9]. Синхронное изучение языка конкретных населенных пунктов позволит выявить целостную систему говора и диалекта в целом, а также позволит вести исследования в сравнительно-сопоставительном и историческом аспектах. Современный этап диалектологических исследований требует применения новейших методов, в особенности при изучении фонетической системы говора и диалекта (экспериментальные методы по изучению артикуляторных характеристик фонем, анализ речи с помощью акустических программ и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкета для собирания материалов по говорам башкирского языка / Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Максютова, С.Ф. Миржанова. Уфа, 1961. 56 с.

2. *Баишев Т.Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. 2-е изд. Стереотипное. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.

3. Башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалекты. 1954 йылғы диалектологик экспедиция отчеты. Өфө: Ғилем, 2008. 372 б.

4. Башҡорт теленең һөйләштәре һүзлеге: 3 томда. Өфө, 1967, 1970, 1987.

5. Башҡортостан Республикаһының төньяҡ-көнбайыш райондары буйынса диалектологик экспедиция материалдары / төҙ. Абдуллина Г.Р., Иҫәнғолова Г.А., Ҡарабаев М.И., Хөснөтдинова Р.Я. Өфө: Самрау, 2021. 415 б.

6. *Бессонов А.Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 216. С. 200–242.

7. *Давлетшин Ғ.Й.* Башҡорт телендә ләһжәләр // Башҡорт аймағы. 1928. № 6.

8. *Ишбулатов Н.Х.* Башҡорт теле һәм уның диалекттары. Өфө: Китап, 2000. 212 б.

9. *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 20 июля по 20 августа 1898 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Ученые Записки Императорского Казанского университета. Кн. 7–8. Казань, 1900. С. 1–30.

10. *Кейекбаев Ж.Ғ.* Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш // Ғилми яҙмалар. Башҡорт дәүләт университеты. Башҡорт филологияһы серияһы. III сығарылыш, № 2. Өфө, 1958. 27–81-се бб.

11. Научный архив УФИЦ РАН. Материалы диалектологических экспедиций (язык рабочих Баймакского, Тубинского заводов и башкир Янаульского и Учалинского районов (1933–1935). Ф. 3. Оп.2. Д. 14; Научный архив УФИЦ РАН. Язык башкир Киргиз-Миякинского, Нуримановского, Янаульского, Караидельского районов, язык рабочих г. Белорецка (1933–1937). Ф. 3. Оп. 2. Д. 13.

12. Научный архив УФИЦ РАН. Материалы диалектологических экспедиций в Нуримановский, Караидельский, Ялан-Катайский, Аргаяшский районы (1931–1934). Ф. 3. Оп. 2. Д. 4.

13. *Миржанова С.Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 2006. 296 с.

14. *Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. Уфа, 2014. 116 с.

15. *Уртегешев Н.С.*, *Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 298 с.

16. *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская диалектология: достижения прошлого и перспективы настоящего // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XI региональной конференции. Уфа, 2011. С. 4–11.

17. *Хисамитдинова Ф.Г.* История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа: Башк. пед.-т, 1989. 84 с.

18. *Шәкүров Р.* Башҡорт диалектологияһы: уҡыу ҡулланмаһы. 2-се баҫма. Өфө: Китап, 2020. 256 б.

REFERENCES

1. *Anketa dlya sobiraniya materialov po govoram bashkirskogo yazyka* [Questionnaire for collecting materials on dialects of the Bashkir language] / N.KH. Ishbulatov, N.KH. Maksyutova, S.F. Mirzhanova. Ufa, 1961. 56 p. (in Russ.).

2. Baishev, T.G. *Bashkirskiye dialekty v ikh otnoshenii k literaturnomu yazyku* [Bashkir dialects in their relation to the literary language]. Ufa: Gilem, 2006. 132 p. (in Russ.).

3. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka nauchnyy otchet dialektologicheskoy ekspeditsii 1954 goda* [Northwestern dialect Bashkir language scientific report dialectological expeditions of 1954]. Ufa, 2008. 372 p. (in Bashkir).

4. *Slovar' govorov bashkirskogo yazyka* [Dictionary of dialects of the Bashkir language]. In 3 volumes Ufa, 1967, 1970, 1987. (in Bashkir).

5. *Materialy dialektologicheskoy ekspeditsii po severo-zapadnym rayonam Respubliki Bashkortostan* [Materials of the dialectological expedition to the northwestern regions of the Republic of Bashkortostan] / Abdullina G.R., Isyangulova G.A., Karabaev M.I., Khusnutdinova R.Ya. Ufa: Samrau, 2021. 415 p. (in Bashkir).

6. Bessonov, A.G. *O govorakh kazanskogo tatarskogo narechiya i ob otnoshenii yego k blizhayshim k nemu narechiyam i yazykam* [About dialects of the Kazan Tatar dialect and about its relation to the dialects and languages closest to it]. In: Journal of the Ministry of Public Education. 1881. Part 216. P. 200–242. (in Russ.).

7. Davletshin, G.Y. *Govory v bashkirskom yazyke* [Dialects in the Bashkir language]. In: Bashkort aimagy. 1928. No. 6. (in Bashkir).

8. Ishbulatov, N.Kh. *Bashkirskiy yazyk i yego dialekty* [Bashkir language and its dialects]. Ufa: Kitap, 2000. 212 p. (in Bashkir).

9. Katanov, N.F. *Otchet o poyezdke, sovershennoy s 20 iyulya po 20 avgusta 1898 g. v Belebeyevskiy uyezd Ufimskoy gub* [Report on a trip made from July 20 to August 20, 1898 to the Belebeevsky district of the Ufa province]. In: Uchenye Zapiski of the Imperial Kazan University. Books 7–8. Kazan, 1900. P. 1–30. (in Russ.).

10. Kiyekbayev, Dzh.G. *Kratkoye vvedeniye v istoriyu bashkirskikh dialektov* [Brief introduction to the history of Bashkir dialects] // Uchenyye zapiski Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. Bashkir Philological Series. Issue III, No. 2. Ufa, 1958. 27–81 p. (in Bashkir).

11. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rosiyskoy akademii nauk* [Scientific Archive of the Ufa Scientific Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Materialy dialektologicheskikh ekspeditsiy (yazyk rabochikh Baymakskogo, Tubinskogo zavodov i bashkir Yanaul'skogo i Uchalinskogo rayonov (1933–1935) [Materials of dialectological expeditions (the language of the workers of the Baimaksky, Tubinsky factories and the Bashkirs of the Yanaul and Uchalinsky regions (1933–1935)]. Fond 3, opis 2, delo 14.; Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rosiyskoy akademii nauk [Scientific Archive of the Ufa Scientific Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. YAzyk bashkir Kirgiz-Miyakinskogo, Nurimanovskogo, Yanaul'skogo, Karaidel'skogo rayonov, yazyk rabochikh g. Beloretska (1933–1937) [The language of the Bashkirs of the Kirgiz-Miyakinsky, Nurimanov, Yanaul, Karaidel regions, the language of the workers of the city of Beloretsk (1933–1937)]. Fond 3, opis 2, delo 13. (in Russ.).

12. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rosiyskoy akademii nauk* [Scientific Archive of the Ufa Scientific Federal Research Center of the Russian Academy

of Sciences]. *Materialy dialektologicheskikh ekspeditsiy v Nurimanovskiy, Karaidel'skiy, Yalan-Katayskiy, Argayashskiy rayony (1931–1934)*. [Materials of dialectological expeditions to Nurimanov, Karaidel, Yalan-Katai, Argayash regions (1931-1934)]. Fond 3, opis 2, delo 4. (in Russ.).

13. Mirzhanova, S.F. S*evero-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Northwestern dialect of the Bashkir language]. Ufa, 2006. 296 p. (in Russ.).

14. Urtegeshev, N.S., Khisamitdinova, F.G., Ishkildina, L.K. *Atlas artikulyatornykh nastroyek soglasnykh severo-zapadnogo dialekta bashkirskogo yazyka* [Atlas of articulatory settings of consonants of the northwestern dialect of the Bashkir language]. Ufa, 2014. 116 p. (in Russ.).

15. Urtegeshev, N.S., Khisamitdinova, F.G., Ish-kildina, L.K. *Atlas artikulyatornykh nastroyek glasnykh bashkirskogo yazyka* [Atlas of articulatory settings of vowels of the Bashkir language]. Ufa, 2021. 298 p. (in Russ.).

16. Khisamitdinova, F.G. *Bashkirskaya dialektologiya: dostizheniya proshlogo i perspektivy nastoyashchego* [Bashkir dialectology: achievements of the past and prospects of the present]. In: Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. Materials of the XI regional conference. Ufa, 2011. P. 4–11. (in Russ.).

17. Khisamitdinova, F.G. *Istoriya bashkirskogo yazyka: Materialy po istoricheskoy fonetike* [History of the Bashkir language: Materials on historical phonetics]. Ufa, 1989. 84 p. (in Russ.).

18. Shakurov, R. *Bashkirskaya dialektologiya: uchebnoye posobiye* [Bashkir dialectology: textbook. 2nd edition]. Ufa: Kitap, 2020. 256 p. (in Bashkir).

ФОЛЬКЛОР

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-58-66
УДК 398.22:392

Г.Р. Хөсәйенова

АТТЫ ҺҮРӘТЛӘҮҘЕҢ ЭТНОПОЭТИК КОНСТАНТАЛАРЫ (БАШҠОРТ ЭПОСЫ МАТЕРИАЛЫНДА) (ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ ОПИСАНИЯ КОНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО ЭПОСА)*

Аннотация

Статья написана с применением теории “этнопоэтических констант” известного российского фольклориста члена-корр. РАН В.М. Гацака. На материале башкирского эпоса проанализирован ряд устойчивых поэтических характеристик крылатого мифического коня Акбузата. Исследование показало, что этнопоэтические константы, связанные с характеристикой коня – помощника героя, являются одним из ключевых слагаемых эпического повествования башкирского народа. Они отличаются константностью, в связи с чем они опознаваемы в эпическом тексте. Такие поэтико-стилевые единицы как “красота коня” “конское убранство”, “сила и мощь коня”, “поведение и движения”, “функция коня” устойчиво взаимосвязаны и помогают воссоздать образ богатырского коня эпического героя. Национальная специфика особенно ярко проявилась в развернутом “описании красоты коня” и “функциях коня”: создание тверди земной и привод на Урал других коней.

Ключевые слова: этнопоэтическая константа, формула, эпос, конь, мифический, повторяемость, устойчивость

Gulnur R. Khusainova

ETHNOPOETIC CONSTANTS OF THE DESCRIPTION OF A HORSE (ON THE MATERIAL OF THE BASHKIR EPIC)

Abstract

The article is written using the theory of “ethnopoetic constants” of the famous Russian folklorist member-correspondent. RAS V.M. Gatsak. Based on the material of the Bashkir epic, a number of stable poetic characteristics of the winged mythical horse Akbuzat are analyzed. The study showed that the ethnopoetic constants associated with the characteristics of the hero's helper horse are one of the key components of the epic narrative of the Bashkir people. They differ in constancy, in connection with which they are recognizable in the epic text. Such poetic and stylistic units as “beauty of the horse”, “horse decoration”, “strength and power of the horse”, “behavior and movements”, “function of the horse” are steadily interconnected and help to recreate the image of the heroic horse of the epic hero. The national specificity was clearly manifested especially in the detailed “description of the beauty of the horse” and “the functions of the horse”: the creation of the earth's firmament and the drive to the Urals of other horses.

* «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00940, https://rscf.ru/project/22-28-00940/»

Хусаинова Гульнур Равиловна, *доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа), e-mail: bashfolk@yandex.ru*

Gulnur R. Khusainova, *Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Department for Folklore Studies, the Order of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: bashfolk@yandex.ru*

© Хөсәйенова Г.Р., 2022

Key words: ethnopoetic constant, formula, epic, horse, mythical, repeatability

Башҡорт фольклор фәнендә Рәсәйҙең танылған ғалимы, фольклорсы, Рәсәй фәндәр академияһының ағза-корреспонденты В.М. Гацактың этнопоэтик константалар теорияһына һәм экспериментальметодикаһына ярашлы, донъя халыҡтары әкиәттәрендә ҡатын-ҡыҙ матурлығын һүрәтләгән формулаларҙы һәм әкиәттең ваҡыт арауығында ни дәрәжәлә тотороҡло һаҡланыуын 1990 йылдарҙың икенсе яртыһында ошо юлдар авторы өйрәнде [19]. Әлеге мәҡәләнең маҡсаты: башҡорт эпосындағы атты һүрәтләүгә бәйле формулаларҙы В.М. Гацактың “этнопоэтик константалар” теорияһына ярашлы анализлау [6]. Үҙе тәҡдим иткән һәм ғилми әйләнешкә индергән был терминға ул түбәндәге мәғәнәне һала: “это стилевые и сюжетно-повествовательные координаты изображаемого фольклорного мира” [6, с. 136]. В.М. Гацактың фекеренсә, әлеге термин фольклор әҫәренең бар тотороҡло үҙенсәлектәрен – типик образдарҙы, композицияһын, формулаларын – эсенә ала.

Башҡорт халҡы үҙенең атҡа булған йылы мөнәсәбәтен фольклорында асыҡ күрһәткән. Халҡыбыҙ ижадының эпосында ла, әкиәттәрендә лә, йырҙарында ла күп төрки-монгол халыҡтары тотем итеп һанаған ат образына арналған юғары художество кимәлдәге поэтик юлдар бихисап, уны өйрәнеүгә арналған хеҙмәттәр ҙә әленән әле донъя күреп тора. Шулар рәтендә А.Н. Кирәев [12, с. 93–94; 101, 109–114; 119–124], М.Х. Минһажетдинов [11, с. 62–63-се б.], Н.Т. Зарипов [8], М.М. Сәғитов [16, с. 113, 126, 159-се б.], Ф.А. Нәҙершина [15, с. 84–90], С.А. Галин [5, с. 19–22], А.Ф. Сөләймәнов [17, с. 209–225; 18, с. 71–87], А.Ф. Илембәтова, Ф.Ф. Илембәтов [10, с. 551–678] хеҙмәттәрен, Г.Р. Хөсәйеноваңың [20, с. 91–94], Р.Р. Зинурованың һ.б. мәҡәләләрен атап үтергә мөмкин; ҡайһыларында [17; 20] атты һүрәтләү тураһында ла һүҙ ыңғайы әйтеп кителгән.

Эпос геройының дуҫы һәм ярҙамсыһы булған атты һүрәтләүсе этнопоэтик константалар башҡорт эпосында ғына түгел, бүтән малсылыҡ менән шөғөлләнгән төрки-монгол халыҡтары ижадында ла ҙур урын алған. Әйтелгәндең сағыу миҫалы булып билдәле себер ғалимәһе Е.Н. Кузьминаның “Себер халыҡтары героик эпосының тотороҡло урындары күрһәткесе” исемле экспериментальхеҙмәтенең “Батырҙың аты” тигән бүлеге тора [13, с. 531–565].

Этнопоэтик константа тигәндән тәү сиратта ат образын асырға ярҙам иткән һүрәтләү саралары (эпитет, гипербола, сағыштырыуҙар) күҙ уңында тотола. В.М. Гацак яҙыуынса, “нигеҙҙә константа “формула” термины менән сиктәш йәғни йәнәшә тора” [7, с. 25].

Фольклорҙа халыҡсан поэтиканың тотороҡло элементтарының ҡабатланыу процесы константаларҙы типиклаштыра. Әйтәйек, башҡорт эпосында мифик ат толпарҙы һүрәтләгәндә ғәҙәттә уның матурлығын, көсөн, хәрәкәтен тасуирлаған формулалар була һәм улар бер әҫәр, жанр эсендә генә түгел, бер нисә жанрға ҡараған әҫәрҙәрҙә лә ҡабатланырға мөмкин йәғни улар типиклаша. “Урал-батыр” эпосында Аҡбуҙатҡа тәүге һәм сағыштырмаса тулы һүрәтләү Урал батырҙың буласаҡ ҡатыны Һомай теле менән бирелә:

Утҡа төшһә, янмаҫтай,
Һыуға төшһә, батмаҫтай
Ел дә ҡыуып етмәҫтәй,
Тауҙан-таштан өркмәҫтәй,
Ир-егеттән бүтәнде
Үҙенә тиң күрмәҫтәй,
Типһә, тау-таш сорғотоп,
Сапһа, диңгеҙ ярырҙай,
Ауырлыҡта-тарлыҡта
Һиңә юлдаш булырҙай,
Күктә тыуып, күктә үҫкән,
Ерҙә тоҡом йәймәгән,
Әзрәҡәнең дейеүе
Мең йыл ҡыуып тотмаған,
Әсәйемдән бирелгән,
Донъялағы йөрәгем –
Үҙем һөйгән егеткә
Бирә торған бүләгем –
Аҡбуҙ толпар [булыр ул].
[3, 78-се б.].

Өҫтә килтерелгән миҫалда аттың хужаһы, Ҡоштар батшаһы Самрау менән Ҡояш ҡыҙы Һомай, матур шиғри юлдар менән атының күктә тыуыуы һәм үҫеүе, йәғни күк аты булыуы; дейеүҙәрҙең мең йыл атты артынан ҡыуып та тота алмауы, атты уға буласаҡ иреңә бүләк итерһең тип әҫәһе биреүе тураһында һөйләй. Ул шулай уҡ аттың сыҙам, тоғро, көслө булыуына баҫым яһай.

Аттың яҡшы яҡтарын һанағанда ҡыҙ эпитеттар ярҙамында 'ауырлыҡта-тарлыҡта һиңә юлдаш булыр' тип, уның хужаһына тоғро буласағын әйтә, көсөн һәм ҡеүәтен һүрәтләгәндә 'утта янмай', 'һыуҙа батмай' ти, йәғни үлемһеҙ булыуын,'тояҡтары менән тау-таш аҡтара', 'күкрәге менән диңгеҙ һыуын яра' тип көс-ҡеүәтен, 'ел дә ҡыуып етә алмай' тип тиҙ сабыуын һүрәтләй. Шулай уҡ аттың ҡанатлы толпар йәғни күк аты булыуын әйтә. Билдәле башҡорт фольклорсыһы Салауат Галин да Аҡбуҙат образының бик боронғо замандарға барып тоташыуы һәм генетик яҡтан ҡарағанда, ул, асылда, төрки-монгол халыҡтарының фольклорында элек-электән киң таралған "күк аттары" культы менән бәйләнгән булыуы тураһында яҙған [5, с. 21].

Эпостағы тағы бер өҙөк иғтибарҙы йәлеп итә:

Күк күкерәп, шау килеп,
Ерҙә дауыл ҡуптарып,
Тау-таш, ҡая аҡтарып,
Бөтә йәнгә шом һалып;
Йондоҙ һымаҡ атылып,
Аҡбуҙ толпар атлығып,
Күктән килеп төшкән, ти.
[3, 92-се б.].

Миҫалдан күренеүенсә, Аҡбуҙаттың күктән атылып килеп төшкән мәлендә лә өҫтә атты һүрәтләгәндә ҡулланылған 'тау-таш, ҡая аҡтара' эпитеты ҡабатлана. Артабан кешеләрсә һөйләшә белгән Аҡбуҙаттың үҙенең көсө һәм ҡеүәте тураһында әйткән юлдар ҙа бар эпоста:

Мин сапҡанда – ел ҡубар,
Таш та ятып түҙалмаҫ,
Һыу тулҡынып, ҡайнашып,
Һыуҙа балыҡ йөҙәлмәҫ,
Ҡаф тауына типһәм мин,
Он-талҡандай ыуалыр,
[3, 92-се б.].

Был өҙөктә алдағы миҫалдарҙа осраған тотороҡло урындар тағы ҡабатлана: сапҡанда 'ел ҡубар', типһә 'тау ыуалыр'. "Аҡбуҙат" эпосында ла толпар һыу аҫтынан күтәрелгәндә 'ерҙә дауыл ҡуба', 'күл ярыла' йәғни типик күренеш күҙәтелә:

Күл шауҙатып, күл ярып,
Ерҙә дауыл ҡуптарып,
Аҡбуҙ сығар – мал ҡото.
[3, 141-се б.].

Йәки:

Аҡбуҙат ат сыҡҡан бит,
Ғәйрәт сәсеп, бахмаллап.
Күлде ярып елкенгән.
Уның ғәйрәт еленән
Урал тауы һелкенгән.
[3, 146-сы б.].

Шулай уҡ ат һыу аҫтынан сыҡҡанда ла 'күл ярыла', 'тау һелкенә'.

Урал батыр Аҡбуҙатҡа атланып дейеүҙәргә ҡаршы һуңғы яуға киткәндә тағы таныш формулалар ҡабатлана йәғни 'ерҙә дауыл ҡуба', 'һыуҙа тулҡын ҡайнай':

Үҙе Аҡбуҙын менгән,
Айбарланып, шау һалып,
Аҡбуҙатын дулатып,
Ерҙә дауыл ҡуптарып,
Һыуҙа тулҡын ҡайнатып,
Шүлгән күленә барған.
[3, 118–119-сы б.].

Традицияға ярашлы, күп халыҡтар фольклорында көслө мифик персонаж күренгәндә тәбиғәттә төрлө катаклизмалар күҙәтелә: күк күкрәй, йәшен йәшнәй, көслө дауыл сыға. Әйтерһең дә тәбиғәт бәлә килеүен йәки хәүеф янауын иҫкәртә.

Артабан да эпоста аттың өҫтә әйтеп кителгән сифаттары, уның формула булыуын раҫлағандай, ҡабат-ҡабат телгә алына. Мәҫәлән, үлемһеҙ ҡарттың Аҡбуҙатҡа ҡарата әйтелгән һүҙҙәре:

Утҡа ҡаршы ут булыр,
Һыуға ҡаршы һыу булыр,
Елгә ҡаршы тау булыр,
Яуға ҡаршы яу булыр,
Аҡбуҙатҡа атланып...
[3, 115-се б.].

Өҫтә килтерелгән миҫалдар буйынса, атты тасуирлауға бәйле этнопоэтик константаның тотороҡлоғо 'утҡа ҡаршы ут', 'һыуға ҡаршы һыу', 'яуға ҡаршы яу', ел ҡыуып етмәҫ', 'ерҙә дауыл ҡуптарыр', 'һыуҙа тулҡын ҡайнатыр', 'елгә ҡаршы тау булыр', үҙенең ғәйрәт еленән 'Урал тауын һелкеткән', типһә, 'Ҡаф тауы он-талҡандай ыуалыр' йәки 'тау-таш сорғотор' кеүек эпитеттарҙың ҡабатланыуы менән билдәләнә.

Башҡорт эпосында "атты ҡулға эйәләштереү" мотивы ла бар һәм ул да этнопоэтик константа

булып тора. “Аҡбуҙат” эпосында аттың хужаһы Һыу аҫты батшаһының ҡыҙы Нәркәс Һәүбәнгә нисек атты үҙенә эйәләштерергә өйрәтә:

– Был һарайҙа мин әйткән
Данлы толпар Буҙат бар;
Танау тартып ажғырыр,
Күҙенә текәп ҡарап тор;
Яҡын килеп сапсынһа,
Алдына барып баһып тор;
Тибәм тип, арт[ын] бирһә,
Янбашынан һөйөп тор;
Ҡолаҡ шымайтып ынтылһа,
“Ер батыры – мин!” –тип көл.
Шунан килер яныңа,
Һыртынан һыйпап һөйәрһең;
[3, 151-се б.].

Өҙөктән күренеүенсә, аттың 'танау тартып ажғырыр', 'яҡын килеп сапсыр', 'тибәм тип артын бирер', 'ҡолаҡ шымыйтып ынтылыр' кеүек сифаттары уның ҡырағайлығына, ҡулға эйәләштереүе еңел булмаясағына ишаралай. Тылсымлы ҡатынының кәңәштәре ярҙамында: 'күҙенә текәп ҡарап', 'адына барып баҫып', 'янбашынан, һыртынан һөйөп' герой атты үҙенә эйәләштерә. Аттың геройҙы хужаһы итеп таныуы ла башкорт эпосында поэтик юлдар менән бирелә:

– Егет, ерҙең батыры
Һәүбән батыр һин булһаң,
Йомро тояҡ йылҡыла
Аҡ толпары мин булам.
Ялым һиңә көс бирер,
Ҡылыс тотһаң ҡулыңда;
Ҡойроҡ ҡылым көйҙөрһәң,
Яныңа сабып килермен,
Ат булырмын яуыңда, – тигән.
[3, 152-се б.].

Ат батырға, икеһе бергә булғас, нисек ярҙам итәсәге тураһында һөйләй: 'ялым көс бирер', 'ҡылым көйҙөрһәң яныңа килеп етермен', ә яуҙа 'атың булырмын'. Йәғни ат ер батырына үҙенең толпар булыуын һәм уның менән яуға инергә әҙер булыуын белгертә. Ҡыл көйҙөрөп ат саҡырыу рәүеше күберәк әкиәт жанрына хас. Әммә ул башҡорт эпосында ла урын алған һәм шулай уҡ тотороҡло формулалар (этнопоэтик константа) иҫәбенә инә, йыш ҡабатлана:

Ҡойроҡ ҡылын көйҙөрһәң,
Ел-дауылһыҙ яныңда
Аҡбуҙатты күрерһең.
[3, 153-сө б.].

Тимәк,“был формула типиклашҡан” һәм эпоста ла, әкиәттәрҙә лә осрай.

Эпоста Аҡбуҙаттың ҡиәфәтен тасуирлаған юлдар ҙа сағыштырыуҙарға бай, оҫта тел менән бирелә:

Ялы аппаҡ ебәктәй,
Төҫө талғыр – буҙ ғына
Һигеҙ күҙҙән төҙ генә
Ҡайнап сыҡҡан тояҡты
Баһып тора беҙ генә!
Ҡамыш ҡолаҡ, баҡыр күҙ,
Бәбәге лә аҡ ҡына;
Мундаһы бейек, тар бөйөр,
Суртан тәнде, ныҡ ҡына;
Ҡарсыға морон, киң танау,
Ҡуш аҙауҙы, һоһа теш,
Осло эйәк, ас яңаҡ,
Ҡуш урайҙы – шу ғына.
[3, 140-сы б.].

“Урал батыр” эпосында ла Аҡбуҙатты һүрәтләгән юлдар бар:

Ҡолағын беҙҙәй ҡаҙаған,
Ялын ҡыҙҙай тараған;
Башкүнәктәй танаулы
Һарымһаҡтай аҙаулы;
Ҡарсыға түш, тар бөйөр,
Еңел, текә тояҡлы;
Ҡуян күҙле, баҡыр күҙ,
Ҡыҫыр йылан тамаҡлы;
Урайы ҡуш, яңағы ас,
Муйындары бер ҡолас,
Ҡыйғыр, бөркөт ҡабаҡлы;
[3, 92-се].

Аҡбуҙатты һүрәтләгән юлдар ике эпик әҫәрҙә лә ныҡ оҡшаш, тик айырым деталдәрҙә генә айырма бар: тәүгеһендә аттың ҡолаҡтары ике ҡамыш менән, ә икенсеһендә ҡаҙалған беҙ менән сағыштырыла, күҙҙәре, ялы, теше лә саҡ ҡына икенсе төрлөрәк һүрәтләнә. “Урал батыр” әкиәтендә атты һүрәтләгән юлдар шулай уҡ тап килә, тик унда тәүге ике юлдың, әҫәрҙең мәғәнәһенә ҡарап, өҫтәлеүе генә айырыла:

Башы йүгән күрмәгән,
Һыртына эйәр теймәгән,
[3, 129-сы б.].

Әкиәттә Урал-батыр ете юл сатында осраған бабай әйткән йылҡы өйөрөнә барып сыға һәм Аҡбуҙатты менә, тик ат уны ике мәртәбә күккә сөйә, егет беренсеһендә биленә, икенсеһендә тубығына тиклем ергә бата, ә өсөнсө менгәнендә ат уны өҫтөнән төшөрә алмай һәм Тереһыу яғына елдереп алып китә йәғни Урал батыр ҡырағай атты үҙенә буйһондора һәм атлы була. Өҫтә килтерелгән миҫалдағы ике юл аттың ҡырағай булыуына баҫым яһай ҙа инде.

Һәр өс осраҡта ла аттың иҫ киткес матурлығы һүрәтләнә.

Артабан бүтән халыҡтар эпосында ла формула булған ат егеү кәрәк-яраҡтарының биҙәлеше ("убранство коня") "Урал батыр" эпосында түбәндәге юлдарҙа һүрәтләнә:

Һыртына эйәр һалынған, ти,
Эйәренең башына
Алмас ҡылыс тағылған;
Эйәренең ҡашы алтын,
Йүгәненең башы алтын.
[3, 92-се б.].

Ә "Аҡбуҙат" эпосында ул икенсе төрлөрәк, хатта ентеклерәк һүрәтләнә:

Алтын-көмөш эйәрҙе,
Болғар тартҡы, айыллы,
Туҡымдары энйеле,
Тибенгеһе сәмсәле,
Болан тире таралғы,
Өҙәңгеһе көмөштән,
Эйәр ҡашы алтындан,
Семәрһәнгән аҡыҡтан;
Йылан ҡамсы ҡашында,
Ҡанъяғала ҡуржыны,
Ҡырпыуҙары сәхтиән
Күмелдерек түшендә,
Арт һанында – ҡойошҡан,
Ебәк сылбыр нуҡталы,
Ҡуш ауыҙҙыҡ йүгәнде,
(Теҙген ҡашҡа шаҡарған).
[3, 165-се б.].

Фольклор эстетикаһына ярашлы, матур, шәп, мифик аттың егеү кәрәк-яраҡтары ла матур һәм сифатлы итеп һүрәтләнә: 'эйәренең ҡашы алтын', 'йүгәненең башы алтын' ("Урал батыр" эпосында), 'алтын-көмөш эйәрҙе', 'Болғар тартҡы айыллы', 'туҡымдары энйеле', 'өҙәңгеһе көмөштән' һ.б. ("Аҡбуҙат" эпосында).

Артабан эпоста толпарҙың үҙен тотошо, хәрәкәттәрен һүрәтләүҙә сәсәндәрҙең оҫталығы хайран ҡалдыра:

Текә баҫып, баш ташлап,
Йылғыр атлап бышҡырыр;
Ҡолаҡтарын ҡайсылап,
Алан-йолан ҡаранып;
Алғыр бүре күҙендәй,
Күҙ бәбәген сылатып;
Ауыҙлыҡ сәйнәп, ярһыуҙан
Ауыҙҙарын күпсетер;
Елһә, ҡоштай елпенеп,
Артында саң уйнатып;
Осраған бер кешене
Хайран итер, уйлатып, –
Бына ошондай Аҡбуҙ у,
Күҙ күрмәгән ят буҙ у.
[3, 92–93-сө б.].

Сәсән шул тиклем яратып аттың һәр хәрәкәтен тасуирлай: 'текә баҫа', 'баш ташлай', 'йылғыр атлай', 'ҡолаҡтарын ҡайсылап', 'алан-йолан ҡарана', 'ҡоштай елә'. Ошоларҙы күрә белеү өҫтөнә оҫта итеп һүрәтләргә һүҙҙәр ҙә табыр өсөн нисек яратырға кәрәк малҡайҙы!

Башҡорт эпосында төп герой ярҙамсыһы аттың константа характерындағы тағы бер үҙенсәлеге – уның функцияһы ла – атты тасуирлаған "шәлкем"дең бер "төйөн"өн тәшкил итә. Мәҫәлән, беренсенән, мифик толпар ат үҙенең хужаһы Урал батыр менән ҡоро ер, тау барлыҡҡа килтерешә:

Аҡбуҙ һыуҙы йырған, ти,
Юлы ҡалҡып ҡалған, ти;
Урал барған юлдарҙан
Халыҡ эйәреп барған, ти.
Урал алға сапҡан, ти,
Аты диңгеҙ ярған, ти.
Аты барған урында
Һыу алмаҫлыҡ юл булып
Ҙур тау ҡалҡа барған, ти;
Һыу эсенән бар халыҡ
Шунда сыға барған, ти.
[3, 99-сы б.].

Ошо уҡ мәғлүмәтте “Аҡбуҙат” эпосында Тарауыл ҡарт та: “Аҡбуҙ толпар юлынан Урал тауы бар буған” [3, 143-сө б.], ҙур ҡош та раҫлай: “Урал батыр[ҙың] ат йөҙҙөрөп ки(л)гән юлында тау барҙыҡҡа килгән” [3, 174-се б.]. Өҫтәп шуны ла әйтергә кәрәк: башҡорт фольклорында ҡоро ер барлыҡҡа килеүе тураһында күп халыҡтарҙа билдәле сюжет та бар. Уның буйынса, ҡоро ерҙе һыу аҫтынан үләп, ләм ташып, ике өйрәк барлыҡҡа килтерә [1, 36-сы б.].

Икенсенән, Аҡбуҙат Урал батыр еренә йылҡылар алып килә:

Аҡбуҙат та ил гиҙеп,
Йылҡы тоҡомон йыйып,
Бар йылҡыға баш булып,
Барып алып килгән, ти.
Кешеләргә ылығып,
Менәренә ат булып,
Йылҡы ла түлләп киткән, ти.
[3, 123-сө б.].

Өсөнсөнән, толпар хужаһына ауыр хәлгә ҡалғанында кәңәш бирә: “Мин күлде ашанан-аша сабып сығырмын, һин алмас ҡылыс мән һелтәп, һыуҙы ярып уҙарһың. Беҙҙең үткән бер ерҙә күлде бүлгеләгән үткәүел барлыҡҡа килер. Батшаның күле ваҡланыр, шунан түҙмәй, батшаның ҡыҙы сығар. Унан нимә теләйһең, у(л) бар теләгәнеңде бирер. Тик, ҡара, ныҡ у(л)тыр, – тигән, ти [3, 166-сы б.].

Аттың хужаһына кәңәш биргәнде әкиәттәрҙә тағы ла йышыраҡ осратырға мөмкин.

Дүртенсенән, толпар хужаһына иш һайлай. Мәҫәлән, “Урал батыр” эпосында Һомай майҙан йыя һәм уны кәләш итеп алырға теләк белдергән Шүлгән менән Урал батыр араһынан береһен һайлау хоҡуғын атына биреп, былай ти:

Батырлығын һайлапмы,
Матурлығын һайлапмы,
Береһен үҙең алырһың,
Үҙеңә юлдаш ҡылырһың, –
Һиңә иптәш ир булыр,
Миңә һөйгән йәр булыр.

Аҡбуҙат иһә:

– Матур миңә дан бу(л)маҫ,
Өҫтөмдә йөрөр йән бу(л)маҫ,
[3, 129-сы б.]

тип ҡырт киҫкән һәм егеттәргә шартын әйткән:

Етмеш батман ауырлыҡ
Күтәреп күккә сөймәгән,
Өс бармағы осонда
Төшөрмәйсе тотмаған
Кеше – батыр ир булмаҫ,
Аны һелтәп сабалмаҫ,
Шундай батыр бумаһа,
Миңә юлдаш булалмаҫ,
Мин сапҡанда у(л) батыр
Миндә у(л)тырып түҙалмаҫ;
Батыр булам тигән ир,
Мине алам тигән ир
Көсөн шулай һыныһын,
Анан мине менәргә
Баҙнат итеп уйлаһын.
[3, 78-се б.].

Йәғни толпар ат үҙен менергә уйлаған ир-егеттең ныҡ көслө булырға тейешлеген төп шарт итеп ҡуя. Тимәк, Ҡоштар батшаһы Самрау менән күк ҡыҙы Ҡояштың Һомай исемле ҡыҙының ире лә тап шул сифатҡа эйә булырға тейеш, тик шул осраҡта ғына егет ҡыҙға тиң, иш була ала. Аҡбуҙат етмеш батман ташты күккә сөйөп, хәтһеҙ ваҡыттан һуң ергә төшөп килгәнендә һыңар ҡул менән тотоп Әзрәкә иленә ырғытҡас:

Буҙ ат килеп шунан һуң
Уралға баш эйгән, ти:
“Мин һинеке, батыр!” – тип,
Уға буйын биргән,ти.
[3, 95-се б.].

Йәғни Аҡбуҙат үҙенә тоғро дуҫ, хужабикәһенә лайыҡлы ир итеп Урал батырҙы һайлай.

“Аҡбуҙат”, “Заятүләк менән Һыуһылыу” эпосында ла Һыу аҫты батшаһы ҡыҙы менән бергә Аҡбуҙатын егеткә бирә.

Ҡабатланыусы миҫалдар үҙҙәренең формулаға ярашлығы менән “текстың мәғәнәүи төйөнөнөң терәген” барлыҡҡа килтерәләр. Йәғни “ат”тың тышҡы ҡиәфәтен, көсөн һәм ҡеүәтен, функцияларын һүрәтләгәндә йыш ҡабатланған тотороҡло формулаларҙан һәр береһенең “төйөнө” барлыҡҡа килә һәм улар геройҙың төп ярҙамсыһы һәм тоғро дуҫы Аҡбуҙатты тасуирлаған этнопоэтик константаларҙан торған “шәлкем” («пучок»– термин В.М. Гацака) булып берләшәләр.

Шулай итеп, геройҙың ярҙамсыһы булған атты тасуирлаусы этнопоэтик константалар башҡорт эпосында мөһим урын биләй. Эпос геройын йәки героиняһын тасуирлауға арналған юлдар аттыҡынан күпкә ҡайтыш тип әйтергә мөмкин. Өҫтә килтерелгән миҫалдар нигеҙҙә даими йәғни үҙгәрмәй торған формулалар һәм текста уларҙы аныҡлап була, улар таныулы. “Аттың матурлығы”, “атты егеү кәрәк-яраҡтарының биҙәлеше”, “аттың көсө һәм ҡеүәте”, “үҙен тотошо һәм хәрәкәттәре”, “аттың функциялары” кеүек поэтика һәм стиль берәмектәре эпик геройҙың аты образын күҙ алдына килтерергә булышлыҡ итәләр, шулай уҡ бында теорияның авторы В.М. Гацактың һүҙҙәре менән әйткәндә, “ике йәки унан да күберәк константалар араһында тотороҡло бәйләнеш” күҙәтелә, ә “күп составлы бер-береһенә тағылған константанталарҙың мозаикаһын текст барлыҡҡа килтереүҙең һәм уның ваҡыт арауығында йәшәп килеүенең төп үҙенсәлеге тип баһаларға мөмкин” [7, с. 62].

Башҡорт эпосынан алынған миҫалдарҙың тотороҡлоғо һәм ҡабатлана килеүе эпос традицияһының ғына түгел, халыҡтың донъяға ҡарашының да уртаҡлығын күрһәтә.

ӘҘӘБИӘТ

1. Башҡорт халыҡ ижады: 2-се том. Легендалар һәм риүәйәттәр / Төҙ. һәм баш һүҙ авт. Ф.А. Нәҙершина. Өфө, 1997. 440 б. (Башкирское народное творчество: т. 2. Легенды и предания / составитель и автор предисловия Ф.А. Надршина. Уфа, 1997. 440 с.).

2. Башҡорт халыҡ ижады. Әкиәттәр. / Төҙ. Н.Т. Зарипов менән М.Х. Минһажетдинов. Өфө, 1978. Өсөнсө китап. 352 б. (Башкирское народное творчество. Сказки. Составители Н.Т. Зарипов и М.Х. Мингажетдинов. Кн. 3. Уфа, 1978. 352 с.).

3. Башҡорт халыҡ ижады: 3-сө том. Эпос / Төҙ. Ә.М. Сөләймәнов, баш һүҙ авт. М.М. Сәғитов. Өфө: Китап, 1998. 448 бит. (Башкирское народное творчество. Т. 3. Эпос. Составитель А.М. Сулейманов, автор предисловия М.М. Сагитов. Уфа: Китап, 1998. 448 с.).

4. Башҡорт халыҡ ижады. 4-се том. Эпос / Төҙ., аңлатмалар биреүсе М. Сәғитов, Б. Байымов. Өфө: Китап, 1999. 400 бит. (Башкирское народное творчество. Т. 4. Эпос. Составители М. Сагитов, Б. Баимов. Уфа: Китап, 1999. 400 с.).

5. *Галин С.А.* Тарих һәм халыҡ поэзияһы. Өфө: “Китап”, 1996. 288 б. (Галин С.А. История и народная поэзия. Уфа: «Китап», 1996. 288 с.).

6. *Гацак В.М.* Устная эпическая традиция во времени / Отв. ред. А.В. Кудияров. М., 1989. 254 с.

7. *Гацак В.М.* Этнопоэтические константы северно-русских и белорусских плачей: опыт систематизации // Фольклор: традиция и эксперимент / Сост. В.М. Гацак. Отв. ред. В.Л. Кляус, Е.В. Миненок. М., 2018. С. 23–64.

8. *Зарипов Н.Т.* Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики: Сб. ст. Уфа, 1978. С. 3–19.

9. *Зинурова Р.Р.* Конь-помощник героя в башкирской богатырской сказке. От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Том 4. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. 2012. С. 79–84.

10. *Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф.* Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 704 с.

11. *Киреев А.Н.* Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа // Труды общественного научно-исследовательского института фольклористики при Башкирском государственном университете / под ред. А.Н. Киреева. Уфа: Изд. БашГУ, 1969. С. 5–20.

12. *Киреев А.Н.* Башкирский народный героический эпос / отв. ред. М.Г. Рахимкулов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1970. 304 с.

13. *Кузьмина Е.Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / отв. ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.

14. *Мингажетдинов М.Х.* Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 301–308.

15. *Нәҙершина Ф.А.* Халык хәтере. Өфө, 1986. 192 б. (Надршина Ф.А. Народная память. Уфа, 1986. 192 с.).

16. *Сагитов М.М.* Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Л.И. Нагаева. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 74–81.

17. *Сөләймәнов Ә.М.* Архаик эпостарҙа “атты ҡулға эйәләштереү” мотивы (Сулейманов А.М. Мотивы «приручения лошадей» в архаических

эпосах) // Башкирский фольклор: исследования и материалы. Уфа: Гилем, 2000. Вып. 4. С. 209–225.

18. *Сөләймәнов Ә.М.* Батырҙың ат һайлағаны, ат батырҙы һайлағаны (Сулейманов А.М. Выбор батыром коня, выбор конем батыра) // Башкирский фольклор: исследования и материалы. Уфа: Гилем, 2004. Вып. V. С. 71–87.

19. *Хусаинова Г.Р.* Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.; Наука, 2000. 247 с.

20. *Хусаинова Г.Р.* Башкирская волшебная сказка: поэтика и текстология. Уфа: Гилем, 2014. 216 с.

REFERENCES

1. *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo: legendy i predaniya* [Bashkir folk art:Legends and traditions]. Vol. 2. Compiler and author of the preface F.A. Nadrshina. Ufa, 1997. 440 p. (in Bashkir).

2. *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo. Skazki* [Bashkir folk art. Fairy tales]. Compiled by N.T. Zaripov and M.Kh. Mingazetdinov. Book. 3. Ufa, 1978. 352 p. (in Bashkir).

3. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Epos* [Bashkir folk art. Epos]. Vol. 3. Compiled by A.M. Suleimanov, author of the foreword by M.M. Sagitov. Ufa: Kitap, 1998. 448 p. (in Bashkir).

4. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Epos* [Bashkir folk art. Epos]. Vol. 4. Compiled by M. Sagitov, B. Baimov. Ufa: Kitap, 1999. 400 p. (in Bashkir).

5. Galin, S.A. *Istoriya i narodnaya poeziya* [History and folk poetry]. Ufa: "Kitap", 1996. 288 p. (in Bashkir).

6. Gacak, V.M. *Ustnaya epicheskaya tradiciya vo vremeni* [Oral epic tradition in time]. Managing editor A.V. Kudiyarov. Moscow, 1989. 254 p. (in Russ.).

7. Gacak, V.M. *Etnopoeticheskie konstanti severno-russkih i belorusskih plachei: opit sistematizacii* [Ethnopoetic constants of northern Russian and Belarusian laments: the experience of systematization]. In: Folklor: tradiciya i eksperiment [Folklore: tradition and experiment]. Comp. V.M. Gatsak. Rep. ed. V.L. Klyaus, E.V. Minenok. Moscow, 2018. P. 23–64. (in Russ.).

8. Zaripov, N.T. *Geroi bashkirskih bogatirskih skazok, ego vragi i pomosh'niki* [The hero of the Bashkir heroic tales, his enemies and helpers]. In: Voprosi bashkirskoi folkloristiki [Issues of Bashkir folklore]. Ufa, 1978. P. 3–19. (in Russ.).

9. Zinurova, R.R. *Kon'-pomosh'nik geroya v bashkirskoi bogatirskoi skazke. Ot kongressa k kongressu. Materiali Vtorogo Vserossiiskogo kongressa folkloristov. Sbornik dokladov* [Horse-assistant of the hero in the Bashkir heroic tale. From congress to congress. Materials of the Second All-Russian Congress of Folklorists. Collection of reports]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennii respublikanskii centr russkogo folklora, 2012. P. 79–84. (in Russ.).

10. Ilimbetova, A.F., Ilimbetov, F.F. *Kult zhivotnih v miforitualnoi tradicii bashkir* [The cult of ani-mals in the mythological and ritual tradition of the Bashkirs]. Ufa: Gilem, 2012. 704 p. (in Russ.).

11. Kireev, A.N. *Otrazhenie mifologicheskih vozzrenii v epicheskom tvorchestve bashkirskogo naroda* [Reflection of mythological views in the epic works of the Bashkir people]. In: *Trudy obshchestvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta fol'kloristiki pri Bashkirskom gosudarstvennom universitete* [Proceedings of the Public Research Institute of Folkloristics at the Bashkir State University]. Ed. by A.N. Kireev. Ufa: Ed. BashGU, 1969, pp. 5–20. (in Russ.).

12. Kireev, A.N. *Bashkirskiy narodnyy geroicheskiy epos* [Bashkir folk heroic epic]. Executive editor M.G. Rakhimkulov. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1970. 304 p. (in Russ.).

13. Kuz'mina, Ye.N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov). Eksperimental'noye izdaniye* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts). Experimental edition]. Executive editor N.A. Alekseev. Novosibirsk, 2005. 1382 p. (in Russ.).

14. Mingazhetdinov, M.H. *Etnogeneticheskie motivi v bashkirskih skazkah* [Ethnogenetic motifs in Bashkir fairy tales]. In: Arheologiya i etnografiya Bashkirii [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. IV. Ufa, 1971. P. 301–308. (in Russ.).

15. Nadrshina, F.A. *Narodnaya pamyat'* [People's memory]. Ufa, 1986. 192 p. (in Bashkir).

16. Sagitov, M.M. *Kul't zhivotnyh v bashkirskom fol'klore* [The cult of animals in the Bashkir folklore]. In: Issledovaniya po istoricheskoi etnografii Bashkirii [Studies in the historical ethnography of Bashkiria: Collection of scientific papers]. Managing editor R.G. Kuzeev, L.I. Nagaev. Ufa: BFAN SSSR, 1984, pp. 74–81. (in Russ.).

17. Suleymanov, A.M. *Motivy «priruchenia loshadey» v arkhaicheskikh eposakh)* [Motifs of "domestication of horses" in archaic epics)]. In: *Bashkirskii folklor: issledovaniya i materiali* [Bashkir folklore: research and materials]. Issue. 4. Ufa: Gilem, 2000. P. 209–225. (in Bashkir).

18. Suleymanov, A.M. *Vybor batyrom konya, vybor konem batyra* [The choice of a horse by a batyr, the choice of a batyr by a horse]. In: *Bashkirskiy fol'klor: issledovaniya i materialy* [Bashkir folklore: research and materials] Ufa:Gilem, 2004. Issue. V. P. 71–87. (in Russ.).

19. Husainova, G.R. *Poetika bashkirskih narodnih volshebnih skazok* [Poetics of Bashkir folk fairy tales]. M.; Nauka, 2000. 247 p. (in Russ.).

20. Husainova, G.R. *Bashkirskaya volshebnaya skazka: poetika i tekstologiya* [Bashkir fairy tale: poetics and textology]. Ufa: Gilem, 2014. 216 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-66-71
УДК 398.838 (=512145)

О.Н. Гуменюк

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛИРИКА. ПЕСНИ О ТАЙНЕ ЛЮБВИ

Аннотация

В песенном фольклоре крымских татар, как и многих других народов, любовной лирике принадлежит особое, даже превалирующее место. Здесь много песен печальной любви, но немало и таких, в которых явственно стремление к преодолению житейских невзгод, недоразумений и душевных тревог. Среди них можно выделить отдельный цикл фольклорных произведений, в которых речь идет о том, что сложности любовных отношений нередко усиливаются, когда в них вмешиваются посторонние или даже не совсем посторонние люди. Посему даже при проявлении самых пылких любовных чувств важно хранить тайну любви, не забывать об осторожности, чуткости, деликатности. К таким песням принадлежат фольклорные произведения, являющиеся основным объектом изучения в предлагаемой публикации, – «Не открывай же, милая, окна» и «Черная птица». Эмоциональная насыщенность, игра разнообразных интонационных оттенков, живописная метафорическая образность, изысканная звуковая и ритмическая организация, в частности, богатые точные рифмы – характерные черты поэтической речи рассматриваемых образцов крымскотатарской народной любовной лирики.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, любовная лирика, тематические мотивы, особенности поэтики

Ol'ga M. Gumenyuk

CRIMEAN TATAR FOLK LYRICS. THE SONGS ABOUT SECRET OF LOVE

Abstract

The article is written using the theory of “ethnopoetic constants” of the famous Russian folklorist member-correspondent. RAS V.M. Gatsak. Based on the material of the Bashkir epic, a number of stable poetic characteristics of the winged mythical horse Akbuzat are analyzed. The study showed that the ethnopoetic constants associated with the characteristics of the hero's helper horse are one of the key components of the epic narrative of the Bashkir people. They differ in constancy, in connection with which they are recognizable in the epic text. Such poetic and stylistic units as “beauty of the horse”, “horse decoration”, “strength and power of the horse”, “behavior and movements”,

Гуменюк Ольга Николаевна, *доктор филологических наук, профессор кафедры украинской филологии филологического факультета Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (Симферополь), e-mail: olvimy@gmail.com*

Ol'ga N. Gumenyuk, *Dr. Sci. (Philology), professor in Department of Ukrainian Philology, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol), e-mail: olvimy@gmail.com*

© Гуменюк О.Н., 2022

“function of the horse” are steadily interconnected and help to recreate the image of the heroic horse of the epic hero. The national specificity was clearly manifested especially in the detailed “description of the beauty of the horse” and “the functions of the horse”: the creation of the earth's firmament and the drive to the Urals of other horses.

Key words: Crimean Tatar folklore, love lyrics, thematic motifs, features of poetics

Как справедливо отмечают современные исследователи, инициированное выдающимся писателем и просветителем Исмаилом Гаспринским национально-культурное возрождение крымских татар конца XIX – первых десятилетий XX века было бы немыслимым без активного изучения традиционной народной культуры, особенно фольклора, имеющего важное значение для формирования и развития художественной литературы, иных духовных сфер [3; 7]. В этот период возникает крымскотатарская фольклористика нового времени. Среди первых исследователей, занявшихся письменной фиксацией и изучением песенного народного творчества крымских татар, выделяется фольклорист Алексей Олесницкий, издавший в 1910 г. под маркой московского Лазаревсвского института восточных языков объемный сборник «Песни крымских турок» [8]. В последующие годы появились сборники и студии иных фольклористов, о чем идет речь в некоторых предыдущих публикациях [4; 5]. Среди изданий, увидевших свет на рубеже XX–XXI вв., полнотой и основательностью отличаются сборники Ильяса Бахшыша [2] и Февзи Алиева [1]. Особо плодотворной является многолетняя фольклористическая деятельность Ягъя Шерфединова, чьи издания послужили основным источником предлагаемой публикации [9; 10; 11].

Фольклористы подчеркивают общественную и художественную значимость традиций песенного фольклора, его существенную роль в становлении и развитии различных сфер духовной культуры. Много внимания уделяется вопросам естественного для Крыма взаимодействия национальных культур, влияний на народную музыку и поэзию крымских татар песенного искусства других народов, влияний, отнюдь не нивелирующих, а подчеркивающих и усиливающих его самобытность. Но все же поэтика крымскотатарского песенного фольклора еще недостаточно изучена, не проанализированы тексты многих песен. В предлагаемой публикации детально рассматриваются две весьма характерные и популярные крымскотатарские народные песни, являющиеся образцами любовной лирики, – «Ачма да ярем пенджирейи» («Не открывай же, милая, окна») и «Къара къуш» («Черная птица»). Эти песни можно отнести к особому тематическому циклу произведений устно-поэтической любовной лирики, посвященных тайне, как часто далеко не второстепенному условию благополучных любовных отношений.

Любовная песня занимает превалирующее место в фольклорной лирике многих народов, в том числе и крымских татар. На это обращает внимание в предисловии к своему сборнику еще О. Олесницкий. Фольклорист систематизирует собранный им на крымском южнобережье материал и выделяет такие разделы: Ашыкъ тюркюлери (Лирические песни); Маскъара тюркюлери (Игривые песни); Салдат тюркюлери (Солдатские песни); Рус-япон дженки тюркюлери (Песни о русско-японской войне); Дестанлар (Дестаны); Муаджир тюркюлери (Переселенческие песни). «Лирические» песни – здесь это собственно песни любви, что подтверждает их тюркское обозначение (ашыкъ). Как отмечает исследователь, это группа «наиболее распространенная» в крымскотатарской народной поэзии. К этой группе принадлежат тридцать три фольклорных произведения из шестидесяти собранных образцов лирики, таким образом, иные (меньше половины) приходится на все остальные разделы, где также встречаются песни, в которых присутствуют любовные мотивы. По наблюдениям фольклориста, это песни преимущественно печального характера, в них воспевается «тоска влюбленного по своему предмету» [8, с. 9].

Наряду с песнями печальными, в крымскотатарском фольклоре немало песен, в которых утверждается вера в высокую силу любви,

вера в преодоление благодаря этой силе всяческих житейских сложностей, недоразумений и душевных тревог. Сложность любовных отношений, как подчеркивается не в одной песне, усиливается, когда в эти отношения вмешиваются посторонние люди, готовые из-за праздного любопытства или же злого умысла всячески помешать им. Поэтому любовь часто должна быть окутана таинственностью. Неслучайно лирический герой одной из весьма примечательных любовных песен крымскотатарского фольклора «Акъыз сени нерелерден излерим» («Где же, девушка, искать твои следы») обращается к любимой с такими словами: «Сенинъ гизлы сырларынъы гизлерим», что можно перевести как «Твои сокровенные тайны я таю» [6].

О таинственности любви, которую следует заботливо прятать от недобрых глаз, песня «Ачма да ярем пенджирейи» («Не открывай же, милая, окна»). Пришедший к дому избранницы сердца субъект лирического повествования мечтает о встрече с ней, но предпочитает во избежание неожиданных неприятностей не торопиться с этой встречей:

Ачма да ярем пенджирейи,
Эсмесин еллер.
Мени де санъа кельдигими,
Бильмесин эллер
(Не открывай же, милая, окна,
Дабы не задували ветры.
О том, что я к тебе пришёл,

[10, с. 90; здесь и далее построчный перевод автора статьи].

В форме монологического обращения к милой представляются и дальнейшие куплеты. В ярких образных сентенциях, несколько похожих на заклинания, определяется нежно-трепетное, самоотверженное отношение субъекта лирического повествования к той, за чьим окном он так пристально наблюдает:

Арабагъа мен минейим,
Ёл сенинъ олсын.
Зеэринъи мен ичейим,
Кейф сенинъ олсын.
Тикенлерни мен къокълайым,
Гуль сенинъ олсын.
Къараларны мен багълайым,
Ал сенинъ олсын
(На арбу я сяду,
А дорога пусть будет твоя.
Отраву я выпью,
А наслаждение пусть будет твоим,
Пусть я буду колючки вдыхать,
А ты – розы,
Пусть я в черное облачусь,
А ты в красное) [10, с. 90].

Далее вновь повторяется первый куплет, который, таким образом, как бы выполняет функцию своеобразного запева. Здесь изменяется только одна (третья) строчка, вследствие чего подчеркивается и настоятельность обращения героя к любимой, и определенная динамика, экспрессивность развития этого обращения. Ранее велась речь о том, что никто не должен знать о приходе лирического героя к милой, теперь отмечается, что никто не должен знать о любви к ней: «Меним севда олдыгъымы, / Бильмесин эллер» («О моей любви к тебе / Пусть не ведают чужие люди»).

В дальнейших двух куплетах, следующих после несколько измененного повторения запева, герой сокрушенно говорит о том, что его предостережения далеко не напрасны, что он уже успел почувствовать всю горечь людской недоброжелательности. Он в третий раз, как в заклинании, обращается к милой с просьбой не открывать окна и не накликать беду на отношения влюбленных:

Ачма да ярем пенджирейи,
Дёрт ёл арасы.
Юрегим тельче-тельче
Тиллер ярасы.
Къыналы пармакълары,
Не назик эллер.
Мен бу халкъкъа не этмишим,
Халкъ мени сёйлер
(Не открывай же, милая, окна,
Здесь четыре пути,
Сердце мое разбили
Колючие языки.
Пальцы украшены хной,
Какие же нежные руки.
Чем я людям провинился,
За что худая молва?) [10, с. 90].

Можно трактовать эти два последних куплета как ретроспективные, как подтверждение серьезности высказываемых предостережений. Но можно увидеть в этих строфах и черты дальнейшего развития угадывающегося в лирическом изложении фабульного сюжета – не удалось избежать скверных влияний, и хна на пальцах любимой тогда не просто традиционное свадебное украшение, а в общем невеселом контексте признак того, что девушка выходит замуж за другого... В этой неопределенности, недосказанности заключается особая прелесть песни.

Характерные для поэтической речи этого фольклорного произведения взволнованные переливы настроения подчеркиваются рифмовкой. Нетрудно заметить, что отдаленные и приблизительные рифмы первой и третьей строк каждой строфы сменяются преимущественно сложными, всегда богатыми и точными рифмами второй и четвертой строк.

Песня «Ачма да ярем пенджирейи» («Не открывай же, милая, окна») лирически проникновенная, исполненная элегического настроения. Вместе с тем здесь довольно выразительна твердая решимость, проявляющаяся, в частности, в настоятельности обращений к любимой. Эти обращения по своему характеру в чем-то близки к такому своеобразному и древнему фольклорному жанру как заклинание.

О таинственности любовных отношений, о важности в поведении влюбленных таких черт как осторожность, внимательность, деликатность песня «Къара къуш» («Черная птица»). Здесь эмоциональная гамма не столь сложная, как в песне «Ачма да ярем пенджирейи», но не менее динамичная. В лирическом изложении варьируется и нарастает чувство любовной страсти, юношеского задора. Но при всей эмоциональной взволнованности, как подчеркивается в песне, отнюдь не стоит терять бдительности. С помощью таких живописных образов как ночь, окно, луна, тучи вырисовывается динамичная и красноречивая лирическая картина.

Заявленный в первом куплете образ черной птицы, широко расправляющей, простирающей крылья, спускаясь на деревья, можно воспринимать и как аллегорию ночи, и как созвучный этой аллегории символ тайной любви:

Къара къуш минер терекке
Къанатын джаяр эрекке.
Сен чакъырдынъ, мен кельдим
Он эки турлю емекке
(Черная птица спустилась на ветви,
Крылья широко распростерла.
Ты звала, я пришел
На двенадцать разных блюд) [10, с . 94].

Далее наш герой ласково и не без искорок юмора повествует о том, как он подкрадывается в лунную ночь к окну милой и длинным прутом (чубуком) дает о себе знать, притом не решается войти без разрешения. Не решается также или даже преимущественно потому, что пока еще месяц ясно светит, следовательно, нужно опасаться злых языков. В конце концов, пылко влюбленный неспроста дважды повторяет, что когда месяц зайдет за облака, то он непременно войдет, не останется стоять на месте, даже если его смог бы кто-то привязать:

Ай ярыкъ геджесинде
Бардым пенджересине.
Узун чубукъ узаттым
Мен назлымны уяттым.
Чакъырмасанъ, мен бармам,
Мусафиринъ болалмам.
Ай булуткъа кирген сонъ,
Багъласалар – туралмам.
Ай ярыкъта баралмам,
Тильге дестан болалмам.
Ай булуткъа кирген сонъ
Багъласалар – туралмам
(В ясную лунную ночь
Я подошел к твоему окну.
Длинный прутик протянул,
Свою милую разбудил.
Не пригласят – не войду,
Гостем твоим не буду.
А только месяц зайдет за тучи,
Хоть бы и привязали, не удержусь.
В сиянии лунном не смогу войти,
Чтобы языкам было нечего плести.
А лишь месяц зайдет за тучи,
Хоть бы и привязали, не удержусь)
[10, с . 94].

Образная яркость, даже графичность этого своеобразного фольклорного произведения погружает нас в житейскую атмосферу, исполненную особого очарования. Взволнованность и изысканность интонаций подчеркивает четкий бодрый ритм, гармонически сочетающийся с точными рифмами, которые подаются преимущественно способом, наиболее распространенным в восточной поэтической форме рубаи: aaba. Только во втором куплете подача рифм несколько изменяется, здесь присутствуют парные рифмы: aabb. Это несколько усиливают отмеченную выше образно-интонационную динамику. Поэтической речи песни присущи колоритные фразеологизмы, красноречивые повторы. Все это созвучно пылкому рвению героя, его уверенности в непременном достижении заветной цели при условии соблюдения надлежащей чуткости и осторожности.

О необходимости защищать любовь от посторонних глаз и языков, чутко беречь связанные с ней тайны повествуют также такие крымскотатарские народные песни как «Чыкъып да юксеклерден бакъма» («Не смотри так свысока») [10, с. 148–149], «Севдим сени» («Полюбил я тебя») [10, с. 146–147] и другие. Характерный припев песни «Севдим сени»: «Северим, яр, кимселер бильмез, / Северим, кимселер севмез» («Люблю, милая, но никто не знает, / Люблю, но никто и не догадывается»).

Во многих крымскотатарских любовных песнях ключевым является слово «сыр» («тайна, секрет») либо «гизли» («тайный»). В некоторых, как, например, в песне «Акъыз сени нерелерден излерим» («Где же, девушка, искать твои следы»), даже фигурирует такое выражение как «гизли сырлар» («тайные секреты»). В этих песнях речь идет о том, что сложность любовных взаимоотношений непременно усиливается, когда в них вмешиваются посторонние или даже не совсем посторонние люди, которые могут легко завистливыми глазами либо злыми языками эти взаимоотношения разрушить. О необходимости влюбленному даже при самом пылком проявлении своих чувств не забывать об осторожности, чуткости, деликатности идет речь в таких рассмотренных выше характерных образцах крымскотатарского песенного фольклора как «Ачма да ярем пенджирейи» («Не открывай, любимая, окна) и «Къара къуш» («Черная птица»). При этом существенный мотив этих песен – очарование любимой и надежды на ее благосклонность, самоотверженность нежно влюбленного («Отраву я выпью, / Наслаждение пусть будет твоим»), уверенность в том, что верная любовь непременно преодолеет всяческие недоразумения и тревоги, необходимость отстаивать свою любовь, бороться за нее. Характерные черты поэтической речи этих фольклорных произведений – эмоциональная насыщенность, игра разнообразных интонационных оттенков, живописная метафорическая образность, изысканная звуковая и ритмическая организация, в частности, богатые точные рифмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алиев Ф.* Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы (Антология крымской народной музыки). Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. 600 с.

2. *Бахшыш Ил.* Къырымтатар халкъ йырлары (Крамскотатарские народные песни). Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2004. 384 с.

3. *Гуменюк В.И.* Крымскотатарская песня как фольклорный жанр: поэтические и музыкальные традиции // Крымскотатарский песенный фольклор: традиции и современность: сборник научных трудов. Симферополь: Ариал, 2021. С. 5–10.

4. *Гуменюк О.* Изучение крымскотатарской народной песни во времена первого возрождения национальной культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2009. Т. 22 (61). № 3. С. 122–131.

5. *Гуменюк О.* Крымскотатарская народная песня в исследованиях композитора и фольклориста Ягъя Шерфединова // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. Выпуск 10. С. 75–79.

6. *Гуменюк О.* Особенности поэтической речи крымскотатарской народной песни «Акъыз сени нерелерден излерим» («Где же, девушка, искать твои следы») // Филологический аспект: международный научно-практический журнал (Нижний Новгород). 2017. № 9 (29). С. 91–96.

7. *Керимов И.* Исмаил Гаспринский узеринде базы фикир ве левхалар // Труды НИЦ крымскота-

тарского языка и литературы КИПУ. Т. 1 / сост. Т.Н. Киримов. Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. С. 380–385.

8. *Олесницкий А.* Песни крымских турок: текст, перевод и музыка // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Выпуск 32. М., 1910. 85 с.

9. *Шерфединов Я.* Песни и танцы крымских татар. Симферополь: Крымское гос. изд-во; Москва: Гос. муз. изд-во, 1931. 94 с.

10. *Шерфединов Я.* Янърай къайтарма (Звучит кайтарма). Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. 232 с.

11. *Шерфединов Я.* Янъра къайтарма (Звучи, хайтарма). Ташкент: Г. Гъулям адына эдебиет ве санъат нешрияты, 1990. 230 с.

REFERENCES

1. Aliev, F.M. *Antologiya krymskoi narodnoi muzyki* [Anthology of Crimean folk music]. Simferopol: Krymskoe Uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 2001. 600 p. (in Russ. and Crimean Tatar).

2. Bakhshysh, I. *Kyrymtatar halk yirlary* [Crimean Tatars folk songs]. Simferopol: Kyrym devlet okuv-pedagogika neshriyaty, 2004. 384 p. (in Crimean Tatar).

3. Gumenyuk, V.I. *Krymskotatarskaya pesnia kak folklornyi zhanr: poeticheskie i muzykal'nye traditzyi* [Crimean Tatar folk song as folk genre: poetry and musical traditions]. In: *Krymskotatarskiy pesennyi folklor: Traditsii i sovremennost': sbornik nauchnykh truduv* [Crimean Tatar song folklore: traditions and modernity: collection of the scientific works]. Simferopol: Arial Publ., 2021. P. 5–11. (in Russ.).

4. Gumenyuk, O. *Izuchenie krymskotatarskoy narodnoy pesni vo vremena pervogo vozrozhdeniya natsyonalnoy kul'tury* [The Studies of Crimean Tatar folk song in the period of the first revival of national culture]. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsyonal'nogo universiteta imeni Vol. I. Vernadskogo. Filologia. Sotsyal'nye kommunikatsyi [Scientific notes of V. I. Vernadskiy Crimean national university. Philology. Social communications]. 2009. Vol. 22 (61). No 3. P. 122–131. (in Russ.).

5. Gumenyuk, O. *Krymskotatarskaya narodnaya pesnia v issledovaniyakh kompozitora i folklorista Yahya Sherfedinova* [Crimean Tatar Folk song in the researches by composer and folklorist Yahya Sherfedinov]. In: *Voprosy Krymskotatarskoi filologii, istorii i kul'tury* [The questions of Crimean Tatar philology, culture and history]. 2020, Issue 10. P. 75–79. (in Russ.).

6. Gumenyuk, O. *Osobennosti poeticheskoy rechi krymskotatarskoy narodnoy pesni "Akyz seni nerelerden izlerim" ("Gde zhe, devushka, iskat' tvoi sledy")* [Te peculiarities of poetic language by Crimean Tatar folk song "Akyz seni nerelerden izlerim" ("O girl, where I can find your trips")]. Filolodicheskiy aspekt [Philological Aspect]. 2017. No 9 (29). P. 91–96. (in Russ.).

7. Kerimov, I. A. *Ismail Gasprinski uzerinde bazy fikir ve levkhalar* [About some thoughts and ideas of Ismail Gasprinski]. In: *Trudy NII Krymskotatarskogo yazyka i literatury* [Works by Research institute of Crimean Tatar language and literature]. Vol. 1. Simferopol: Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 2011. P. 380–385. (in Crimean Tatar).

8. Olesnitski, A. *Piesni krymskikh turok* [Songs of Crimean Turks]. Moscow: Lazariev Institute of Orient Languages Publ., 1910. 85 pp. (in Russ. and Crimean Tatar).

9. Sherfedinov, Ya. *Pesni i tantsy krymskikh tatar* [Songs and dances by Crimean Tatars]. Simferopol: Krymskoye Gosudarstvennoe Izdatel'stvo; Moscow: Gosudarstvennoe Muzykal'noye Izdatel'stvo, 1931, 94 p. (in Russ. and Crimean Tatar).

10. Sherfedinov, Ya. *Zvuchit kaytarma* [Kaytarma rings]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guliama, 1979, 232 p. (in Russ. and Crimean Tatar).

11. Sherfedinov, Ya. *Zvuchi, kaytarma* [Ring, kaytarma] Tashkent: Gafur Guliam adyna Edebiet ve Sanat Neshriyaty, 1990. 230 p. (in Russ. and Crimean Tatar).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-72-78
УДК 1:316; 398 (470.57)

Даутова Р.А.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК БАШКИР ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 1963 И 2019 Г.) *

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному изучению пословиц и поговорок башкир Пермского края. Рассмотрев идейно-тематический диапазон народных изречений экспедиций 1963 и 2019 гг., было отмечено, что пословицы и поговорки находятся в постоянном развитии, в них запечатлены отзвуки истории народа с древнейших времен по настоящее время. Как и другие жанры башкирского народного творчества, продолжающие свое бытование, некоторые образцы паремических жанров в современной жизни утрачивают старые мотивы, обретают новые свойства, переосмысливаются. Проанализировав поэтику паремий, автором было отмечено, что своего высокого художественного совершенства они достигли с помощью ярких сравнений, параллелизмов, антонимов, антитез, эпитетов, метафор, гипербол и других художественно-изобразительных средств. Богатая образная система, своеобразные поэтические приемы – все это берется из окружающего быта, в чем проявляется оригинальность пословиц и поговорок башкирского народа. Результаты исследования показали, что пословицы и поговорки служат одним из важнейших источников изучения фольклорной картины мира, а в пополнении духовных ценностей народа достаточно огромную роль играют фольклорные экспедиции.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, башкирский фольклор, паремическое наследие, фольклорные экспедиции, поэтика

Roza A. Dautova

COMPARATIVE STUDY OF PROVERBS AND SAYINGS OF BASHKIRS OF THE PERM REGION: (BASED ON THE MATERIALS OF THE 1963 AND 2019 EXPEDITIONS)

Abstract

The article is devoted to the comparative study of proverbs and sayings of Bashkirs of the Perm region. Having considered the ideological and thematic range of folk sayings of the expeditions of 1963 and 2019, it was noted that proverbs and sayings are in constant development, they capture echoes of the history of the people from ancient times to the present period. Like other genres of Bashkir folk art, paremic genres in modern life lose outdated motifs, acquire new properties, and are reinterpreted. After analyzing the poetics of the paremias, the author noted that they achieved their high artistic perfection with the help of vivid comparisons, parallellisms, antonyms, synonyms, antitheses, epithets, metaphors, hyperboles and other artistic and visual means. A rich imaginative system, peculiar poetic techniques – all this is taken from the surrounding life, which shows the originality of the proverbs and sayings of the Bashkir people. The results of the study showed that proverbs and sayings serve as one of the most important sources of studying the folklore picture of the world, and folklore expeditions play a rather huge role in replenishing the spiritual values of the people.

Key words: proverbs and sayings, Bashkir folklore, karmic heritage, folklore expeditions, poetics

* «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00940, https://rscf.ru/project/22-28-00940/»

Даутова Роза Ахметовна, *кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа), e-mail: rozochka.timerbaeva@mail.ru*

Roza A. Dautova, *Cand. Sci. (Philology), research associate of the Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Scientific Centre Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: rozochka.timerbaeva@mail.ru*

© Даутова Р.А., 2022

Пословицы и поговорки относятся к малым жанрам народного творчества и отражают мировоззренческие установки, нравственно-этические устои, эстетические ценности и предпочтения народа. Специфика этих жанров заключена в особом поэтическом строе и связана с актуализацией этнокультурной информации, поэтому паремии служат одним из важнейших источников изучения фольклорной картины мира [7, с. 11].

Сотрудниками Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН наряду с регулярно проводимыми фольклорными экспедициями в районы Республики Башкортостан, периодически осуществляются полевые исследования в Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Саратовской областях, Пермском крае.

В 1963 г. под руководством ученого-фольклориста, писателя А.Н. Киреева состоялась фольклорная экспедиция к гайнинским башкирам. Участники экспедиции – С.А. Галин, Ф.А. Надршина, А. Вахитов и Н.Д. Шункаров обследовали 15 деревень с башкирским населением Бардымского, Чернушинского районов Пермского края РФ (Удик (Елпачиха), Кугия, Кудымьяр, Кайын, Бакса, Барда, Кызыльяр, Аржын, Аклыш, Конгук, Сарыш, Султанай, Башаптус, Танып).

В предисловии к материалам экспедиции отмечается, что в нем широко представлены все жанры башкирского фольклора – сказки, песни, частушки, обрядовый фольклор, пословицы и поговорки, баиты, мунажаты и другие [5, с. 5].

Последующие комплексные экспедиции в Пермский край были организованы в 2006, 2013 и 2019 гг., в которых принимали участие не только фольклористы, но и языковеды и этнографы. Участники экспедиций с сожалением отмечают, что анализ собранного материала показывает значительное обеднение и сокращение жанрового состава фольклора. Ряд традиционных форм фольклора разрушается и постепенно уходит в историю: почти прекратили существование эпические жанры, постепенно угасает устная традиция бытования сказки. Эпические тексты, сказки записаны из уст информантов в фрагментарном виде, в форме пересказа, особенно в последнее время [10, с. 158; 11, с. 471–473, 475].

Среди собранных экспедиционных материалов особое внимание привлекают паремические жанры башкирского фольклора. Если участниками экспедиции 1963 г. было записано 185 единиц пословиц и поговорок, то в 2019 г. – больше пятиста. Поразительная разница в количестве и объеме материала башкирских паремий в условиях спада активности бытования фольклора объясняется тем, что в деревне Сараш была обнаружена тетрадь с пословицами у М.С. Масагутовой (1941 г.р.) [4, с. 149].

Пословицу характеризует реалистическое отношение к действительности. Она всегда выделяет типичные явления, оценивает и обобщает. В каждой пословице выражена истина, которая многократно проверена наблюдениями и опытом многих поколений. Поэтому пословичный материал в целом может служить достоверным источником изучения жизни народа и позволяет судить о том, как и почему народные трудовые массы осуждали или высоко оценивали то или иное общественное явление [1, с. 9].

Пословицы и поговорки – жанр, который находится в постоянном развитии. Как отмечает башкирский ученый-фольклорист Ф.А. Надршина: «Как и все остальные жанры народного творчества, пословицы и поговорки, передаваясь из поколения в поколение, в конкретных социально-исторических условиях подвергаются изменениям. Каждое новое поколение вносит свою “долю” пословиц, которую рассматривают как светлые заветы предков, они изменяют, приспосабливая к своей окружающей действительности; добавляют пословицы, отражающие общественные отношения [6, с. 6]. Каждое поколение вносит новые заключения, вытекающие из жизненного опыта своего времени.

Перейдя к рассмотрению пословичного фольклора пермских башкир по материалам экспедиций 1963 г., в первую очередь, следует обратить внимание на идейно-тематический диапазон народных изречений, так как в них запечатлены отзвуки истории народа с древнейших времен по настоящий период.

С давних времен важным фактором, с которым тесно связана человеческая жизнь, является труд. В пословично-поговорочном репертуаре экспедиции 1963 г. тема труда занимает

центральное место. В таких пословицах как, “Белгән эшләр, белмәгән беләген тешләр” (“Умный будет работать, неуч – кусать локти”*†), “Иренгән ике эшләр” (“Ленивый работает дважды”*), “Элек уйла, унан һуң эшлә” (“Сначала думай, а потом делай”*), “Эшләгән үлмәҫ, эшләмәгән көн күрмәҫ” (“Работяга не умрет, бездельник не выживет”*), “Ялҡауҙың байлығы бер айлыҡ” (“У лентяя богатство на месяц”*), “Беләге көслө берҙе йығыр, белеме көслө меңде йығыр” (“Руками победишь одного, а умом – тысячи”) [8, с. 112], “Эшләһәң аш тәмле була” (“Если работаешь, то и еда вкусная”*), “Башыңда белем булмаһа, аяғыңа ауырлыҡ килер” (“Дурная голова ногам покоя не дает”) [8, с. 40], “Белгәнгә яҡты, белмәгәнгә ҡараңғы” (“Ученье – свет, неученье – тьма”) [8, с. 135], “Эшһеҙ кеше – аҡмаҫ һыу” (“Человек без работы как вода, которая не течет”*) – труд предстает как общечеловеческая практическая ценность.

В материалах экспедиции 2019 г. тема труда переплетается уже с такими понятиями, как “профессия”, “ремесло”, “знание”. Например, “Иң яҡшы сауҙа һәм иң күркәм кәсеп – кешенең үҙ ҡулдары менән башҡарған эше” (“Самая лучшая торговля и самое хорошое ремесло – дело, сделанное своими руками”), “Ир кешегә 70 төрлө һөнәр ҙә аҙ” (“Егету и семидесяти ремесел мало”) [3, с. 51], “Һөнәрле – үлмәҫ, һөнәрһеҙ – көн күрмәҫ” (“Человек с профессией не умрет, а без профессии – не выживет”*), “Һөнәрле булыу – гәүһәрле булыу” (“Иметь профессию – иметь бриллиант”*), “Эшле кеше – көслө кеше” (“Человек с профессией – сильный человек”)*, “Эшләгән – тешләгән, бал, май ашаған” (“Не потопаешь, не полопаешь”) [3, с. 135], “Белемһеҙгә эш юҡ – эшһеҙгә аш юҡ” (“Невежда без работы – неработающий без еды”*), “Бишектән алып ҡәбергә ҡәҙәр – белем алығыҙ (өҫтәгеҙ)” (“От колыбели до могилы получайте знания”*), “Күп уҡыған – күп белер” (“Кто много читает, тот много знает”*), “Белем туҙмай” (“Знание не изнашивается*”) и многие другие. Исходя из содержания вышеперечисленных пословиц и поговорок, можно сделать вывод о том, что знания обретаются через труд, старания, а глубина их создается постепенно. Отмечается важность профессии и знаний для человека, от которого зависит его настоящее и будущее.

Значительное место в пословицах и поговорках, записанных в 1963 г., занимают социальные мотивы. В них деньги, богатство оцениваются с точки зрения субъекта из простого народа, в результате чего отношение к материальным ценностям приобретает негативную окрашенность: “Йыландың тәпәйен күрмәҫһең, байҙың әпәйен күрмәҫһең” (“У змеи не увидишь ног, а у богатого – хлеб”*), “Кнәз өйө янына өй һалма, кнәз ауылы янына ауыл ҡорма” (“Не строй дом рядом с домом князя, не строй деревню рядом с деревней князя”*), “Кнәз приказчигы уттай, ә уның хеҙмәтсеһе осҡондай” (“У князя приказчик словно огонь, а его помощник как искра”*), “Бай бай өсөн тырышыр, ярлы ярлыға булышыр” (“Бай за бая старается, бедный бедному помогает”*), “Барлыҡ һөйөштөрә, юҡлыҡ көйөштөрә” (“Достаток мирит, бедность ссорит”) [1, с. 83], “Ярлы кешенең аҡсаһы торна булып ҡысҡыра” (“У бедного человека деньги кричат как журавль”*) и другие. В пословично-поговорочном репертуаре начала XXI в. многие из этих народных изречений переосмыслились и обрели новые черты. В них преобладают вопросы материального богатства – денег, достатка: “Алтын таптым, тыныслығымды юғалттым” (“Нашел золото, потерял покой”*), “Аҡсаны табабыҙ, эт ҡойроғона тағабыҙ” (“Находим деньги, вешаем на хвост собаки”*), “Аҡсаның еҫе юҡ” (“Деньги не пахнут”*), “Байлыҡ – бер айлыҡ, ярлылыҡ – мәңгелек” (“Богатство на месяц, бедность – вечность”*), “Байлыҡ тотоу – утҡа ҡыҙҙырып баҫылған мөһөр” (“Хранить богатство – клеймо, приложенное раскаленным огнем*”) и другие. В этих пословицах раскрывается отношение людей к богатству, они заставляют задуматься о роли материальных ценностей в современном обществе. Деньги стали неотъемлимой частью человеческой жизни, выполняют не только экономические, но и социокультурные функции. Необходимо отметить, что в мире паремиологии отношение к ним в большинстве случаев отрицательное, т.к. их представляют как угрозу для нравственного мира человека.

* досл. перевод пословиц и поговорок на русский язык здесь и далее даны в переводе Р.А. Даутовой.

Наряду с материальным достатком, богатством в пословицах и поговорках современности емко и точно выражается отношение народа к жадности, алчности, скупости: “Нимә ул байлыҡ – диңгеҙ һыуын эскән кеүек, һыуһағанда күпме эсһәң, шул ҡәҙәр эсерә (ҡомһоҙлоҡ)” (“Что такое богатство – это как бы пить морскую воду, пить для утоления жажды столько, сколько хочешь (алчность)*”, “Әгәр ҙә йомартлыҡ булмаһа, байлыҡта файҙа юҡ” (“Если нет щедрости, то нет толку и от богатства*”), “Һарандан тартып алырмын тигән” (“У скупого отберу, сказал”*) и другие.

Самое главное богатство человека, которое нельзя зарабатывать и купить, – здоровье, как и гласит народная мудрость: “Һау кеше – бай кеше”, (“Залог богатства – здоровье тела”) [1, с. 212], “Сәләмәтлек – ярты байлыҡ” (“Здоровье – половина богатства*”). Так, в паремиях, записанных в 2019 г., имеется достаточное количество пословиц о ценности здоровья: “Сир ботлап керермен (16 кг), грамлап сығырмын, тигән” (“Болезнь входит пудами, а выходит золотником”) [8, с. 11], “Сирле кеше һыуһыҙ үҫкән гөл” (“Больной человек подобен цветку, растущему без воды”*), “Сәләмәт тәндә – сәләмәт рух” “(В здоровом теле – здоровый дух”) [1, с. 210], “Тоҙ 70 төрлө сиргә дауа” (“Соль от 70 болезней лечит*”), “Тоҙ аҫтында сир ятмаҫ” (“Соль от всех болезней спасет*”), “Хәрәкәттә – бәрәкәт” (“В действии – благополучие”) и многие другие. Из содержания данных пословиц становится очевидным, что в некоторых из них даются советы по лечению отдельных болезней, уделяется внимание здоровому образу жизни, подчеркивается важность жизненного настроя человека в сохранении здоровья.

В паремическом наследии башкирского народа в аспекте исследования проблематики материального богатства особое внимание привлекают и духовные ценности. Если в фольклорных материалах 1963 г. нами были выделены такие общечеловеческие системы ценностей, как доброта, нравственность, уважение, то в материалах 2019 г. эти понятия приобрели наиболее глубокий смысл, дополнились новыми образами. В них значительное место занимают вопросы семьи и родственных отношений. Многочисленная группа паремий посвящены образам мужа и жены, характеризующих особенности их взаимоотношения. “Ир – ат, ҡатын – муйын” (“Муж – голова, жена – шея”) [8, с. 75], “Ир бирмәк – йән бирмәк” (“Мужа отнимать – душу отнимать”*), “Ир кешенең ярты бәхете – хәйерле ҡатын” (“Половина счастья мужчины в благополучной жене”*), “Ир менән ҡатын талашыр ҙа, дуҫлашыр ҙа” (“Муж и жена и ссорятся, и мирятся”*), “Ирҙәрҙең барыһы ла – бер сыбыҡтан” (“Все мужчины из одного прутья”*), “Иреңә ышанма – Иҙелгә таянма” (“Не опирайся на воду, не верь мужу”*), “Ҡатын-ҡыҙға тел бирелгән, ираттарға ҡул бирелгән” (“Женщине дан язык, мужчине – рука”*), “Ҡатының ҡырыҫ булһа булһын, яуыз булмаһын” (“Пусть жена будет строгая, нежели злая”*), “Насар ҡатын сей утын яғыуҙан да яманыраҡ” (“Плохая жена хуже сырых дров”*), “Сая ҡатын битеңде сағыр” (“Смелая женщина лицо ужалит”*) и многие другие. Вышеприведенные пословицы и поговорки имеют назидательный характер. Они не только описывают ситуацию, но и учат налаживать семейный уклад, выстраивать семейные отношения.

Поскольку главным назначением семьи в обществе было рождение и воспитание подрастающего поколения, достаточно большое количество паремий отражают взаимоотношения между родителями и детьми. Они играют воспитательную функцию, отражают нормы поведения: “Иң яҡшы үрнәк ул – тәрбиә күрһәтеү” (“Личный пример – лучший способ воспитания”*), “Балаларың тәүфиҡлы булһа, яҡшы ҡартлыҡ билгеһе” (“Хорошие дети – добрая старость”*), “Алты ай ас булһаң да – ата йолаһын ташлама” (“Даже если будешь голодным шесть месяцев – не бросай обычай отца”*), “Ата-әсә доғаһы – Пәйғәмбәрҙәр доғаһы” (“Молитва родителей – молитва пророка”*), Әсәй – ғаиләнең йөрәге, атай – терәге (“Мать – сердце семьи, отец – опора”*), “Атай-әсәй бәхиллеге – пәйғәмбәрҙәр теләге” (“Прощение родителей – желание пророка”*), “Ҡояш аҫтында – аҫылы, әсәй янында – яҡшы” (“Под солнцем тепло, при матери добро”) [8, с. 107], “Әсә – баштағы таж” (“Мама как корона на голове”) и другие. Исходя из содержания данных пословиц следует отметить, что значительное место занимает образ родителей, которые сравниваются с возвышенными объектами.

Пословицы и поговорки – постоянно развивающийся фольклорный жанр. Каждое

поколение вносит новые тексты, вытекающие из жизненного опыта своего времени. Существуют универсальные вопросы и понятия, которые актуальны для любого народа и каждого человека в любое время. В пословично-поговорочном репертуаре 2019 г. по сравнению с материалами 1963 г. представлены народные изречения, в которых затрагиваются вопросы о смысле жизни, о дружбе, о счастье, о любви. За каждой из них стоит определенная жизненная ситуация. Их можно было бы назвать практической философией, сводом правил жизни, исторической памятью предков. В пословицах “Яҙмышыңды күрмәй – гүргә кермәҫһең” (“От судьбы не уйдешь”) [8, с. 70], “Яҙмыш – аяуһыҙ нәмә” (“Судьба не ведает пощады”*), “Тормош – ҡатлаулы ул” (“Жизнь сложная штука”*), “Ғүмер итеү – йылға кисеү түгел” (“Жизнь прожить – не реку перейти”*) жизнь, судьба человека представляется как неподвластное и неизбежное явление. Есть и группа пословиц, которые утверждают обратное. Например, “Бәхетең аяҡ аҫтында – эйелеп алырға ғына иренмә” (“Счатье под ногами, не ленись наклониться и поднять ее”*), “Кеше бәләһе һиңә йоҡмаҫ, кеше бәхете һиңә булмаҫ” (“Счастье одного не принадлежит другому”) [8, с. 221], “Хеҙмәт менән тапҡан бәхет ҡәҙерле лә, ғүмерле лә” (“Счастье, добытое с трудом дорога и долговечна”*), “Тормошто яратыу – үҙе ҙур байлыҡ” (“Любить жизнь – самое дорогое богатство”*) и другие. То есть в этих пословицах прослеживается мысль о том, что человек сам хозяин своей судьбы.

В культуре каждого народа испокон веков ценились дружба между людьми и дружеские отношения в обществе. Значительную часть паремических материалов, записанных в 2019 г., составляют пословицы и поговорки о дружбе: “Дуҫлыҡ – яҙмыш бүләге” (“Дружба – подарок судьбы”*), “Дуҫтарҙы шәм яндырып эҙләр кәрәк” (“Друзей надо искать с зажженной свечкой”), “Йөҙ һум аҡсаң булғансы – йөҙ дуҫың булһын” (“Не имей сто рублей, а имей сто друзей”) [1, с. 119]”, “Кешенең кемлеген белгең килһә, уның дуҫын бел” (“Скажи мне, кто твой друг и я скажу тебе, кто ты”) [8, с. 41], “Һыуһағанда һыу кәрәк, яңылышлыҡта дуҫ кәрәк” (“При жажде нужна вода, при ошибке – друг”*), “Яҡшы дуҫтар ғына эҙләһәң, дуҫһыҙ ҡалырһың” (“Будешь искать только хороших друзей – останешься без друзей”*) и другие. Ценность друзей, дружбы подчеркивается идеей о редкости истинной дружбы, верных друзей, она приравнивается к бесценному богатству.

Яркому и многообразному идейно-тематическому содержанию башкирских пословиц, записанных в 1963 и 2019 гг., соответствует богатство образов, разнообразных художественных приемов, таких как параллелизм (“Ат алһаң арба кәрәк, ҡатын алһаң – бары ла кәрәк” (“Жениться так не лениться”) [3, с. 22], “Балыҡ тәрән һыу эҙләй, кеше яҡшы ер эҙләй” (“Рыба ищет, где глубже, человек – где лучше”) [3, с. 32], “Килгән ҡошҡа – ҡапҡа бар, ҡунаҡсыл йортта – ҡунаҡ бар” (“Прилетевшей птице есть ворота, в гостеприимном доме – гость”*), метафора (“Күҙҙәр – күңел көҙгөһө” (“Глаза – зеркало души”), эпитет (“Йөрәктең беренсе дошманы – ауыр һүҙ” (“Первый враг сердца – обидное слово”*), “Мәҡәл – ул аҡыллы уйға тура һәйкәл” (“Пословица – это памятник умным мыслям”), “Татлы тел – ҡапҡаны асыр” (“Ласковое слово откроет ворота”*), сравнения (“Ауыҙҙан сыҡҡан һүҙ – һауалағы ҡош” (“Слово не воробей, вылетит – не поймаешь”) [9, с. 121], “Сирле кеше – һыуһыҙ үҫкән гөл” (“Больной человек подобен цветку, растущему без воды”*), “Кеше күңеле – ҡара урман” (“Чужая душа – черный лес”), “Кеше күңеле – ҡараңғы төн” (“Чужая душа – потемки”) [3, с. 69], “Аҡыллы һүҙ – йән аҙығы, насар һүҙ – үткер хәнйәр” (“Мудрое слово – духовная пища, плохое – острый кинжал”*), гипербола (“Ил төкөрһә, күл була” (“Мир по слюнке плюнет, так море”) [3, с. 56], “Егет кешегә етмеш төрлө һөнәр ҙә аҙ” (“Егету и семидесяти ремесел мало”) [3, с. 50], антонимы (“Яҡшынан үрнәк, ямандан ғибрәт” (“От хорошего человека бери пример, от плохого – урок*”), “Яҡшы һүҙ – йән аҙығы, насар һүҙ – баш ҡаҙығы” (“Доброе слово лечит, худое – колечит”*), “Бер аҡыллыға ике ахмаҡ” (“Одному мудрецу два глупца”*), “Кешенең яҡшылығы ла, яманлығы ла үҙенә ҡайта” (“За все плохое возвращается плохое, за все хорошее – хорошее”), антитеза (“Кеше таш менән орһон – һин аш менән ор” (“Зло да зло не сделают добро”) [9, с. 46], “Ит яҡшылыҡ – көт яманлыҡ” (“Надейся на добро, а жди худа”) [8, с. 53] и многие другие. Введение в текст пословиц и погово-

рок таких ярких стилистических окрасок обусловлено стремлением народа увеличить эмоциональность высказывания, содействовать увеличению убедительности.

Таким образом, изучение пословиц раскрывает духовный облик народа, систему художественно-эстетических образов, помогает познать историю народа, особенности художественной культуры [1, с. 13]. Опираясь на материалы экспедиций 1963 и 2019 гг., нами были проанализированы идейно-тематические и художественные особенности пословиц и поговорок башкир Пермской области. Временной разрыв между двумя экспедициями – более 50 лет. Как показывает практика, за это время произошли кардинальные изменения – не только в социально-экономической, но и в культурной жизни народа. Как и другие жанры башкирского народного творчества, продолжающие бытовать, паремические жанры в современной жизни утрачивают устаревшие мотивы, обретают новые свойства, переосмысливаются.

В отличие от материалов экспедиции 1963 г., пословицы и поговорки, записанные в 2019 г., охватывают более широкий спектр тем: семья, любовь, дружба, богатство, щедрость и т.д. Несмотря на то, что некоторые из них весьма специфичны, большинство же получили большую популярность и признание и со временем стали отображать систему ценностей народа в целом.

Проанализировав поэтику паремий, можно сказать, что своего высокого художественного совершенства они достигли с помощью ярких сравнений, параллелизмов, антонимов, синонимов, антитез, эпитетов, метафор, гипербол и других художественно-изобразительных средств. Богатая образная система, своеобразные поэтические приемы – все это берется из окружающего быта, в чем проявляется оригинальность пословиц и поговорок башкирского народа.

Таким образом, результаты исследования показали, что пословицы и поговорки служат одним из важнейших источников изучения фольклорной картины мира, а в пополнении духовных ценностей народа достаточно огромную роль играют фольклорные экспедиции. Как показывает практика, своевременно организованные экспедиции, сбор духовного наследия народа внесли исключительно важный вклад в сохранение культурного наследия башкир как Пермской области, так и других регионов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Китап, 1993. 463 с.

2. Башкирский академический словарь. Т. 1. / под. ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.

3. Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок / сост. И.М. Гарипов. Уфа: Китап, 1994. 168 с.

4. Диалог культур: Пермский край (исследования и материалы). Книга 2. Составители: Н.А. Хуббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, А.Г. Салихов, Л.Х. Мухаметзянова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. 190 с.

5. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 225. Л. 7.

6. *Надршина Ф.А.* Слово народное (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных пословиц и поговорок, загадок). Второе дополненное издание. Уфа: Башк. энцикл., 2021. 176 с. (на башкирском языке).

7. *Ойноткинова Н.Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / отв. ред. О.Н. Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.

8. Русско-башкирско-английский словарь эквивалентных пословиц и поговорок / авт.-сост. Ф.А. Надршина, Э.М. Созинова. Уфа: Башк. энцикл., 2017. 180 с.

9. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов / авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Башк. энцикл., 2008. 196 с.

10. *Хакимьянова А.М., Юлдыбаева Г.В.* Фольклорные традиции пермских (гайнинских) башкир (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. №4 (38). С. 156–164.

11. *Хусаинова Г.Р.* Традиционный фольклор башкир в современном бытовании (по материалам экспедиций XXI века) // Традиционная культура народов Поволжья: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (13–15 февраля 2018 г.). Казань: Ихлас, 2018. С. 468–477.

REFERENCES

1. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Poslovicy, pogovorki. Primety. Zagadki* [Bashkir folk art. Proverbs, sayings. Signs. Riddles]. Vol. 7. Ufa: Kitap, 1993. 463 p. (in Russ.).

2. B*ashkirskij akademicheskij slovar'* [Bashkir Academic Dictionary]. Vol. 1. Ed. by F.G. Khisamitdinova. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (in Russ.).

3. *Bashkirsko-russkij slovar' poslovic i pogovorok* [Bashkir-Russian dictionary of proverbs and sayings]. Comp. I.M. Garipov. Ufa: Kitap, 1994. 168 p. (in Russ.).

4. *Dialog kul'tur: Permskij kraj (issledovaniya i materialy)* [Dialogue of Cultures: Perm Krai (research and materials)]. Book 2. Compiled by: N.A. Hubbitdinova, G.V. Yuldybaeva, A.G. Salikhov, L.H. Mukhametzyanova. Ufa: IIAL UFIC RAS, 2019. 190 p. (in Russ.).

5. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Fond 3, opis 2, delo 225, list 7. (in Russ.).

6. Nadrshina, F.A. *Slovo narodnoe (istoricheskie korni i zhanrovye osobennosti bashkirskih narodnyh poslovic i pogovorok, zagadok)* [The folk word (historical roots and genre features of Bashkir folk proverbs and sayings, riddles)]. The second expanded edition. Ufa: Bask. encycl., 2021. 176 p. (in Bashkir).

7. Oynotkinova, N.R. *Altajskie poslovicy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]. Ed. by O.N. Laguta. Novosibirsk, 2012. 354 p. (in Russ.).

8. *Russko-bashkirsko-anglijskij slovar' ekvivalentnyh poslovic i pogovorok* [Russian-Bashkir-English dictionary of equivalent proverbs and sayings]. Author-comp. F.A. Nadrshina, E.M. Sozinova. Ufa: Bashk. encycl., 2017. 180 p. (in Russ.).

9. *Russko-bashkirskij slovar' poslovic-ekvivalentov* [Russian-Bashkir dictionary of proverbs-equivalents]. Author-comp. F.A. Nadrshina. Ufa: Bashk. encycl., 2008. 196 p. (in Russ.).

10. Khakimyanova, A.M., Yuldybayeva, G.V. *Fol'klornye tradicii permskih (gajninskih) bashkir (po materialam ekspedicij)* [Folklore traditions of the Perm (Gainin) Bashkirs (based on the materials of the expeditions)]. In: Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAS [Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2018. Vol. 11. No. 4 (38). pp. 156–164. (in Russ.).

11. Husainova, G.R. *Tradicionnyj fol'klor bashkir v sovremennom bytovanii (po materialam ekspedicij XXI veka)* [Traditional folklore of Bashkirs in modern existence (based on the materials of expeditions of the XXI century)]. In: Tradicionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (13–15 fevralya 2018 g.) [Traditional culture of the peoples of the Volga region: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (February 13-15, 2018]. Kazan: Ikhlas, 2018. pp. 468–477. (in Russ.).

ОБЗОРЫ

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-79-84
УДК 091:411.21:28 (470)”1902”

Р. М. Булгаков

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗАЙНУЛЛЫ БИН ХАБИБУЛЛЫ О ПРОЧТЕНИИ «СОРОКА ПРЕДАНИЙ» АН-НАВАВИ[1]

Аннотация

Это письменное свидетельство хранится в Фонде рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Семь разделов его исследования показывают этапы работы над ним: 1) описание внешнего вида документа: бумага и ее формат, арабский язык текста и русский язык фондовых надписей, два почерка и их характеристика, сгибы листа, отпечатки чернил, обстоятельства его приобретения, правильное чтение легенды оттиска печати на нем; 2) восстановительный перевод текста документа на русский язык показывает, что некоторые имена в его списке написаны с ошибками чтения, устанавливает хронологическую последовательность имен списка и редуцирует его дату; 3) сведения о сочинении ан-Навави, его изданиях, перевод фрагментов предисловия автора; 4) сведения об авторах документа, цитаты из отзыва Ризаэддина бин Фахреддина о Зайнулле бин Хабибулле; 5) фиксация практики передачи религиозных знаний и хронологическая дефектность списка имен; 6) заглавие документа. Термин иджаза и его синонимы, относящиеся к документу; 7) восстановление последовательности хода событий создания документа: переписка между лиценциатом и лицензором, ее движение и ее результаты. Заключение формулирует значение документа как свидетельства практики передачи религиозных знаний среди российских мусульман, как ранее неизвестный в Урало-Поволжье факт передачи знаний по переписке, как форму восходящего перечня наставников и как датированный и удостоверенный образец почерка Зайнуллы бин Хабибуллы ан-Накшбанди.

Ключевые слова: Фонд рукописей ИИЯЛ, сборник хадисов, описание документа, иджаза, восстановительный перевод, передача религиозных знаний, восходящий перечень наставников, передача по переписке, легенда печати

Ramil M. Bulgakov

ZAINULLAH BIN HABIBALLAH’S LICENSE OF PERUSAL OF THE FOURTY TRADITIONS OF AL-NAWAWI

Abstract

This license is preserved in the Fund of manuscripts of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The study divided into seven sections shows the steps of work upon it. 1) Descriptions of the surface of the sheet: the paper and its dimensions, the Arabic language of the text and the Russian one of the fund notes, two hands of writers and their features, fold lines of the sheet, ink stains, details of its acquisition and the correct reading of the legend on the signet of witness. 2) Recovery translation of the text into

[1] Работа выполнена по Государственному заданию УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 на 2022 г.

Булгаков Рамиль Махмутович, *кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточных рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа), e-mail: bulgakov.ramil@mail.ru*

Ramil’ M. Bulgakov, *Cand. Sci. (Philology), senior Research Associate, Department of oriental manuscripts, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: bulgakov.ramil@mail.ru*

© Булгаков Р. М., 2022

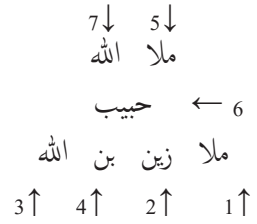
Russian exposes few names written incorrectly due to errors of false reading (error lectio), states the chronological order of the listed names and dates the document. 3) Introduction to al-Nawawi's work and its publications, translations of pieces from author's Foreword. 4) Information on the scribes of the document, quotations from the testimonial of Rida al-Din bin Fakhr al-Din addressed to Zainullah bin Habibullah. 5) Recording the practice of transmission of religious knowledge and chronological defectiveness of listed names. 6) The heading of the document. The term ijazah and its synonyms concerning the subject. 7) Recovering the sequence of events that set the document up: the correspondence ot licentiate with licensor, its progress and outcomes. The conclusion settles the value of the document as being a certificate of the old mode of the Muslims in Russia to transmit religious knowledge, as a formerly unknown in the region of the Urals and the Volga way of transmission by letters exchandge, as a form of ascending list of teachers and as a dated and witnessed sample of Zainullah bin Habibullah al-Naqshbandi's hand-writing.

Key words: Fund of Manuscripts of the Institute of History, Language and Literature, assembly of traditions, ijazah, description of document, recovery translation, transmission of religious knowledge, ascending list of teachers, transmission via letters, legend on a signet

Историю имеют не только рукописи, но и их описания. Четыре года назад, описывая этот документ, автор этих строк не понял происхождения многих его ошибок. И только сейчас, обратив внимание на вертикальный сгиб листа и пятна чернил на нем, с помощью работ американца Э.Э. Солзбёри (1814–1901) и француза В. Марсэ (1872–1956) он смог найти место этих ошибок в восстановленной истории его создания, которая и предлагается читателю.

Описание документа. Он хранится в Фонде рукописей имени академика АН РБ Г.Б. Хусаинова Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, шифр: акт 96 № 1, фрагмент II. Лист (4 страницы без пагинации) с текстами на арабском (черные чернила) и русском (простой карандаш) языках. Полный список на бумаге сероватого цвета 20,8×26 см без водяных знаков с горизонтальными линиями-верже. Лист сначала был перегнут пополам по вертикали, затем верхняя четверть перегнутого листа была отогнута в сторону 4-й страницы для вложения его в конверт размером 16,5×13 см (сгиб пересекал 3-ю строку на с. 2 и 2-ю на с. 3). Строка на с. 1, десять строк на с. 2 и четыре – на с. 3 написаны неустойчивым почерком средней степени выработанности. Строки 5–10 на с. 3 – почерком высокой степени выработанности, но в пренебрежительной к читателям манере, где лишь каждая пятая его буква имеет диакритические точки[2]. Правее двух последних строк даты на с. 3 – квадратный оттиск печати 15×15 мм с легендой в три строки белыми буквами на светло-фиолетовом фоне. Чернила некоторых букв имен и даты строк 5–10 на с. 3 отпечатались на предыдущей странице. Место написания не указано (Факсимиле документа см. на 3-й с. обложки).

Коллекция: 7 июня 1987 г. XII археографическая экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР. М.Х. Надергулов, Р. Афлятунова, дер. Лемеза Иглинского р-на БАССР, дар Мухсины Салиховны Зиннатуллиной, 1909 г. рожд. Фондовые надписи карандашом: с. 4 – шифр хранения, с. 3 над датой – 1901 г., справа от оттиска легенда в обратном порядке чтения: мулла Хабибалла бин мулла Зайнулла. Правильное чтение имени: мулла Зайнулла бин мулла Хабибалла



Восстановительный перевод. [с. 1] Владелец сего [документа] – ищущий знания[3] Джебелюлла бин Нух ал-Лемези {Владелец документа и одновременно владелец калама, которым были написаны 14 строк. «Ал-Лемези» – прозвание (нисба) Джебелюллы по деревне Лемеза: выходец из нее или ее житель}. [с. 2] Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Свидетельство об «Ал-арба'ин» имама ан-Навави, да смилуется над ним Аллах Всевышний {ан-Навави, Абу Закарийа Йахйа бин Шараф бин Мира (ум. 676/1277), выдающийся знаток преданий и законовед [11, Bd. I, с. 394–397, Sbd. I, с. 682–684; 12, 7, с. 1041–1042; 17, 33, с. 45–49]}. **1.** Ал-имам

[2] Арабские слова без необходимых точек читаются с большим трудом, и Джебелюлла неправильно прочитал несколько имен в списке Зайнуллы (о котором см. ниже).

[3] В документе талиб ал-'илм (طالب العلم), , то есть учащийся, шакирд.

Ибн ал-Джанан {Ибн ал-Джанан, законовед и поэт, преподавал в медресе ал-Икбалийа в Дамаске (ум. 675/1276) [3, 2, с. 111 № 714]}. **2.** Аш-шейх Зайн ад-дин ал-Каббани {ал-Каббани, знаток преданий (ум. 838/1434–35) [3, 4, с. 25 № 1690]}. **3.** Ал-Бурхан бин Аби Шариф ал-Мукаддас {Ибн Аби Бакр ал-Макдиси (ум. 906/1500), знаток преданий [11, Bd. II, с. 98 No 42]}. **4.** Аш-шейх ал-Бадр Ан-г-зи {Ан-г-зи вместо ал-Газзи – ошибка чтения Джебелюллы, см. ниже имя его сына}. **5.** Аш-шейх ан-Наджм ал-Газзи, сын упомянутого ал-Бадра {ал-Газзи (ум. 1016/1607) [11, Sbd. II, с. 416 No 6a (четвертое произведение подписано: Наджмаддин бин Бадраддин ал-Газзи)]}. **6.** ʻАбд ал-Гани ат-Таб-л-си {Таб-л-си вместо Наблуси – ошибка чтения. Набулуси (ум. 1143/1731), шел путем суфиев кадирийа и накшбандийа [11, Sbd. II, с. 345–348]}. **7.** Аш-шейх знаток преданий ʻАбд-ар-Рахман ал-К-р-б-зи {здесь и ниже ал-К-р-б-зи вместо ал-Кизбери – ошибка чтения (ум. 1185/1771) [10, 1, с. 89 No 279; 10, 10, с. 243]}. **8.** Аш-шейх сирийский знаток преданий Мухаммад ал-К-р-б-зи [с. 3] сын упомянутого аш-шейха ʻАбд-ар-Рахмана {(ум. 1221/1806) [10, 10, с. 336]}. **9.** Мавляна Халид ал-Й-д-ради аш-Шами {ал-Й-д-ради вместо ал-Багдади – ошибка чтения. Халид ал-Багдади (ум. 1242/1827), эпоним ветви халидийа в братстве накшбандийа [17, 15, с. 283–285]}. **10.** Ахмад бин Сулайман ат-Траблуси {Траблуси (ум. 1257/1858), шейх братства накшбандийа-халидийа [17, Ek, с. 422–423]}. **11.** Ахмад Зийа' ад-дин ал-Гюмюшханеви {Без точки над буквой ха. Ал-Гюмюшханеви (ум. 1301/1893), шейх братства накшбандийа-халидийа [17, 14, с. 276–277], наставник Зайнуллы бин Хабибуллы [9, с. 8–9]}. **12.** *Мулла[4] Зайнулла бин Хабибулла ан-Накшбанди.* **13.** *Мулла[5] Джебелюлла бин Нух. Мулла Джебелюлла бин Нух уже прочитал от начала до конца «Китаб ал-арба'ин ан-Навави», да смилуется над ним Аллах Всевышний, да принесет ею Аллах Всевышний пользу ему и правоверным. Клянусь, Аллах – содействующий успеху!* {Формула благословения}. *Год* [хиджры] *1319*, [месяца] *зу-л-хиджжа* [день] 4 {То есть пятница 1 марта 1902}. [Оттиск печати].

Ан-Навави и его «Книга сорока преданий». Эта книга (на самом деле в ней 42 предания) Ан-Навави – один из многих небольших сборников хадисов. Они появились во второй половине II в. х. / VIII в. и широко распространились в начале III в. х. / IX в. после публикации собраний ал-Бухари (ум. 870), Муслима (ум. 875), Ибн Маджа (ум. 886), Абу Да'уда (ум. 888), ат-Тирмизи (ум. 892) и ан-Ниса'и (ум. 915) [17, 25, с. 467–470]. Среди малых сборников преданий на различные темы (от богословских до бытовых) книга ан-Навави выделяется глубиной своей проблематики. «…Сорок избранных преданий содержат основные существенные и принципиальные понятия ислама, каждое из которых поочередно составляет первоначальный уровень знаний, требуемых от каждого мусульманина… В них излагаются такие понятия, как вера, нравственные нормы мусульман и их правосознание» [16, с. 2]. Ее изучали (учили наизусть) в духовных училищах Урало-Поволжья во второй половине XIX в. [14, с. 8 вост. паг.]. В начале следующего века ей отводилось 2 часа в неделю в первом классе средней школы второй ступени (7-й год учебы) [4, с. 8].

«Сорок хадисов» ан-Навави впервые были напечатаны в Каире в 1278/1861 г. [11, Sbd. I, с. 683]. Первое издание Галимджана Баруди вышло из типографии Вечеслава в Казани в 1893 г. [5, с. 397]. С 1897 по 1915 г. хадисы ан-Навави были у книгопродавцев Казани, Уфы, Стерлитамака и Троицка.

В предисловии к своей книге ан-Навави писал так: «…Посланник Аллаха сказал: „Кто бы ни [запомнил и] сохранил для людей моей общины сорок преданий о том, что касается их веры, того Всевышний Аллах воскресит в День Суда вместе с законоведами и учеными-богословами“». «… Каждое предание было бы одним из величайших оснований веры, характеризуемых учеными-богословами как [вся] сфера ислама, или ее половина, или ее треть, или как нечто подобное…

---

[4] От этого слова и до конца *курсивным начертанием* выделены строки Зайнуллы.

[5] Зайнулла написал *мулла.* Так называли, по свидетельству из Бухары, не только священнослужителей, но и учащихся духовных училищ (медресе). «Когда ученик кончал начальную школу, никто не интересовался, овладел он или не овладел грамотой. Чтобы «стать муллой» или называться муллой, ему… было необходимо изучить… книгу «Бидон» – «Знай» [1, с. 198]. Почерк Зайнуллы разных периодов его жизни хорошо известен [см., например: 2, с. 47–48].

и я счел обязательным, чтобы эти сорок преданий были бы достоверными, чтобы большая их часть была бы [опубликована] в «Сахихах» ал-Бухари и Муслима. Я привожу их здесь без цепочки передатчиков, чтобы способствовать легкому их запоминанию и, если пожелает Всевышний Аллах, широкому их использованию… Каждому, кто желает потусторонней жизни, следует знать эти [сорок] преданий в виду того, что в них содержатся важные предметы и заключаются указания обо всех проявлениях покорности [Аллаху], – и это очевидно любому размышлявшему об этом» [7, с. 2–4].

Сборник ан-Навави всегда был предметом толкований и популяризации. В только что цитированном издании было 18 подобных сочинений [7, с. 31–32]. К. Брокельману было известно больше, и он называл 35 [11, Sbd. I, с. 683].

Му́ллы Джебелюлла и Зайнулла. Документ умалчивает об отношениях между ними, но само его существование говорит о том, что они знали друг о друге. Сведений о первом из них нам найти не удалось. Второй же, Зайнулла бин Хабибулла (1833–1917), был знаменит и уважаем современниками [6, с. 334–335]. Ризаэддин бин Фахреддин начинал посвященный его памяти сборник такими словами: «Зайнулла-хазрет – один из великих российских мусульман и полезных служителей [ислама]… Мы многого ожидаем от Аллаха в отношении этого человека, который провел свою долгую жизнь между михрабом [как предстоятель на молитве] и минбаром [как проповедник], между мечетью, мектебом и медресе, а также среди книг: да устрой благоуханной могилу его и да сделай райский сад местом его пребывания и упокоения!» [9, с. I]. И заканчивал тем, что для биографа хазрета Зайнуллы есть очень просторное поле деятельности, много тем, обширные до необозримости предметы рассмотрения и обсуждения [9, с. III]. Эти слова были пророческими: обстоятельства его жизни продолжают изучаться до сих пор, а с 2012 г. в Челябинской области и Республике Башкортостан проводятся «Расулевские чтения».

Перечень имен, как видно из наших пояснений к переводу, – восходящий перечень предшественников в передаче религиозных знаний (интикал ал-ма‘рифа ад-динийа انتقال المعرفة الدينية). Перечень передатчиков знаний по-арабски называется ‘опора’ (иснад اسناد). Документ фиксирует эту практику, даже несмотря на ущербность перечня. Так, 625 лет от смерти Ибн ал-Джанана (№ 1) до даты документа Зайнулла (№ 12) втиснул между одиннадцатью поколениями, что совершенно невозможно, ибо в течение 625 лет проходили жизни от 20 до 25 поколений. Такого рода перечень принято было называть не достоверным, а разорванным (мункати‘ منقطع).

Заглавие документа. Начинается он словом иджаза (اجازة)**.** Иджаза как прием приобретения знания в узком смысле означал письменное разрешение или лицензию наставника своему ученику преподавать [12, 3, с. 1020–1022; 17, 21, с. 393–400] то сочинение, которое первый читал второму, а второй слушал (сама’ سماع) [8, с. 205–206; 12, 8, с. 1019–1020; 17, 36, с. 457–458], или которое второй читал сам, учил наизусть и скандировал перед первым (кира’ат قراءة) [17, 21, с. 400–401]. Давший лицензию, лицензор, назывался *муджиз* (مجيز)**,** а получивший ее лицензиат – *муджаз* (مجاز)**.** В широком же смысле «иджаза» (в этом случае в кавычках) простая констатация передачи знаний. Синонимы такой «иджазы»: *сабт* (ثبت)**,** *машийаха* (مشيخة) [10, 1, с. 54 сл.], *фахраса* и *барнамадж* (فهرسة، برنامج) [12, 2, с. 743–744]. Первый означает ‘установление восходящих передатчиков’, второй – ‘список предшествующих шейхов’, третий и четвертый – ‘указатель наставников’. Эти синонимы употребляются именно для перечней или списков (как наш документ), тогда как иджаза (в узком смысле) представляет собой текст краткой или пространной формы в прозе или стихах [12, 3, с. 1022], излагающий *обстоятельства* появления разрешения, которых нет в нашем документе.

Реконструкция истории документа. Сейчас он выглядит нумерованным недатированным перечнем имен имамов, шейхов, мулл и мавлана. Но такой вид он приобрел не сразу, а постепенно, благодаря способу передачи знаний, который назывался *передачей по переписке* (ал-мукатиба المكاتبة или китабатан كتابةً) [13, с. 225; 15, с. 77]. Он состоял в том, что передающий писал своему корреспонденту сам либо позволял тому записать со своих слов. Выше, в **Описании документа**, мы показали, что: 1) лист бумаги был перегнут вчетверо; 2) почерк Зайнуллы не имел необходимых диакритических точек; 3) отпечатки чернил текста Зайнуллы оказались на противолежащей странице. Эти факты мы понимаем так: 1) Джебелюлла сначала написал свой текст, а потом согнул лист вдоль и поперек, поэтому сгиб не помешал ему писать буквы ровно (письмо на сгибе выглядело бы иначе); 2) допущенные им ошибки в незнакомых именах были ошибками

чтения, а не слуха (он не слышал их звучания, он списывал их с малопонятного ему текста, отсюда вывод: будь он учеником Зайнуллы, он лучше бы знал руку своего учителя); 3) Зайнулла сделал свою приписку, оттиснул печать и, не дав времени чернилам высохнуть, дважды сложил лист и вложил его в конверт.

Эти три факта были следствиями следующих событий: а) Джебелюлла просит (устно или письменно?) Зайнуллу дать ему иджазу (в его понимании) на предмет «Сорока преданий», б) убеждая последнего в том, что в годы учебы прочитал этот сборник ан-Навави; в) Зайнулла соглашается выдать иджазу (в своем понимании как *сабт*, *машйаха* и проч.) и пишет своим почерком список передатчиков (без указания их отношения к «Сорока преданиям») от своего наставника ал-Гюмюшханеви до Ибн ал-Джанана, сверстника ан-Навави и ошибается в их числе, пропуская десяток имен); г) Зайнулла отправляет свой список Джебелюлле; д) Джебелюлла копирует оригинал на высокосортной дорогой бумаге верже так, как сумел понять его, оставляя чистой нижнюю половину с. 3 для надписи Зайнуллы, и отправляет его последнему на заполнение свободного места; е) Зайнулла дополняет список своим именем и именем просителя, констатирует факт прочтения известной нам книги, благословляет всех, датирует написанное, заверяет его печатью и второпях (была пятница!), не видя ошибок Джебелюллы и не замечая своих (каждый из них ошибался по-своему), складывает лист и помещает его в конверт; ж) отправленный им и полученный Джебелюллой документ лежит сегодня перед нами.

Значение документа. Первым по важности является свидетельство о былой среди российских мусульман *практике передачи религиозных знаний*. Она существовала независимо от Зайнуллы и Джебелюллы и задолго до них, но они стали ее субъектами в начале XX в. Далее, благодаря им (здесь Джебелюллу как инициатора ставим первым) мы установили ранее неизвестный в литературе о мусульманах Урало-Поволжья факт *передачи знаний по переписке*. Затем, формой передачи знаний в своей иджазе Зайнулла избрал *восходящий перечень наставников*. И наконец, документ содержит *датированный* и *удостоверенный* образец почерка Зайнуллы бин Хабибуллы ан-Накшбанди. А что же касается количества написанных в нем 114 слов, равного количеству сур Корана, то это мы воспринимаем как *случайное совпадение*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айни С.* Воспоминания / Перевод с таджикского Анны Розенфельд; отв. ред. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. 1087 с: ил.

2. *Аккубеков Р.Ю.* Материалы о З. Расулеве, хранящиеся в Фонде рукописей ИИЯЛ // Расулевские чтения: Ислам в истории и современной жизни России / Материалы всероссийской научно-практической конференции. Челябинск; Уфа, 2016. С. 47–51.

3. Диван ал-ислам / Та'лиф аш-шайх ал-имам ар-рихла ал-мухаддис ал-муснид ал-асари Шамс ад-дин Аби ал-Ма'али Мухаммад бин 'Абд ар-Рахман Ибн ал-Газзи…; тахкик Сайид Касрави Хасан. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 1411/1990. Ал-джуз' ас-сани. 408 с.; Ал-джуз' ар-раби'. 502 с.

4. *Әл-Кәмали, Зыяәддин.* Мәкатиб-и динийә пруграм. Уфа: Губернски элетрически типографийасы, 1906. 18 б. (араб. алф.).

5. *Смирнов В.* Мусульманские печатные издания в России за 1893 год // Зап. Вост. Отд. Имп. Рус. Археолог. О-ва. 1894. Т. VIII. Вып. III–IV. С. 391–398.

6. *Фархшатов М.Н.* Расулев, Зайнулла. Расулийа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 334–335.

7. Хадис ал-арба'ин ли-л-имам ал-мухаддис ал-'ариф биллах Мухий ад-Дин Аби Закарйа Йахйа бин Шараф ан-Навави / Нашырләре Бирадәран Кәримовлар. Казань: Тип. Т. Д. „Бр. Каримовы", 1914. 32 б. (араб. алф.).

8. *Халидов А.Б. Сама'* // Ислам: Энциклопедический словарь / Ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, 1991. С. 205–206.

9. Шәйх Зәйнулла хәзрәтнең тәрҗемә-и хәле / [Тәртип итүче Ризаэддин бине Фәхреддин]. Оренбург: «Вакыт» матбагасы, 1917. 1, I–III, [1], 5–106 б. (гарәп. алф.).

10. *Ahlwardt W.* Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1887. Bd. 1; 1899. Bd 10.

11. *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Litteratur. Weimar, 1898. Bd. 1; Berlin, 1902. Bd. 2; Leiden, 1937. Sbd. 1; 1938. Sbd. 2.

12. Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden; London, 1983. Vol. 2; 1986. Vol. 3; 1993. Vol. 7; 1995. Vol. 8.

13. *Marçais* [W.] Le Taqrib de en-Nawawi / Traduit et annoté par M. Marçais // Journal Asiatique. Neuvième série. 1901. Tome XVII. Mars–avril. P. 193–232.

14. “My Biography” of Rida’ al-Din b. Fakhr al-Din (Ufa, 1323 A. H.) with an Introductory Assay and Indexes / Edited by Marsil N. Farkhshatov, Isogai Masumi and Ramil M. Bulgakov («Моя биография» Ризаэддина бин Фахреддина (Уфа, 1323 г. х.) со вступительной статьей и указателями / Сост. М.Н. Фархшатов, Исогай М., Р.М. Булгаков). Tokyo, 2016. xlii p., 80 p. orient. pag., 2 photos.

15. *Salisbury E.E.* Contributions from original sources to our knowledge of the science of Muslim tradition // Journal of the American Oriental Society. 1860–1863. Vol. 7. P. 60–142.

16. Sharh arba‘een an Nawawi. Commentary of forty hadiths of an-Nawwawi / By Jamal Ahmed Badi. // URL (Обращение 22 июня 2022 г.) https://ahadith.co.uk/downloads/Commentary_of_Forty_Hadiths_of_An-Nawawi.pdf

17. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara; İstanbul, 1996. Cilt 14; 1997. Cilt. 15; 2000. Cilt 21; 2002. Cilt 25; 2007. Cilt 33; 2009. Cilt 36; 2016. Ek.

REFERENCES

1. Aini, S. *Vospominaniya* [Recollections] / Tr. from Tajik by Anna Rosenfeld; ed. A.A. Semyonov. Moscow; Leningrad: USSR AS Publishing house, 1960. 1087 p.: il. (in Russ.).

2. Akkubekov, R.Yu. *Materialy o Z. Rasuleve, xranyashchiesya v Fonde rukopisey IIYaL* [Materials on Z. Rasulev preserved in the Fond of manuscripts of the IIYaL]. In: Rasulevskiye chteniya: Islam in history and recent life of Russia / Papers of the All-Russian scholar and practical conference. Chelyabinsk; Ufa, 2016. P. 47–51. (in Russ.).

3. Diwan al-Islam / Ta’lif al-shaikh al-imam al-rihla al-muhaddis al-musnid al-athari Shams al-Din Abi al-Ma‘ali Muhammad bin ‘Abd al-Rahman Ibn al-Ghazzi...; tahqiq Sayid Kasrawi Hasan. Beyrut: Dar al-kutub al ‘ilmiya, 1411/1990. Al-juz’ al-thani. 408 p.; Al-juz’ al-rabi‘. 502 p. (in Arab.).

4. Al-Kamali, Diya al-Din. *Mäkatib-i diniyä program* [A curriculum of the religious schools]. Ufa: Gubernskaya electrictricheskaya tipografiya, 1906. 18 p. (in old Tatar).

5. Smirnov, V. *Musul’manskiye pechatnyye izdaniya v Rossiyi za 1893 god* [Muslim printed issues in Russia within 1893]. In: Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obschestva. 1894. Vol. VIII. Parts III–IV. P. 391–398. (in Russ.).

6. Farkhshatov, M.N. Rasulev, Zainulla. Rasuliyya. In: Islam in the territories of the former Russian empire: Encyclopaedic lexicon / ed. by Stanislav M. Prozorov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. Vol. 1. P. 334–335. (in Russ.).

7. Hadith al-arba‘in li-l-imam al-muhaddith al-‘arif billah Muhiy al-Din Abi Zakarya Yahya bin Sharaf an-Nawawi / Ed. Biraderan Karimovlar. Kazan: Tip. T.D. «Br. Karimovy», 1914. 32 p. (in Arab.).

8. Khalidov, A.B. Sama’. In: Islam. Encyclopaedic dictionary / ed. S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1991. P. 205–206. (in Russ.).

9. *Shäyx Zäinulla häzrätneŋ tärjemä-i häli* [A biography of shaikh Zainulla hadrat]. Compiled by Rida al-Din bin Fakhr al-Din. Orenburg: Tipografiya «Vaqit», 1917. P. 1, I–III, [1], 5–106. (in old Tatar).

10. Ahlwardt, W. Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1887. Bd. 1; 1899. Bd 10.

11. Brockelmann, C. Geschichte der arabischen Litteratur. Weimar, 1898. Bd. 1; Berlin, 1902. Bd. 2; Leiden, 1937. Sbd. 1; 1938. Sbd. 2.

12. Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden; London, 1983. Vol. 2; 1986. Vol. 3; 1993. Vol. 7; 1995. Vol. 8.

13. Marçais [W.] Le Taqrib de en-Nawawi / Traduit et annoté par M. Marçais // Journal Asiatique. Neuvième série. 1901. Tome XVII. Mars–avril. P. 193–232.

14. “My Biography” of Rida’ al-Din b. Fakhr al-Din (Ufa, 1323 A. H.) with an Introductory Assay and Indexes / Edited by Marsil N. Farkhshatov, Isogai Masumi and Ramil M. Bulgakov. Tokyo, 2016. xlii p., 80 p. orient. pag., 2 photos.

15. Salisbury, E.E. Contributions from original sources to our knowledge of the science of Muslim tradition // Journal of the American Oriental Society. 1860–1863. Vol. 7. P. 60–142.

16. Sharh arba‘een an-Nawawi. Commentary of forty hadiths of an-Nawwawi / By Jamal Ahmed Badi. // URL (Обращение 22 июня 2022 г.) https://ahadith.co.uk/downloads/Commentary_of_Forty_Hadiths_of_An-Nawawi.pdf

17. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara; İstanbul, 1996. Cilt 14; 1997. Cilt. 15; 2000. Cilt 21; 2002. Cilt 25; 2007. Cilt 33; 2009. Cilt 36; 2016. Ek.

DOI 10.24412/2223-0564-2022-2-72-76
УДК 930.253

Ш.Г. Джураев

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНЫХ РУКОПИСЕЙ БУХАРСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация

В статье рассматривается собрание рукописных и литографических книг и документов в фондах Бухарского музея, формировавшегося на протяжении многих лет. Работа была подготовлена на основе данных инвентарных книг музея, архивных документов и научных исследований сотрудников музея. В статье освещена научная и собирательская деятельность сотрудников музея и проанализированы палеографические свойства отдельных списков рукописей.

До создания музея в Бухаре организация Бухкомстарис (Бухарский комитет по охране памятников культуры) передала музею рукописи, составившие первую коллекцию. Несмотря на сложную обстановку в 30–40-е гг. прошлого столетия, работы по пополнению музея книгами не прекращались. Известно, что все книги, написанные арабской графикой, хранились вместе с другими книгами, и их количество превышало 1000 экземпляров.

В настоящее время этот фонд пополняется новыми рукописями. Но сохранить их в Бухаре – одна из сложных проблем. Действия по их централизации оставляет судьбу книг музейной коллекции под вопросом. Хочется отметить, что книги-шедевры, собранные на этой земле более 100 лет назад, должны остаться на этой земле.

Ключевые слова: Бухарский музей, Б. Казаков, Научный центр «По изучению восточных арабографических рукописей», «Истории Муллазода», вакуфные документы, Коран

Sherali G. Juraev

FORMATION OF THE COLLECTION OF SCIENTIFIC MANUSCRIPTS OF THE BUKHARA MUSEUM

Abstract

The article examines the collection of handwritten and lithographic books and documents in the collections of the Bukhara Museum, which has been formed over many years. The work was prepared on the basis of data from the museum's inventory books, archival documents and scientific research by museum staff. The article highlights the scientific and collecting activities of the museum staff and analyses the palaeographic properties of individual lists of manuscripts.

Prior to the creation of the museum in Bukhara, the Bukhkomstaris organization (Bukhara Committee for the Protection of Cultural Monuments) handed over to the museum the manuscripts that made up the museum's first collection. Although the situation was somewhat unstable in the 30-40s of the last century, the volume of work on replenishing the museum with books did not stop. It is known from archival data that all books written in Arabic were stored together with other books, and their number exceeded 1000. Unfortunately, due to the limited information in the documents, we were not able to collect the data completely.

Currently, this fund is being replenished with new manuscripts. But keeping them in Bukhara is one of the difficult problems. Actions to centralize them leaves the fate of the books in the museum collection in question. I would like to note that the masterpiece books collected on this earth for more than 100 years should remain on this earth.

Джураев Шерали Гулямович, *заведующий отделом искусства и этнографии Бухарского государственного музея-заповедника (Бухара), e-mail: sherali_gulyamovich@mail.ru*

Sherali G. Juraev, *Head of the Department of Art and Ethnography of the Bukhara State Museum-Reserve (Bukhara), e-mail: sherali_gulyamovich@mail.ru*

© Джураев Ш.Г., 2022

Key words: Islam, encyclopedia, history, orientalism, experience

Бухарский государственный музей-заповедник (далее – музей-заповедник) известен как сокровищница рукописных книг Востока. Музей хранит в своей коллекции около 6000 образцов рукописных и литографических книг и документов, а также образцы каллиграфии.

Музей в Бухаре был открыт в 1922 г. [31, с. 3] в результате деятельности «Тарихий асори-атиқа шубаси» (Филиал исторических артефактов), руководимого министром образования Бухарской народной советской республики, и в настоящее время он является одним из ведущих музейных центров Республики Узбекистан. Первый директор Бухарского музея А. Пулатов отмечал, что: «Был только создан музей, но обогатить его экспонатами и превратить в поистине современный музей – задача нового поколения» [20, с. 4].

В настоящее время фонды музея разнообразны по составу. Основу коллекции рукописей, старопечатных книг и документов составило бывшее имущество эмира Бухары [2, с. 17]. Инициаторами создания коллекции стали образованные люди времени Бухарской Народной Советской Республики (БНСР, 1920–1924 гг.), такие, как Файзулла Ходжаев, Муса Саиджонов, Кари-Юлдаш Пулатов и др. [22, с. 2]. После создания Бухарского музея наиболее ценные книги были переданы музею. Одними из первых экспонатов музея в 1920 г. стали рукописи священного Корана, собранные и переданные музею сотрудниками Бухарского комитета по охране памятников культуры и старины (Бухкомстарис). На листах отдельных рукописей сохранились оттиски печатей Бухкомстариса [21, с. 167]. Глава представительства России в БНСР Н.И. Соколов передал музею несколько книг из библиотечного фонда имени Файзуллы Худжаева, открытого при российском представительстве [6, с. 7]. В 1936 г. благодаря собирательской работе сотрудников музея количество книг, хранящихся в Бухарском музее, составило 293 единицы. Позже в состав фонда вошли еще 45 книг, подаренные в музей семьей краеведа, ученого, одного из первых профессоров Бухары Мусы Саиджонова, 11 из которых имеют личную печать учёного [5, с. 48]. Среди них произведение Пулата Салиева по истории Средней Азии и Бухары (XI–XV вв.), являющегося важным источником для исследования региона. За следующий короткий промежуток времени было собрано около 2 000 книг для музейной библиотеки, 1 356 из которых были редкими [23, с. 173]. В 1950 г. в библиотеку было принято 1 290 единиц исторических рукописей [7], и все книги хранились в одном и том же месте.

Как упоминалось выше, сбор, научное исследование и хранение манускриптов начались с момента создания Бухарского музея. На протяжении многих лет в этой области работали учёные ВУЗов, сотрудники музея. Руководитель Бухкомстарис Муса Саиджонов непосредственно руководил работой по организации музея. Он собрал рукописи и литографические произведения, которые потом подарил музею. Вакуфные документы (юридический документ вакф – в мусульманском праве имущество, переданное государством на религиозные или благотворительные цели) помогут изучить определённую часть истории. Такие документы периодически обновлялись по приказу бухарских правителей, таких, как Амир Шахмурад, Амир Насрулла, Музаффархан и др. Изучение вакуфных документов осуществлялось Мусой Саиджоновым [25, с.45], которого можно признать учёным, начавшим научную традицию изучения топографии городов на основе документов «вакф-наме» [27, с. 45]. Подтверждением нашего мнения также представляет «вакф-наме мавзолея Сайфиддина Бохарзи» [5, с. 48], первоначально переведённая Мусой Саиджоновым на узбекский язык в 20-е гг. XX в. Данный документ содержится в 3-х экземплярах [29, с. 25], один из них был передан в документальный фонд Бухарского музея из Бухарской областной библиотеки в конце прошлого столетия. На сегодняшний день в музейном фонде хранится более 20 вакуфных документов. Среди них самый ранний относится к XVI в., принадлежит медресе Гозиён в Бухаре. Остальные документы были написаны в период с XVII по начало XX в., в том числе вакуфный документ Даниял бий аталыка [15, с. 42], состоящий из 13 листов.

В течение нескольких лет в целях обогащения музейных фондов были осуществлены работы по сбору документальных памятников. В августе 1972 г. в фонд Бухарского музея в качестве экспонатов было принято более 230 предметов, ранее хранившихся в этом музее, но не зарегистрированных в Главной инвентарной книге [19]. Большинство из них являлись рукописными и литографскими книгами.

Большая часть книг, написанная на арабском, персидском и турецком языках, становится бесценными сокровищами музея. Фонд Бухарского музея богат не только историческими, но и художественными произведениями. В эти же годы фонды музея стали пополняться новыми экспонатами, переданными частными лицами. Среди них были образцы каллиграфии – «Китъа», сборники стихов классиков узбекской литературы Алишера Навои и др.

Поступление рукописных артефактов в музей продолжается и в последующие годы. Архивные материалы «Канцелярии Кушбеги (премьер-министра) эмира Бухарского», находка которых в 1930-е гг. была большой сенсацией в исторической науке, хранились в крепости бухарских правителей – резиденции Арк. В сентябре 1972 г. небольшая часть документов данного архива, хранящаяся в Бухаре, стала записываться в книгу приёма (КП или ГИК) музея [11, с. 74]. Под 75-ю инвентарными номерами было объединено около 2 000 документов. Затем в отдельном виде более 30 вакуфных документов и васика (купчая) получили статус музейных экспонатов. Именно эти документы составили первоначальную основу коллекции документов Бухарского музея. С этого же времени активно началась работа по их изучению [2, с. 19].

Внучка бухарского учёного, придворного поэта Мирзы Сами – М. Файзуллаева – подарила музею ряд книг и документов [26, с. 21]. В 1978 г. она же передала 78 документов, написанных на таджикском языке. Среди них рукописные документы из архива известного придворного каллиграфа Мирзы Сами: письма, стихотворения, образцы каллиграфии, черновые записи, сочинения, молитвы, записки и др. [19]. За 10 лет общее количество представленных предметов составило более 100 единиц. Кроме того, в 1981 г. приобрели литографический календарь и «пастир» – транспарант для нанесения линии на писчей бумаге. Труды Мирзы Сами по полноте и достоверности, содержащегося в них фактического материала, представляют уникальный источник по изучению истории Бухары [12, с. 8].

Ряд книг Мусы Саиджонова были приобретены музеем-заповедником в 1973 г. Среди них рукопись из 18 страниц “Проект реформы в Бухаре», изданная комитетом младобухарцев в 1337 г.х. (1919 г.), написанная на узбекском языке 24 октября 1930 г. Мусой Саиджоновым в городе Бухаре [19]. В последующие годы несколько книг были подарены музею потомками учёного-краеведа. Сведения об этом можно найти в книгах приёма, в документах фондово-закупочных комиссий и архивных документах музея-заповедника. В 1976 г. было куплено 6 единиц печатных книг. Среди них была арабографичная книга М. Павловича «Политическая борьба в Иране». В 1974 г. книга «История правления эмира Абдурахмана в Афганистане» была получена из Москвы [10, с. 106]. Данное литографическое произведение было издано в Кашмирском (Лохур) издательстве. Ценность произведения измеряется информацией, касающейся межгосударственных отношений, посольскими, торговыми отношениями, внутренней политикой страны, развитием ремесленничества, культуры и образования.

В 1970–1980-х гг. художником, реставратором Бухарского музея Ф.И. Водопщиным были переданы рукописные книги. В 1979 г. книга «Наводир уль-Ваке» (Редкие события) [16, с. 3] Ахмада Даниша была куплена за 300 рублей у гр. Мавлоновой. Тогда же из Института востоковедения АН Уз ССР были переданы в музей микрофильмы сборника рукописей и книги Ахмада Даниша из Ленинградского филиала Фотокинолаборатории АН СССР.

В 1981 г. научным сотрудником фонда музея Б.А. Казаковым был передан образец выездного билета (паспорта) начала XX в. На одной стороне документа представлен текст на русском языке, на другой стороне – текст на таджикском языке арабской графикой. Был выдан 1-го джумади ахир 1333 г.х. (1914–1915 гг.) и заверен печатью главного кушбеги (премьер-министром) мирзы Насруллы-бия. В 1983 г. принята литографическая книга “Алфа Лайлатин ва лайлатун (“Тысяча и одна ночь”)” – перевод знаменитой книги занимательных сказок [19].

В 1984 г. сотрудник музея Г. Курбанов подарил в фонд музея 10 ценных документов, таких как васика (купчая), долговые расписки и другие [13, с. 204]. Через год получены микрофильмы рукописей Бухарского просветителя Шарифжан Махдум Садри-Зиё. В 1986 г. директор музея Р.В. Альмеев передал в фонд священный Коран, подарок делегации Туниса [8, с. 75; 11, с. 74]. Научный сотрудник музея Б. Буранов также представил в музей 8 книг на арабском языке.

Собрание исторических документов состоит из двух коллекцией: 1) собственно музейная и 2) бывшая коллекция Бухарской областной библиотеки им. Ибн Сины [18, с. 2], поступившая в музей в 1986 г. [2, с. 18].

В фонд музея также вошли произведения, посвящённые истории Средней Азии, Индии, Афганистана, Турции и других стран. Одним из таких произведений является книга «Тарихи Табари" ("История Табари") [19], поступившая в музейный фонд в 1986 г. Её автором является Абу Джафар Мухаммад Ибн Джарир Табари, но книга является списком XVII века [5, с. 24]. Она может служить ценным источником по изучению истории Центральной Азии. Помимо этого списка, в фондах музея хранятся еще три списка данного произведения.

Музейный фонд также содержит источники, которые служат для изучения истории и культуры отдалённых стран и городов, в том числе и арабских стран. Например, "Халасатул вафо биахбари дарил мустафа" ("Избранное сочинение о родине пророка Мухаммеда") [4, с. 85], принадлежащее перу Али ибн Абдуллах ас-Самхуди. В произведении имеются интересные сведения о проводимых и запрещённых работах в городе Медина, объясняются в поэтическом стиле и стиле прозы названия географических топонимов, аспекты, связанные с медициной.

В результате собирательской работы сотрудников музея, только за два года (1986–1987 гг.), фонд письменных памятников пополнился 443 книгами [2, с. 21]. В 1987 г. сотрудник музейного фонда Мансуре Парастепанох подарила 2 книги, посвящённые науке хадисоведения. 1988 год является очень важным для музейных коллекций, особенно для документального фонда, т.к. в музее была проведена работа по возвращению ранее переданных экспонатов из других организаций и музеев. В музейный фонд были возвращены около 150 рукописей, хранившихся в библиотеке им. Ибн Сины Бухарской области. Большая часть этих книг были переданы Х. Тураевым, научным сотрудником музея [19]. Рост коллекции определил необходимость создания отдельного научного центра, задачами которого будут хранение, изучение и представление научного наследия рукописной письменности. Недостаточное количество научных сотрудников, а также для подъема уровня научно-исследовательских работ в составе музея-заповедника были созданы новые научные центры [3, с. 90]. Например, научный центр «По изучению восточных арабографических рукописей». Он существовал с 1990 по 2017 год в качестве филиала Института Востоковедения имени Абу Райхана Бируни [24, с. 3].

Рукописи и литографические произведения, хранящиеся в музейном фонде относятся к разным областям науки: история, философия, право, география, медицина [17, с. 62]. Среди рукописей ценными являются списки священного Корана. Сборники в количестве более 60 экземпляров хранятся в фонде музея-заповедника и состоят из рукописей, переведённых различными каллиграфами с VIII по XX век, литографические произведения XIX–XX вв. и книги, подаренные музею из разных стран в годы независимости Узбекистана.

Среди них есть один лист большого Лангарского Корана (ещё называется Катта Лангар), 12-22 строчки (аят) 58-й суры "Муджодала" ("Препирательства") [1, с. 5], а также первые 3 строчки (аяты) суры "Хашр" ("Собрание"). Первоначально данный экземпляр Корана хранился в музейной библиотеке, но потом в 2007 г. был отправлен научными сотрудниками музея в Институт Востоковедения [30, с. 1] и после того, как стало известно, что этот фрагмент является частью Лангарского Корана, был принят в качестве ценного музейного экспоната в фонд музея. Крупная уникальная книга среди списков Корана экспонируется "Тарикат Накшбандия" (музей об истории суфийского ордена Накшбанди) [28, с. 249].

В коллекции музея представлены кораны разных размеров: большие, средние и совсем маленькие карманные экземпляры, которые паломники хранили у себя во время поездки в специальных футлярах, поэтому их называли "Коран Багали ("Коран карманный")" или "Коран сафари ("Коран для путешествия")". Имеются и рукописи в виде части Корана, как "хафтияк" (1/7 часть Священного Корана) и "сипора" (1/30 часть Священного Корана), одна из которых "Панджсура" (это часть сур Священного Корана, которые читают во время намаза) получила статус музейного экспоната в 1947 г. Имя каллиграфа, место и время переписки неизвестно, это можно узнать по почерку каллиграфа по другим источникам [14, с. 147]. Два Корана были подарены Тургутом Озалем – Президентом Турецкой Республики в 1993 г. в ходе визита в Бухару.

Музеи должны не только сохранять и демонстрировать древнее и средневековое научное наследие, но и регулярно обогащать свои коллекции новыми, уникальными памятниками, в данном случае, рукописями. За последние два года несколько рукописных книг были приняты фондо-закупочной комиссией музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альмеев Р.В.* Бесценное наследие великих предков // Бухарский вестник. 2007. № 68 (16978) С. 5.

2. *Альмеев Р.В., Казаков Б.А.* Рукописный фонд Бухарского гос. музея (состав, пополнения, изучения) // Archaeographia. Orientalis. Материалы всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археографии. Москва. 1990. С. 17–24.

3. *Альмеев Р.В.* Бухара – город музей. Ташкент. 1999.128 с.

4. *Ахмедов А.Ф.* Бухоро музейида Мадина тарихига оид қҳлёзма // InfoLIB ахборот-кутубхона хабарномаси, 2018, №3 (15). С. 84–86.

5. *Ахмедов А.Ф.* Бухоро музейларидаги қадимги қҳлёзма дурдоналар. Бухара. 2018. 48 с.

6. *Болтаев А.Х.* Бухоро музейи – тарихий ҳлкашунослик маркази сифатида. Ташкент. 2019. 37 с.

7. Бухарский государственный архив. Ф. 1175. Оп. 1 Д. 18.

8. *Джураев Ш.Г.* Бухарский музей – центр древних Коранов // Ислом тафаккури. 2020. № 3. С. 73–76.

9. *Джураев Ш.Г.* Из истории Бухарского государственного музея-заповедника. Создание музеев и выставок // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск. 21.09.2021. С. 67–73.

10. *Джураев Ш.Г.* Научные сотрудники музея – собиратели ценных артефактов // Тамаддун силсиласи. 2020, № 1. С. 104–109.

11. *Джураев Ш.Г.* Собрание ценных артефактов – арабографические рукописи, документы // InfoLIB. 2020. № 3 (23). С. 70–76.

12. *Епифанова Л.М.* Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения её к России. Бухара. Ташкент, 1965. 125 с.

13. *Жураев Ш.Ғ.* Бухоро музейи нумизматик ва эпиграфик буюмлари тарихчи ва нумизмат олим Ғ.Н.Қурбонов илмий меросида // ɜрта Осиё археологияси кафедраси: “Авлодлар изланиши ва кашфиётлари” тҳплами. Тошкент, 2020. С. 201–206.

14. *Жураев Ш.Г.* Толкование священной книги в Бухарском музее // Россия-Узбекистан. Международные образовательные и социально-культурные технологии: векторы развития. Челябинск. 2019. С. 146–148.

15. *Казаков Б.А., Тураев Х.Х.* Свод документов Даниял-бия аталыка // Бартольдские чтения. Год 5-й. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981. С. 42–43.

16. *Казаков Б.А.* Автограф Ахмад Даниша // Советская Бухара. 1979. №136 (11609). С. 3.

17. *Казаков Б.А.* Коллекция исторических документов Бухарского государственного музея-заповедника // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент. 1990. С. 62.

18. *Казаков Б.А.* Новые документальные памятники // Советская Бухара. 1985. №186. С. 3

19. КП (Книга приёма или Главная инвентарная книга) Бухарского музея-заповедника. №№ 7–48.

20. *Пулатова М.Ш.* Асрлардан гувохлик бериб // Бухоронома. 2002. № 40. С.4

21. *Равшанов У.Р.* Олтин суви юритилган битиклар // “Бухорони туризм чорраҳасига айлантириш имкониятлари” халқаро илмий амалий конференция мақолалар тҳплами. Бухара. 2019. С. 165.

22. Редакционная коллегия. Юбилей музея // Бухоро ҳақиқати. 1982. № 239. С. 4.

23. *Садыкова Н.С.* Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975. 236 с.

24. *Сафаров А.* Бухорода илмий марказ // Бухоро ҳақиқати, 1990. № 189. С. 3.

25. *Тураев Х.Х.* Маҳаллий ҳлкашунослар-нинг илмий меросида тарихий топография ва меъморий обидалар тарихи. Бухоро. 2019. 72 с.

26. *Тураев Х.Х.* Мирза Сами // Бухоро мавжлари. 2015. № 4. С. 29–31.

27. *Тураев Х.Х.* Муса Саиджонов // Мозийдан садо. 2014. № 1. С. 45.

28. *Тураев Х.Х.*, Шарипов Ю. Бухоро музейида сақланаётган Қуръоннинг қҳлёзма нусхаси // Имом аль-Бухарий сабоклари. 2004. № 4. С. 249.

29. *Чехович О.Д.* Бухарские документы XIV в. Ташкент. 1965. 330 с.

30. *Халилов А.* Хазинанинг ноёб ганжинаси // Бухоронома. 2007. № 52. С. 4.

31. Церемония открытия в Бухаре первого музея // Бухоро ахбори. 1922. № 112. С. 3.

REFERENCES

1. Almeev, R.V. *Bessennoe nasledie velikix predkov* [Priceless heritage of great ancestors]. In: Buxarskiy vestnik [Bukhara Bulletin]. 2007. No. 68–69. P. 5 (in Russ).

2. Almeev, R.V. Kazakov, B.A. *Rukopisniy fond Buxarskogo gos. muzeya (sostav, popolneniya, izucheniya)* [The manuscript fund of the Bukhara State Museum (composition, replenishment, study)]. Materiali vsesoyuznogo rabochego soveshaniya po problemam vostochnoy arxeografii [Materials of the All-Union workshop on the problems of Eastern archaeographies]. Moscow, 1990. P. 17–24 (in Russ).

3. Almeev, R.V. *Buxara – gorod muzey* [Bukhara is a museum city]. Tashkent. 1999. 128 p. (in Russ).

4. Ahmedov, A.F. *Buxoro muzeyida Madina tarixiga oid qo‘lyozma* [A manuscript on the history of the Medina in the Bukhara Museum]. InfoLIB, 2018. No. 3 (15). P. 84–86 (in Uzbek).

5. Ahmedov, A.F. *Buxoro muzeylaridagi qadimgi qo'lyozma durdonalar* [Ancient manuscripts in the museums of Bukhara]. Bukhara:Durdona. 2018. 48 p. (in Uzbek).

6. Boltaev, A.H. *Buxoro muzeyi - tarixiy o'lkashunoslik markazi sifatida* [Bukhara museum as a historical center of local lore]. Tashkent: Navruz, 2019. 37 p. (in Uzbek).

7. *Buxarskiy gosudarstvenniy arxiv* [Bukhara State Archive]. Fond 1175, opis. 1, delo 18. (in Russ).

8. Djurayev, Sh.G. *Buxarskiy muzey – sentr drevnix Koranov* [Bukhara Museum - center of ancient Korans]. In: *Islom tafakkuri* [Islamic Thinking]. 2020. No 3. P. 73–76. (in Russ).

9. Djurayev, Sh.G. *Iz istorii Buxarskogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika. Sozdanie muzeev i vystavok* [From the history of the Bukhara State Museum-Reserve. Creation of museums and exhibitions]. Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes are the most important factors of stable development of the Eurasian countries. Omsk, 21.09.2021. P. 67–73. (in Russ).

10. Djurayev, Sh.G. *Nauchnie sotrudniki muzeya – sobirateli sennix artefaktov* [Scientific staff of the museum - collectors of valuable artifacts]. In: *Tamaddun silsilasi* [The chain of civilizations]. 2020. No 1. P. 104–109. (in Russ).

11. Djurayev, Sh.G. *Sobranie sennix artefaktov – arabograficheskie rukopisi, dokumenty* [Collection of valuable artifacts - Arabographic manuscripts, documents]. InfoLIB. 2020. No. 3 (23). P. 70–76. (in Russ).

12. Yepifanova, L.M. *Rukopisnie istochniki po istorii Sredney Azii perioda prisoedineniya yeyo k Rossii. Buxara* [Handwritten sources on the history of Central Asia during its annexation to Russia. Bukhara]. Tashkent, 1965. 125 p. (in Russ).

13. Djurayev, Sh.G. *Buxoro muzeyi numizmatik va epigrafik buyumlari tarixchi va numizmat olim G'.N.Qurbonov ilmiy merosida* [Numismatic and epigraphic items of the Bukhara Museum in the scientific heritage of the historian and numismatist G.N. Kurbanov]. In: A*vlodlar izlanishi va kashfiyotlari* [Searches and discoveries of generations]. Tashkent: UzMU. 2020. P. 201–206. (in Uzbek).

14. Djurayev, Sh.G. *Tolkovanie svyashennoy knigi v Buxarskom muzee* [Interpretation of the holy Book in the Bukhara Museum]. In: *Rossiya-Uzbekistan. Mejdunarodnie obrazovatel'nie i sosial'no-kul'turnie texnologii: vektori razvitiya* [Russia-Uzbekistan. International educational and socio-cultural technologies: vectors of development]. Chelyabinsk, 2019. P. 146–148. (in Russ).

15. Kazakov, B.A., Turaev, X.X. *Svod dokumentov Daniyal-biya atalika* [A set of documents of Daniyal-biya atalyk]. In: *Bartol'ldskie chteniya. Tezisi dokladov i soobsheniy* [Barthold's readings. Abstracts of reports and messages]. Year 5. Moscow, 1981. P. 42–43. (in Russ).

16. Kazakov, B.A. *Avtograf Axmad Danisha* [Autograph of Ahmad Danisha]. In: *Sovetskaya Buxara* [Soviet Bukhara]. 1979. No. 136. P. 3. (in Russ).

17. Kazakov, B.A. *Kolleksiya istoricheskix dokumentov Buxarskogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika* [Collection of historical documents of the Bukhara State Museum-Reserve]. In: *Iz istorii kul'turnogo naslediya Buxari* [From the history of the cultural heritage of Bukhara]. Tashkent. 1990. P. 62. (in Russ).

18. Kazakov, B.A. *Novie dokumental'nie pamyatniki* [New documentary monuments]. In: *Sovetskaya Buxara* [Soviet Bukhara]. 1985. No. 186. P. 3. (in Russ).

19. *KP (Kniga priyoma ili Glavnaya inventarnaya kniga) Buxarskogo muzeya-zapovednika* [KP (Reception book or Main inventory book) of the Bukhara Museum-Reserve]. No. 7–48. (in Russ).

20. Pulatova, M.Sh. *Asrlardan guvoxlik berib* [Testifying to the ages]. In: *Buxoronoma* [Buxoronoma]. 2002. No. 40. P. 4. (in Uzbek).

21. Ravshanov, U.R. *Oltin suvi yuritilgan bitiklar* [Gilded inscriptions]. In: *Buxoroni turizm chorrahasiga aylantirish imkoniyatlari" xalqaro ilmiy amaliy konferensiya* [International scientific and Practical conference «Possibilities of turning Bukhari into a tourist resort]. Bukhara: Fayz-print, 2019. P. 165. (In Uzbek).

22. Editorial team. Yubiley muzeya [Anniversary of the museum]. In: Buxoro haqiqati [The truth of Bukhara]. 1982. No. 239. P. 4. (in Russ).

23. Sadykova, N.S. *Muzeynoe delo v Uzbekistane* [Museum business in Uzbekistan]. Tashkent, 1975. 236 p. (in Russ).

24. Safarov, A. *Buxoroda ilmiy markaz* [Scientific center in Bukhara]. In: Buxoro haqiqati [The truth of Bukhara]. 1990. No. 189. P. 3. (in Uzbek).

25. Turaev, H.H. *Mahalliy o'lkashunoslarning ilmiy merosida tarixiy topografiya va me'moriy obidalar tarixi* [The history of historical topography and architectural monuments in the scientific heritage of local peoples]. Bukhara, 2019. 72 p. (in Uzbek).

26. Turaev, H.H. *Mirza Sami* [Mirza Sami]. In: *Buxoro mavjlari* [Waves of Bukhara]. 2015. No 4. P. 29–31. (in Uzbek).

27. Turaev, H.H. *Musa Saidjanov* [Musa Saidzhanov]. In: *Moziydan sado* [Echo of history]. 2014. No. 1. P. 45. (in Uzbek).

28. Turaev, H.H, Sharipov, Y. *Buxoro muzeyida saqlanayotgan Qur'onning qo'lyozma nusxasi* [Handwritten copy of the Qur'an stored in the Bukhara Museum]. In: *Imom al'-Buxariy saboklari* [Lessons of Imam Al-Bukhari]. 2004. No. 4. P. 249. (Iin Uzbek).

29. Chexovich, O.D. *Buxarskie dokumenti. XIV v.* [Bukhara documents. XIV]. Tashkent. 1965. 330 p. (in Uzbek).

30. Xalilov A. *Xazinaning noyob ganjinasi* [A unique masterpiece of treasure]. In: Buxoronoma. 2007. No. 52. P. 4. (in Uzbek).

31. *Seremoniya otkritiya v Buxare pervogo muzeya* [The opening ceremony of the first museum in Bukhara]. Bukhoro akhbori. 1922. No. 112. P. 3. (in Russ).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-3-91-97
УДК 821 (470.57)

А.А.Усманова

МӘҮЛИТ ЯМАЛЕТДИНОВТЫҢ «ҠУЛАСА» ТАРИХИ РОМАНЫНДА БАШҠОРТ ФОЛЬКЛОРЫ ЖАНРҘАРЫ САҒЫЛЫШЫ (ОТРАЖЕНИЕ ЖАНРОВ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ МАУЛИТА ЯМАЛЕТДИНОВА «КРУГ»)

Аннотация

В данной статье анализируется исторический роман видного башкирского поэта и прозаика, Заслуженного деятеля искусств Республики Башкортостан, кавалера ордена Салавата Юлаева Республики Башкортостан, лауреата литературной премии имени Мусы Муртазина Маулита Ямалетдинова «Круг» («Ҡуласа»).

«Круг» – роман о свободолюбивом и мужественном бие и талантливом сэсэне Кубагуше, где разносторонне и полно раскрывается его характер, историческая, культурно-просветительская роль в башкирской общественной жизни. Писатель, кропотливо изучая архивные документы, по крупицам собирает сведения об этой яркой личности. Рожденное в результате этого эпическое полотно обогатило башкирскую историческую прозу, открыло неизведанные ранее страницы истории башкирского народа.

Произведение имеет довольно своеобразную композицию и состоит из трех больших частей. В нем описываются события конца XV – начала XVI в., в основе которых лежит хронологический принцип изложения. Но есть и моменты, где в отдельных частях совершаются экскурсы в прошлое, передаются более древние исторические факты. В вышеназванный период башкирский народ был под игом Белой Орды, Ногайского и Сибирского ханств.

Нужно отметить, что характерной особенностью индивидуального стиля автора является использование богатых традиций башкирского народного творчества и приемов сэсэнов-импровизаторов. Поэтому на первый план выдвигается своеобразное использование жанров башкирского народного творчества. Выделяются с конкретными примерами употребление таких жанров, как: кубаир, заговор, песня, пословица, поговорка, баит, тулгау и др. Все это дает роману национальный колорит, этнографические черты.

Ключевые слова: башкирская литература, роман М. Ямалетдинова, жанры башкирского народного творчества

Al'finur A. Usmanova

REFLECTION OF THE GENRES OF BASHKIR FOLK CREATIVITY IN THE HISTORICAL NOVEL "CIRCLE" BY MAULIT YAMALETDINOV

Abstract

This article analyzes the historical novel of the prominent Bashkir poet and prose writer, Honored Art Worker of the Republic of Bashkortostan, holder of the Order of Salavat Yulaev of the Republic of Bashkortostan, laureate of the literary prize named after Musa Murtazin Maulit Yamaletdinov «Circle» («Ҡulasa»).

«Circle» is a novel about the freedom-loving and courageous bey and talented sesen Kubagush, where his character, historical, cultural and educational role in the Bashkir public life is diversified and fully revealed. The writer

Усманова Альфинур Алмасовна, *аспирант кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: alfinyr2012@yandex.ru*

Al'finur A. Usmanova, *postgraduate student of the Department of Bashkir Literature, Folklore and Culture of the Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Bashkir State University (Ufa), e-mail: alfinyr2012@yandex.ru*

© Усманова А.А., 2022

painstakingly studying archival documents bit by bit collects information about this bright personality. The epic canvas born as a result of this enriched the Bashkir historical prose, opened previously unknown pages in the history of the Bashkir people.

The work has a rather peculiar composition and consists of three large parts. It describes the events of the late 15th – early 16th centuries, which are based on the chronological principle of presentation. But there are also moments where in some parts excursions into the past are made, more ancient historical facts are transmitted. In the above period, the Bashkir people were under the yoke of the White Horde, the Nogai and Siberian khanates.

It should be noted that a characteristic feature of the author's individual style is the use of the rich traditions of Bashkir folk art and the techniques of improvisers. Therefore, a peculiar use of the genres of Bashkir folk art comes to the fore. Genres such as: kubair, conspiracy, song, proverb, saying, bait, tulgau, etc. stand out with specific examples of use. All this gives the novel a national flavor, ethnographic features.

Key words: bashkir literature, novel by Mavletbay Yamaletdinov, genres of Bashkir folk art

Учалы районы Аһылай ауылында тыуып үҫкән билдәле шағир, яҙыусы, сәсән, ҡурайсы, киң һулышлы, ҙур ынтылышлы ижадсы, Муса Мортазин, Фәтих Кәрим, Мөхәммәтша Буранғолов һәм Рәмзилә Хисаметдинова исемендәге премиялар лауреаты, Башҡортостандың атҡаҙанған сәнғәт эшмәкәре, Салауат Юлаев ордены кавалеры Мәүлит Байгилде улы Ямалетдиновтың йөкмәткеһе, темаһы, идеяһы йәһәтенән мөһим булған ижады башҡорт әҙәбиәтендә алдынғы урынды биләп тора [7, 114-се б.; 11, 654–655-се б.]. Уның төрлө тематикалы, халыҡ тарихының төрлө осорона ҡараған тиҫтәләгән шиғри китаптары, повесть һәм хикәйәләре, романдары милли ерлекле, халыҡсан рухлы, уҡыусыла башҡорт халыҡ ижадына һөйөү тәрбиәләүгә ынтылышлы булыуы менән айырыла. Уларҙағы традицион һүрәтләү алымдары ҡулланылып тыуҙырылған образдар һәм образ-деталдәр үҙҙәрендә яңы йөкмәтке, рух ныҡлығы, әхлаҡи сафлыҡ туплай.

Күренекле прозаикҡа тыуған илен әрнеп, һыҙланып яратыу, халҡының яҙмышы өсөн ныҡ борсолоу хас. Әҫәрҙәрендә ул халҡының терәге, таянысы һәм ғәзиз улы ролендә сығыш яһай, халҡыбыҙ тарихын, ҡатмарлы яҙмышын яҡтыртыуҙы үҙенең намыҫ эше, бурысы, тип иҫәпләй. Тыуған илгә һәм ергә ҡарата булған һөйөү тойғолары уны милләтебеҙҙең ҡанлы ла, данлы ла тарихына ҡабат-ҡабат әйләнеп ҡайтырға мәжбүр итә, үткән замандағы хәл-ваҡиғаларҙы бөгөнгө күҙлектән ҡарарға саҡыра. Был йәһәттән әҙиптең тарихи темаға яҙған әҫәрҙәре араһында 2007 йылда донъя күргән «Ҡуласа» романы айырым иғтибарға лайыҡ.

«Ҡуласа» – Мәүлит Ямалетдиновтың Ҡобағош сәсән хаҡындағы тарихи романы. Ә тарихи әҫәр иһә – тарихи дөрөҫлөктө бар байлығында художестволы сағылдырыу емеше ул [13, 9-сы б.]. Автор әҫәрен «Ҡобағош сәсән» тип кенә атамай, сөнки «Ҡуласа» атамаһы авторҙың үҙ концепцияһы, сюжет һыҙыҡтарының, сюжеттың үҙенсәлеге һәм романдың идея йүнәлеше менән бәйле. Унда автор үткәндәрҙе байҡап, милли рухыбыҙға, бөгөнгөбөҙгә терәк эҙләй, үткән менән әлегебеҙҙе бәйләргә, улар араһындағы мөнәсәбәттәрҙе аныҡ күрһәтергә, уҡыусыға башҡорт халҡының тарихи асылын асыҡларға, аңларға ярҙам итергә ынтыла, бөгөнгөбөҙҙө, киләсәкте тоҫмалларға булышлыҡ итергә тырыша. «Ҡуласа» тарихи романы бына ошо ихтыяждарҙан сығып барлыҡҡа килтерелгән. Унда киң арауыҡ сиктәрендә барған ваҡиғаларҙан торған ваҡыт һәм урын-ер, хәрәкәт берлеге аша, шул осорҙоң социаль-ижтимағи атмосфераһы, төрлө мөхиттәге көнкүреш, йәмғиәттәге рухи тормош киң сағылдырылған [5, 78-се б.].

Прозаик төп геройын һәр саҡ азатлыҡ яҡлы, көслө, аҡыллы бей һәм бик талантлы сәсән итеп күҙ алдына баҫтыра. Быға өлгәшеү өсөн ул Ҡобағошҡа бәйле мәғлүмәттәрҙе бөртөкләп йыя, уҡыусыға билдәле булмаған йә иһә иғтибарҙан ситтә ҡалдырылған тарих биттәрен барлап, уларҙы ентекле тасуирлай һәм архив документтары менән ныҡлап эш итә. Ә документаль сығанаҡтарға таянып яҙылған хәҙерге башҡорт романдары үҙҙәренең стиле, формаһы ҡатмарлығы һәм фактологик материал нигеҙендә яҙылыуҙары менән ҡырҡа айырылып тороусан [12, 6-сы б.].

Үҙенсәлекле композицияға ҡоролған был әҫәрҙә XV–XVI быуат башы ваҡиғалары яҡтыртыла. Бик күп тарихи фактлар менән семәрләнгән роман өс өлөштән тора. «Ҡуласа» – күп сюжетлы роман. Бындай күп һыҙыҡлы сюжет ҡоролошо башҡорт әҙиптәренең һуңғы йылдарҙа аҡрынлап бер һыҙыҡлы хроникаль сюжеттан аҡрынлап күсә барыуы һөҙөмтәһе булараҡ тыуа [4, 44-се б.].

Һәр бүлектең нигеҙендә хронологик тәртипкә ҡоролған бәйәнләү ята. Һәр халыҡтың ауыҙ-тел

ижадында кешелектең *тарихи хәтерен мәңгеләштергән* (курсив беҙҙеке – Ә.У.) [1, 5-се б.; 10, 7-се б.] ифрат ҙур әһәмиәткә эйә булған жанрҙар барлығын яҡшы аңлаған әҙип хәл-ваҡиғаларҙы, күренештәрҙе тасуирлау процесында бәйет, һамаҡ, йыр, ҡобайыр, өлән, тулғау һәм башҡа халыҡ ижады жанрҙарын оҫта ҡуллана.

Әҙәбиәттең төп һүрәтләү объекты булып кеше, уның психологияһы, рухи донъяһы, һәр саҡ үҙгәреп-яңырып тороусы ысынбарлыҡта йәшәүсе ҡатмарлы шәхес образы тора [3, 4-се б.; 6, 241-се б.]. Ошондай шәхестәрҙең береһе Ҡобағош сәсән менән уҡыусы романдың беренсе бүлегендә үк таныша. Ошоға үрелеп, әҫәрҙә Күбәләк ырыуының көнитмеше лә асып һалына. Баҡһаң, Сөн менән Әсән йылғалары буйында маҡам тотҡан Күбәләк тә, Ҡобағош кеүек үк, Баба Төкләҫ мырҙаға яһаҡ түләй икән [15, 6-сы б.]. Ҡобағоштоң характеры ныҡ ҡырҡыу, киҫкен ситуацияларҙа аныҡ күрһәтелә: «Ҡыйымдың ҡыҙған бер мәлендә яу ҡомарына бирелеп ярһыған Йортбағыш, *күҙәмәгә ябай булмаған* бер дошман яугирен сапмаҡ булып, ҡылысын өҫкә күтәрҙе. Ләкин ул дәһшәтле ҡоралын һелтәп өлгөрөрҙән алда күҙҙәре әлеге яугирҙең *ут сәсеп торған ҡарашы* менән осрашты. Йортбағыш уны донъялағы һис кемдеке менән бутаясаҡ түгел ине. Эйе, был башына торҡа кейеп, йөҙөнөң аҫҡы өлөшөн эйәксен менән ҡаплағанлыҡтан *танымаҫлыҡ булып үҙгәргән* атаһы ине. Ҡобағош та көтөлмәгән осрашыуҙан бер мәлгә ауара хәлендә ҡалды» [15, 89-сы б.]. Ҡобағош ҡурҡыу белмәҫ, иле, тыуған ере өсөн йәнен дә аямаҫ башҡорт батыры итеп һынландырыла.

Романда айырым бер урынды Ҡобағош сәсәндең ҡобайырҙары тәшкил итә. Улар иһә һүрәтләнгән ваҡиғаларға романтик яңғыраш өҫтәй һәм геройҙың характерын асып биреүҙә ҙур роль уйнай. Улар уның импровизаторлыҡ һәләте үҫешкән булыуын дәлилләп тора: «Уландары йомошон үтәргә йүгергәс, йөрәкһегән Ҡобағош кире тирмә эсенә инде. Берәй нәмәне хәл итеүҙе көткән ошондай киҫкен мәлдәрҙә уның күңел ишеген илһам фәрештәһе ҡаға торғайны. Был изге зат әле лә үҙенең ғәҙәтенә тоғро ҡалды – сәсәндең дауырғыған булмышына ҡобайыр юлдары шыбырларға тотондо:

Ай, дау килә, дау килә,
Дау артынан яу килә.
Унан өркөр ирҙәрҙең
Ил-йортона зау килә.
Яу күрмәгән ил булмаҫ,
Ҡан кисмәйсә, юл булмаҫ.
Яу яғанан алғанда,
Йософ беҙгә ҡул булмаҫ» [15, 49–50-се б.].

Йәки:

Уралҡайҙан бейек, ай, тау булмаҫ,
Уралҡайҙы һөймәҫ тә йән булмаҫ.
Атҡайҙарға менеп, һаҙаҡ алһам,
Дошмандарға унда юл булмаҫ [15, 69-сы б.].

М. Ямалетдинов геройҙарының эске психологияһын ентекле һүрәтләргә ынтыла, күҙ уңынан кескәй генә деталдәрҙе лә ысҡындырмай. Мәҫәлән: «Ҡара Килембәт өндәшмәне, *күҙенең ағы* менән Мусаға бер ҡараш ташлағандан һуң, *йылмайғандай* итте. Ул *зеркенерәк холоҡло* ине, шуға күрә ағаһы менән еңгәһенең шаяртып әйтелгән һүҙҙәрен истиһза итеп ҡабул ҡылды. Уның *ҡомһарған күңелен* Ағайгилде йортондағы иң оҫта сәсәндең Ҡара Килембәтте һәм уның менән килгән башҡа ҡунаҡтарҙы һамаҡ менән сәләмләүе лә иретә алманы:

Хуш килдегеҙ Урҙаға,
Ағайгилде мырҙаға!
Һыу төшкәндәй йырҙаға,
Әйҙүк, әйҙүк, уртаға...» [15, 39-сы б.].

Автор бәйәнләү ағышына һамаҡты бик урынлы һәм яйлы итеп индереп ебәреү аша Ҡара Килембәтте, уның хәл-әхүәлен дә күҙ алдына хикәйәләп баҫтырыуға өлгәшә. Ул ояһы туҙҙырылған, ҡунырға ҡаяһы булмаған «бөркөт», тамыры киҫелгән ағас хәлендә ҡалған, «утыҡ таяуҙарын» юғалтҡан бер зат:

Ояһы туҙған бөркөтмөн –
Ҡуныр ҡая эҙләйем;
Тамырын киҫкән эрбетмен –
Утыҡ таяу эҙләйем [15, 104-се б.].

Ә инде Өйҙөрәк башында уҙғарылған яҙ байрамын һүрәтләгән моментта прозаик йыр жанрына мөрәжәғәт итә. Геройҙарҙың береһе, ун бише тулған Аҡһылыу, үҙенең туғандары һәм иң яҡын әхирәттәре менән майҙанға думбыра сиртеп, ҡурай тартып, йырлашып килеп инә:

Иртә лә томан, кис тә томан,
Яңы яуған ап-аҡ ҡар кеүек.
Арттарымдан һығылып илап ҡалды,
Май бирепкәй сәүгән йәр кеүек.

Йыр йырла лай, тип үк, әй, әйтәһең,
Ниндәй йырҙар һиңә бик кәрәк?
Инәләрҙән тыумаҫ, тыуһа тормаҫ,
Һинең кеүек егет бик һирәк [15, 44–45-се б.].

Тереләр өсөн донъя мәңгелек, баҡыйлыҡҡа күсеүселәрҙең генә ғүмерҙәре тамамлана; тормоштоң ялы ла, ҡойроғо ла юҡ – уны туҡтатырлыҡ һис бер сара уйлап табылмаған тип, әҙип үҙенең романына түбәндәге йыр юлдарын да индерә:

Үтәһең дә, ғүмерем, ай, үтәһең,
Арҡаларҙан елгән боландай... [15, 130-сы б.].

Инйәр генә буйы ҡара урман,
Урман эскәйҙәре – ҡарағай.
Ҡарағайҙай ирҙәр дуҫ булышһа,
Донъя ваҡлығына ҡарамай.
Инйәр генә һыуы иңрәп аға,
Аһ-зар менән өйкәп ярҙарын.
Моңло көйҙәр һағыныуҙы баҫа,
Иҫтәлеккә ҡалһын йырҙарым, –

тип моң монарына сорналған яғымлы тауышы менән йыр башлай ҡорҙа Ҡобағош та. Был йыр ҡорҙағы табаҡташтарҙың күңелдәрен тетрәтеп, булмыштарын мәсхурға әүерелдереп кенә ҡалмай, әйләнә-тирәләге бар тәбиғәтте лә моңға сорнай. Уның һуңғы ауазы яҡындағы урмандан шаңдау булып әйләнеп ҡайта [15, 136-сы б.].

Әҫәрҙә башҡорт халҡының этнографияһы ла асыҡ сағыла. Яҙыусының уҡыусыһын туған халҡының быуындан-быуынға тапшырыла килгән тормош-көнкүреш тәжрибәһе менән мөмкин тиклем киңерәк таныштырырға ынтылыуы ярылып ята. Мәҫәлән, Ҡобағош менән йәш бикәһе Көмөшәй мөнәсәбәттәрен тасуирлағанда, уларҙың бер-береһен һыйҙан ҡалдырмау – күршеләрҙең үҙенә күрә бер ғөрөф-ғәҙәте, тип билдәләп үтә [15, 6-сы б.]. Ҡоролтайҙар, оло йыйындар, унда ҡатнашҡан ҡунаҡтар һәм уларҙың тирмәләре [15, 24-се б.], һаба-һаба ҡымыҙ, табаҡ-табаҡ аш-һыу [15, 30-сы б.], һабантуй майҙандары, байрамдар [15, 62-се б.] һ.б. романда бик аныҡ һынландырыла.

«Ҡуласа»ны тарихи пландағы романтик роман тип тә атарға мөмкин, сөнки унда драматик хәл-ваҡиғалар, ҡан ҡойошло һуғыш-бәрелештәр генә һүрәтләнмәй, мөхәббәт, матурлыҡ, сафлыҡ һымаҡ изге төшөнсәләрҙе яҡтыртыуға ла ҙур урын бирелә. Бындай урындарҙа автор үҙе бер лирик герой ролендә сығыш яһаған кеүек тойола. Уның үҙенсәлекле лиризмы, романтик күңел ҡоролошо үҙенә тартып, күңелдәрҙе тибрәтеп тора. Тарихи-романтик романдың атамаһы ла символик мәғәнәгә эйә. Беҙҙең ғүмер – үҙе үк ҡуласа, тип инандырырға ынтыла автор. Бер туҡтауһыҙ ҡуласалай әйләнеп торған ғүмер айыштары һәр саҡ башланғысына кире ҡайта, тигән фекерҙә ул. Нисек кенә тырышһа ла, кешелек тәбиғәт ҡанундарын үҙгәртә алмай. Яҙыусының философик йомғаҡлауы ана шул рәүешле яңғырай.

Ошондай мәлдәрҙә автор туған халҡының алтын аҡылын сағылдырған һәм өгөт-нәсихәткә ҡоролған мәҡәлдәргә һәм әйтемдәргә йыш мөрәжәғәт итә. Улар тәрән мәғәнәле, тапҡыр һәм бик йыйнаҡ итеп төҙөлгән һәм халҡыбыҙҙың изге һүҙе, ҡиммәтле аманаты булып, быуаттар төпкөлөнән беҙҙең көндәргәсә килеп еткән. Бүтән жанрҙар үҫешендәге кеүек, мәҡәл һәм әйтемдәрҙең үҫешендә лә башҡорт халҡының донъяға ҡарашы, төрлө шарттарҙа эҙмә-эҙлекле камиллаша барған художестволы фекер һәм аң үҫеше сағылған [2, 5-се б.]. Мәҫәлән, *ил тигәндең кеме юҡ* [15, 25-се б.], *ике кәңәш бер булһа, илле егет йөҙ була* [15, 26-сы б.], *бер олоно, бер кесене тыңла* [15, 27-се б.], *дау – ирҙеке, яу – илдеке* [15, 29-сы б.], *аҡыллыға ишара* [15, 36-сы б.], *алдырыр көн яҙҙырыр* [15, 39-сы б.] һ.б.

Тотороҡло һүҙбәйләнештәр – фразеологизмдар ҙа романда үҙенә күрә ҙур ғына урынды биләп торалар: «Баҫҡын *энәһенән ебенә тиклем* тәфсилләп тикшерелгән, ҡат-ҡат уйланған ине, шуға күрә Петр Щенятев һәм Андрей Курбскийҙар етәкселегендәге утыҙ меңлек сиреү өс көнлөк юлға көньяҡҡа ҡайырылып, төп ғәскәрҙең уң ҡанатын бағауыллап барҙы» [15, 33-сө б.].

Поэтик яҡтан синкретик характерҙа булған, фольклор менән яҙма шиғриәт урталығында торған, мөнәжәт, йыр текстарынан эҙмә-эҙлекле сюжетҡа ҡоролоуы менән айырылып торған бәйеткә лә [8, 73–135-се б.; 9, 116–177-се б.; 14, 310-сы б.] «Ҡуласа» тарихи романында миҫалдар шығырым тулы. Мәҫәлән: «Ирекһеҙҙән әсирәгә әүерелгән кисәге ханбикә карап туҡтаған Ҡазан йылғаһына еткәнсе үҙе сығарып өлгөргән бәйетте көйләп барҙы. Һөйөмбикәнең йөрәк түренән сыҡҡан моң-зар уны оҙата сыҡҡан меңәрләгән ябай халыҡ күңеленә бөткөһөҙ һағыш булып уйылып ҡалды:

...Һөйөмбикә атым, нуғай затым,
Ҡайҙа минең ханлыҡ тәхетем?
Ҡайҙа һылыу сағым, нурлы йөҙөм,
Хан бикәһе булған ваҡытым?..» [15, 20-се б.].

Романда шулай уҡ ҡобайырҙың бер төрө булып һаналған тулғау жанры ҡулланылған осраҡтар ҙа бар: «Ул, күҙҙәрен ҡыса биреберәк, тау үркәстәре өҫтөнән ағылған болоттарға, күк иңләп өйөрөлгән бөркөттәргә ҡарап бер аҙ уйланып ултырҙы ла, тынып ҡалған һыйҙаштарына тулғау әйтергә кереште:

Күктә болот ағыла,
Тау һыртына ҡағыла.
Боронғоға күҙ һалһаң,
Бөгөнгөбөҙ сағыла.
Беҙ инекме заңһыҙ ил,
Заңды тотмаҫ аңһыҙ ил?
Исемдәре дүрт яҡҡа
Ҡурҡыу һалған ханһыҙ ил?
Заңыбыҙҙан ни ҡалды?
Даныбыҙҙан ни ҡалды?
Беҙ белекһеҙ булғанға,
Ил-йортобоҙ ҡыйралды.
Ҡырҡ ырыуға бер ҡаған –
Именлектең билгеһе;
Бер ырыуға ҡырҡ ҡаған –
Мин-минлектең билгеһе.
Күктә болот ағыла,
Тау һыртына ҡағыла.
Бөгөнгөгә ҡараһаң,
Килер көндәр сағыла» [15, 132–133-сө б.].

Йәки:

«Күк монарға төрөнөп,
Оло-ҡара күренеп,
Араһынан уҡ үтмәҫ
Ялпыу һымаҡ теҙелеп,
Түшен киргән анау тау
Урал булмай, ни булһын?
Үткәндәрҙе буйлатып,
Зарлы уйҙар уйлатып,
Күңеле йомшаҡ әҙәмдең
Күҙен йәшкә сылатып,
Моң сығарған ҡыу үлән
Ҡурай булмай ни булһын? – тигән тулғауҙан башлап алып китте» [15, 170-се б.].

Башҡорттарҙың боронғо йыры – өлөңгә лә ярайһы уҡ ҙур ғына иғтибар бирелә әҫәрҙә. Мәҫәлән:

Ай-ҡояштың аҫтында
Яңғыҙ елгән бар микән?
Ҡабарып ҡалҡҡан болоттоң
Һөтөн имгән бар микән?
Күк көмбәҙе ете ҡат,
Унда менгән бар микән?
Атҡа менһә, алаптай,
Ергә төшһә, ҡалаҡтай –
Уны белгән бар микән? [15, 192-се б.]

Һарынды ла, һамаҡ рәүешендә еңел көй менән әйтелгән йыр, һар, тип аңлатып, Мәүлит Байгилде улы уны романда бик урынлы ҡуллана: «Ҡобағош Бисәнбайҙың үҙ һарыны менән яуапланы:

Ай-ҡояштың аҫтында
Яңғыҙ елгән – тилбер ел;
Ҡабарып ҡалҡҡан болоттоң
Һөтөн имгән – изге ер;
Күк көмбәҙе ете ҡат,
Унда менгән осҡор зат –
Әҙәмдәрҙең уйылыр;
Атҡа менһә, алаптай,
Ергә төшһә, ҡалаҡтай –
Иргәйелдең буйылыр» [15, 193-сө б.].

Мәҡәлдәр, әйтемдәр, ҡобайырҙар, өлөңдәр, тулғауҙар, йырҙар, һарындар, бәйеттәр һәм башҡалар бик боронғо ваҡыттарҙан уҡ халҡыбыҙҙың ауыҙ-тел ижадында үҙәк урынды биләп килә. Мәүлит Ямалетдиновтың «Ҡуласа» тарихи романында ошо халыҡ ижады жанрҙарының үҙенсәлекле ҡулланылышы күҙәтелә, автор уларҙы әҫәрҙең идея-тематик йөкмәткеһен, проблемаларын художестволы сағылдырып биреүҙә бик урынлы һәм оҫта файҙаланыуға өлгәшә. Был жанрҙарҙың һәммәһе лә әҫәрҙе романтик та, драматик та, байяңғырашлы, тәрән фәлсәфәүи мәғәнәле лә яһай. Улар, айырыуса мәҡәлдәр һәм әйтемдәр, романдың фәлсәфәүи фекер поэтикаһын байытыуға булышлыҡ итә, уның ябай һәм халыҡсан телен йәнләндереп һәм байытып ебәрә, тәрбиәүи әһәмиәтен көсәйтә. Йырҙар ҙа, ҡобайырҙар ҙа, тулғауҙар ҙа, мәҡәл-әйтемдәр ҙә, һарҙар ҙа һ.б. – барыһы ла халыҡтың дөйөмләштерелгән образын тыуҙырыусы мөһим элементтар булып тора. Башҡорт халҡының героик үткәне, ҡаһарманлығы, донъяға ҡарашы һәм тормош тәжрибәһе тап ошо

жанрҙар солғанышында асыла. Геройҙарҙың көндәлек тормошо ла, һөйөү шатлығы һәм айырылышыу ғазаптары ла иғтибарҙан ситтә ҡалмай.

Мәүлит Байгилде улы үҙенең «Ҡуласа» тарихи романында тап ошондай кешелектең тарихи хәтерен туплаған халыҡ ижады жанрҙарын бик урынлы һәм оҫта файҙалана. Ул башҡорт теленең нескәлектәрен асыҡ һиҙемләп эш итә. Әҙиптең ижади һәләте менән фольклор жанрҙарының бергә үрелеүе ырыҫлы ижад емешенең донъя күреүенә килтерә. Романдың драматик һәм романтик һыҙаттары менән мәҡәлдәр, әйтемдәр, ҡобайырҙар, өләңдәр, тулғауҙар, йырҙар, һарындар, бәйеттәр һ.б. халыҡ ижады жанрҙарына хас художестволы үҙенсәлектәрҙең тығыҙ бәйләнештә килеүе уның стилен байыта, рухи ҡиммәтен арттыра, уны халыҡсан, мираҫлы һәм уҡымлы итә.

ӘҘӘБИӘТ

1. Башҡорт халыҡ ижады: Риүәйәттәр, легендалар. Икенсе том. Өфө: «Китап», 1997. 440 бит. (Башкирское народное творчество. Предания, легенды. Т. 2. Уфа: Китап, 1997. 440 с.).

2. Башҡорт халыҡ ижады. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. 10-сы том. 1-се китап. Өфө: Китап, 2006. 544 бит. (Башкирское народное творчество. Загадки и пословицы. Т. 10. Кн. 1. Уфа: Китап, 2006. 544 с.).

3. *Гареева Г.Н.* Психологизм в башкирской прозе 1960–1980-х годов: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 138 с.

4. *Гәрәева Г.Н.* Башҡорт прозаһында күп һыҙыҡлы сюжет тибы һәм уның 1930–1990-сы йй. үҫеше (*Гареева Г.Н.* Многолинейный тип сюжета в башкирской прозе и его развитие в 1930–1990 гг.) // Проблемы востоковедения. 2021/2 (92). С. 43–49.

5. *Гәрәева Г.Н.* XX быуаттың икенсе яртыһындағы башҡорт прозаһы. Өфө, 2010. 159 бит. (*Гареева Г.Н.* Башкирская проза второй половины XX века. Уфа, 2010. 159 с.).

6. *Гәрәева Г.Н., Салауатова Ф.Р.* Башҡорт әҙә-биәтендә психологизм (*Гареева Г.Н., Салаватова Ф.Р.* Психологизм в башкирской литературе) / Сохранение и развитие духовной культуры и родного языка в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию члена-корреспондента АН РБ Г.С. Кунафина. В 2-х частях. Часть I. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 332 с.).

7. *Камал Р.* Тарихыбыҙҙы яҡтыртыусы // Башҡортостан. Өфө, 2017, 114–116 б. (*Камал Р.* Освещающий нашу историю // Башкортостан. Уфа, 2017. С. 114–116).

8. *Кунафин Г.С.* И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX – начала XX веков. Уфа: Башкирское книжное издательство «Китап», 1999. 256 с.

9. *Кунафин Г.С.* Башкирская поэзия XIX – начала XX в. Вопросы жанровых и идейно-художественных особенностей. Уфа: АН РБ Гилем, 2011. 480 с.

10. *Нәҙершина Ф.А.* Риүәйәт һәм легендаларҙа халыҡ тарихы. Өфө: Китап, 2011. 360 бит. (*Надршина Ф.А.* В преданиях и легендах история народа. Уфа: Китап, 2011. 360 с.).

11. Писатели земли башкирской. Справочник / Сост.: Р.Н. Баимов, Г.Н. Гареева, Р.Х.Тимергалина. Переработанное и дополненное второе издание. Уфа: Китап, 2015. 672 с.

12. *Хуснуллина Р.Д.* Стилевые особенности современных башкирских исторических романов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. 2009. 24 с.

13. *Әлибаев З.А.* Башҡорт романдарының поэтикаһы. Өфө: Китап, 2017. 344 бит. (*Алибаев З.А.* Поэтика башкирских романов. Уфа: Китап, 2017. 344 с.).

14. *Әхмәтйәнов К.Ә.* Әҙәбиәт теорияһы. 4-се баҫма. Өфө: Китап, 2018. 400 бит. (*Ахмедьянов К.А.* Теория литературы. Изд. 4. Уфа: Китап, 2018. 400 с.).

15. *Ямалетдин М.* Ҡуласа. Тарихи роман, эссе. Өфө: Китап, 2007. 384 бит. (*Ямалетдин М.* Круг. Исторический роман, эссе. Уфа: Китап, 2007. 384 с.).

REFERENCES

1. *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo. Predaniya, legendy* [Bashkir folk art. Traditions, legends]. Vol. 2. Ufa: Kitap, 1997. 440 p. (in Bashkir).

2. *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo. Zagadki i poslovitsy* [Bashkir folk art. Riddles and proverbs]. Vol. 10. Book 1. Ufa: Kitap, 2006. 544 p. (in Bashkir).

3. Gareeva, G.N. *Psikhologizm v bashkirskoi proze 1960-1980-kh godov: uchebnoe posobie* [Psychologism in Bashkir prose of the 1960s–1980s: a textbook]. Ufa: RITS BashGU, 2012. 138 p. (in Russ.).

4. Gareeva, G.N. *Mnogolineynyy tip syuzheta v bashkirskoy proze i yego razvitiye v 1930–1990 gg.* [Multiple linear type of the plot in Bashkir prose and its development in 1930–1990]. In: *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2021. No. 2 (92). P. 43–49. (in Bashkir).

5. Gareeva, G.N. *Bashkirskaya proza vtoroj*

poloviny XX veka [Bashkir prose of the second half of the 20th century]. Ufa, 2010. 159 p. (in Russ.).

6. Gareeva, G.N., Salayatova, F.R. *Psikhologizm v bashkirskoy literature* [Psychologism in Bashkir literature]. In: *Sokhranenie I razvitie dukhovnoi kul'turi I rodnogo yazika v usloviyakh mnogonatsional'nogo gosudarstva: problemi I perspektivi. Materiali Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu chlena-korrespondenta AN RB G.S. Kunafina* [Preservation and development of spiritual culture and native language in a multinational state: problems and prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Belarus G.S. Kunafin]. In 2 parts. Part 1. Ufa, 2021. 332 p. (in Russ.).

7. Kamal, R. *Osveshchayushchiy nashu istoriyu* [Lighting up our history]. In: Bashkortostan. Ufa, 2017. P. 114–116. (in Bashkir).

8. Kunafin, G.S. *I pesnei, i satiroi. Razvitie zhanrovoi sistemy bashkirskoi literaturnoi pesennoi i satiricheskoi poezii XIX – nachala XX vekov* [Both song and satire. The development of the genre system of the Bashkir literary song and satirical poetry of the 19th - early 20th centuries]. Ufa: Kitap, 1999. 256 p. (in Russ.).

9. Kunafin, G.S. *Bashkirskaya poeziya XIX – nachala XX vekov. Voprosi zhanrovih i ideino-khudozhestvennih osobennostei* [Bashkir poetry of the 19th - early 20th centuries. Issues of genre and ideological and artistic feature]. Ufa: Gilem, 2011. 480 p. (in Russ.).

10. Nadrshina, F.A. *V predaniyakh i legendakh istoriya naroda* [In traditions and legends the history of the people]. Ufa: Kitap, 2011. 360 p. (in Bashkir).

11. *Pisateli zemli bashkirskoi. Spravochnik* [Writers of the Bashkir land. Directory] / Comp.: R.N. Baimov, G.N. Gareeva, R.Kh. Timergalina. Ufa: Kitap, 2015. 672 p. (in Russ.).

12. Khusnullina, R.D. *Stilevie osobennosti sovremennikh bashkirskikh istoricheskikh Romanov* [Style features of modern Bashkir historical novel]. PhD Thesis. 2009. 24 p. (in Russ.).

13. Alibaev, Z.A. *Poetika bashkirskikh romanov* [Poetics of Bashkir novels]. Ufa: Kitap, 2017. 344 p. (in Bashkir).

14. Akhmed'yanov, K.A. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Edition 4. Ufa: Kitap, 2018. 400 p. (in Bashkir).

15. Yamaletdin, M. *Krug. Istoricheskiy roman, esse* [Historical novel, essay]. Ufa: Kitap, 2007. 384 p. (in Bashkir).

ЮБИЛЕИ

ДОКТОРУ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ, ПОЧЕТНОМУ АКАДЕМИКУ АН РБ, ХАМИТОВУ ЭДУАРДУ ШАЙХУЛЛОВИЧУ – 85 ЛЕТ

Заслуженный деятель науки Башкирской АССР (1977), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (1998), почетный работник высшего профессионального образования РФ (2002) Хамитов Эдуард Шайхуллович родился 22 сентября 1937 г. в с. Ново-Кизганово Бураевского района БАССР. Окончил Бирский государственный педагогический институт (1958).

Преподаватель Бирского государственного педагогического института (1958–1961); старший преподаватель, декан Куйбышевского госпединститута (1964–1966); доцент, заведующий кафедрой Уфимского нефтяного института (1966–1969); с 1969 г. в Башкирском государственном педагогическом институте (затем университете): доцент, заведующий кафедрой, декан (1969–1972), проректор по учебной работе (1972–1983), ректор (1983–2005); депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ 4-го созыва (2005–2007 гг.); с 2008 г. – советник ректора Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы.

Внес огромный вклад в изучение, обобщение и внедрение передового педагогического опыта, проблем профессиональной адаптации, педагогического общения, разработку теории и практику формирования контингента педагогического вуза. Один из авторов и руководитель научного коллектива, разработавшего концепцию и программу развития образования в Республике Башкортостан. Научные исследования посвящены российской образовательной системе и этапам развития педагогической науки.

Автор более 190 научных работ, в т.ч. 9 монографий, 1 авторского свидетельства, среди них: «Контингент гуманитарного вуза: теория, подходы, практика формирования» (1999), «Профессиональная педагогическая подготовка в переломные периоды развития общества» (2002), «Стратегия развития образования в евразийском пространстве» (2002), которые являются обобщением научной мысли современной педагогики в поисках новых форм и методов управления образованием.

Награжден орденами Дружбы народов (1981), «За заслуги перед Республикой Башкортостан» (2003), медалью К.Д. Ушинского (1989), серебряной медалью ВДНХ СССР (1991), юбилейной медалью «100 лет со дня учреждения Государственной Думы в России» (2006), почетной грамотой Государственной Думы ФС РФ (2007).

Сердечно поздравляем Эдуарда Шайхулловича с юбилеем, желаем ему здоровья, счастья, успехов и достижений в научной, педагогической деятельности!

Президиум Академии наук РБ,
Отделение социально-гуманитарных наук
и технологий АН РБ

ДОКТОРУ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ, ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ АН РБ, АЮПОВУ МАНСУРУ АНВАРОВИЧУ – 75 ЛЕТ

Заслуженный работник культуры РБ (1997), доктор политических наук (2004), профессор (1998), член-корреспондент АН РБ (2009) Аюпов Мансур Анварович родился 8 июля 1947 г. в с. Исмагилово Давлекановского района БАССР. Окончил Салаватское педагогическое училище (1966), БашГУ (1973), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1978). В 1986 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата философских наук на тему «Социальные факторы укрепления дисциплины труда» (БашГУ), в 2003 г. – докторскую диссертацию «Политико-трансформационные процессы в постсоветской России: региональный аспект» (Москва).

В 1979–1986 гг. – зав. сектором печати, телевидения и радио, зам. зав. отделом Башкирского областного комитета КПСС, в 1986–1990 гг. – главный редактор газеты «Совет Башкортостаны». В 1990–1994 гг. – зам. Председателя Совета Министров БССР (зам. Премьер-министра РБ), в 1994–1998 гг. – Госсекретарь РБ. В 1998–2003 гг., 2007–2011 гг. – ректор БАГСУ при Президенте РБ, там же с 2007 г. – заведующий кафедрой политологии, социологии и философии. Один из организаторов Академии наук РБ, вице-президент АН РБ (2011–2016).

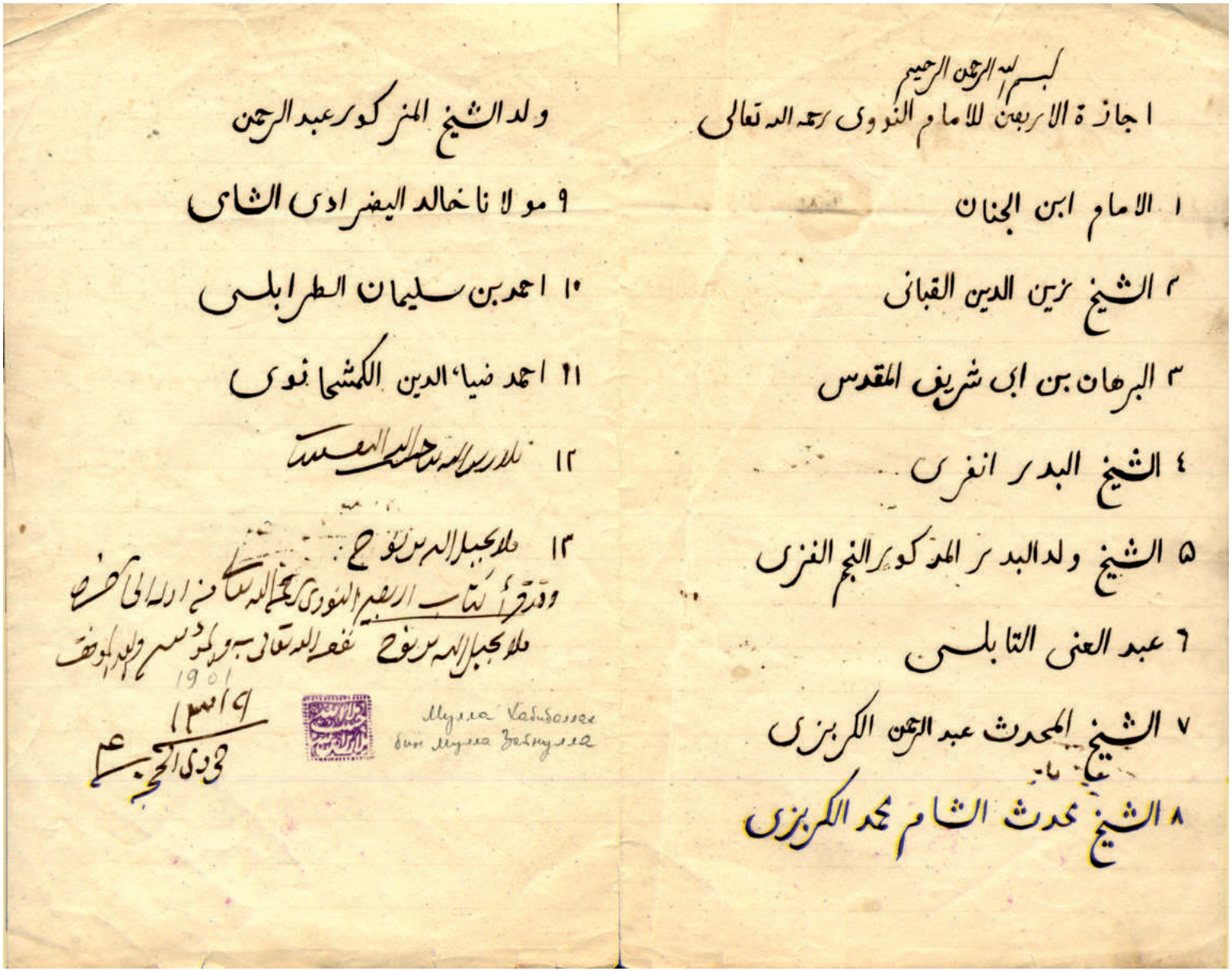
Научные труды М.А. Аюпова посвящены исследованиям современных политических процессов и трансформации властно-государственных институтов. Под его руководством проведен ряд фундаментальных исследований, в том числе «Тенденции и проблемы развития государственной власти в Республике Башкортостан на современном этапе», «Региональные особенности политико-трансформационных процессов в современной России», «Политико-правовые и политологические аспекты становления российского федерализма в условиях демократизации», «Этнополитический фактор в современном развитии российских регионов», «Республика Башкортостан: актуальные вопросы современного развития». Является руководителем проектов «Политико-государственное развитие Республики Башкортостан в 1986–2006 годах (события, факты, комментарии)» в 5 томах, «Истории башкирского народа» (7-й том), «Республика Башкортостан: актуальные вопросы современного развития» в 2 томах. Им написан ряд разделов и параграфов научного издания «Первый секретарь обкома: М.З. Шакиров (2016).

М.А. Аюпов – депутат Верховного Совета БАССР 11-го созыва (1985–1990), член Президентского Совета Республики Башкортостан (с 1994 г.), депутат Государственной Думы федерального Собрания РФ 4-го созыва (2003–2007), член Отделения социально-гуманитарных наук и технологий АН РБ, редакционного совета научно-практического журнала «Экономика и управление», редакционного совета журнала «Проблемы востоковедения» АН РБ.

Автор более 200 научных работ, в том числе 12 монографий. Награжден орденом «За заслуги перед Республикой Башкортостан» (2012), почетным знаком «За особый вклад в развитие законодательства Республики Башкортостан» (2012), памятной медалью АН РБ «Ахмет-Заки Валиди Тоган» (2016).

Сердечно поздравляем Мансура Анваровича с замечательным юбилеем, желаем дальнейшей плодотворной творческой работы, крепкого здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов на благо развития науки.

Президиум АН РБ,
Отделение социально-гуманитарных наук
и технологий АН РБ



بسم الله الرحمن الرحيم

اجازة الاربعين للامام النووى رحمه الله تعالى

١ الامام ابن الجنان

٢ الشيخ زين الدين القبانى

٣ البرهان بن ابى شريف المقدس

٤ الشيخ البدر انغزى

٥ الشيخ ولد البدر المذكور النجم الغزى

٦ عبد الغنى النابلسى

٧ الشيخ المحدث عبد الرحمن الكربزى

٨ الشيخ محدث الشام محمد الكربزى

ولد الشيخ المذكور عبد الرحمن

٩ مولانا خالد اليضرادى الشامى

١٠ احمد بن سليمان الطرابلسى

١١ احمد ضياء الدين الكمشخانوى

١٢ [illegible]

١٣ ملا جبل الله بن نوح

ودرس كتاب الاربعين النووى رحمه الله تعالى فى اربعة اماكن
ملا جبل الله بن نوح غفر الله تعالى له ولوالديه ولجميع المؤمنين

1901

١٣١٩

Musa Vasilovich
bin Musa Zainullin

Свидетельство Зайнуллы бин Хабиббуллы (с. 2–3)

* К статье Р.М. Булгакова (с. 79–84)

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России «Подписные издания» – 33074